

ISSN 1994-3725

Научный журнал

ВЕСТНИК
Тверского
Государственного
Университета

№ 3, 2018

Серия: ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал

Основан в 2004 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-61036 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Редакционная коллегия серии:

Заслуженный деятель науки РФ, д-р филол. н., проф. А. А. Залевская (*главный редактор*);
канд. филол. н., доц. И. В. Гладилина (*зам. главного редактора*);
к. филол. н., доц. М. В. Оборина (*отв. секретарь*);
д-р филол. н., доц. И. С. Бороздина (Курск); д-р филол. н., проф. Е. Н. Брызгалова;
д-р филол. н., проф. В. В. Волков; д-р филол. н., доц. Н. С. Гегелова (Москва);
д-р филол. н., проф. А. В. Гулин (Москва); д-р филол. н., проф. Н. В. Дмитриук (Казахстан);
д-р филол. н., проф. Ю. В. Доманский (Москва); д-р филол. н., проф. Н. Ю. Желтова;
д-р филол. н., проф. Ц. Иванова (Болгария); д-р филол. н., проф. Н. О. Золотова;
д-р филол. н., проф. И. В. Карташова; д-р филол. н., проф. Н. Ф. Крюкова;
д-р филол. н., проф. Н. И. Курганова (Минск, Беларусь);
д-р филол. н., проф. В. А. Миловидов; д-р филол. н., проф. С. В. Мкртычян;
д-р филол. н., проф. Б. Я. Мисонжников (Санкт-Петербург);
д-р филол. н. Н. В. Мохамед (Австрия); д-р филол. н., проф. Е. Ю. Мягкова (Курск);
д-р филол. н., проф. С. Ю. Николаева; д-р филол. н., проф. Л. Н. Скаковская;
д-р филол. н., доц. С. А. Чугунова (Брянск)

Адрес редакции:

Россия, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33, к. 207
Тел.: 8 (4822) 34-46-56

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

VESTNIK TVGU

SERIES: PHILOLOGY

No. 3, 2018

Scientific Journal

Founded in 2004

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № ФС 77-61036 from March 5, 2015.

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: PHILOLOGY

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION "TVER STATE UNIVERSITY"

Editorial Board of the Series:

Dr. of Philology, Prof., Honoured Scientist of RF A. A. Zalevsкая (*Editor-on-Chief*);
Candidate of Philology, Assoc. Prof. I. V. Gladilina (*Deputy Editor-in-Chief*);
Candidate of Philology, Assoc. Prof. M. V. Oborina (*Executive Secretary*);
Dr. of Philology, Assoc. Prof. I. S. Borozdina (Kursk); Dr. of Philology, Prof. E. N. Bryzgalova;
Dr. of Philology, Prof. V. V. Volkov; Dr. of Philology, Assoc. Prof. N. S. Gegelova (Moscow);
Dr. of Philology, Prof. A. V. Gulin (Moscow); Dr. of Philology, Prof. N. V. Dmitryuk (Kazakhstan);
Dr. of Philology, Prof. Yu. V. Domansky (Moscow); Dr. of Philology, Prof. N. Yu. Zheltova (Tambov);
Dr. of Philology, Prof. Z. Ivanova (Bulgaria); Dr. of Philology, Assoc. Prof. N. O. Zolotova;
Dr. of Philology, Prof. I. V. Kartashova; Dr. of Philology, Prof. N. F. Kryukova;
Dr. of Philology, Assoc. Prof. N. I. Kurganova (Minsk, Byelarus);
Dr. of Philology, Prof. V. A. Milovidov; Dr. of Philology, Assoc. Prof. S. V. Mkrtychyan;
Dr. of Philology, Prof. B. Ya. Misonzhnikov (St-Petersburg);
Dr. of Philology N. V. Mokhamed (Austria); Dr. of Philology, Prof. E. Yu. Myagkova (Kursk);
Dr. of Philology, Prof. S. Yu. Nikolaeva; Dr. of Philology, Prof. L. N. Skakovskaya;
Dr. of Philology, Assoc. Prof. S. A. Chugunova (Bryansk)

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, 33 Zhelyabov str., office 207
Phone: 8(4822)34-46-56

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Васильева С. А.</i> Вс. С. Соловьев об оккультизме	7
<i>Гулин А. В.</i> Соборность или «роевое чувство»? (Русский мир 1812 года в «Войне и мире» Л. Н. Толстого)	11
<i>Косоурова Н. Р.</i> Литературная утопия в прозе И. С. Соколова-Микитова 1920-х годов	23
<i>Марулис Д.</i> Отношения мифа и литературы	28
<i>Николаева С. Ю.</i> На «большаке» русской литературы: Достоевский в творческом сознании И. С. Соколова-Микитова	33
<i>Редькин В. А.</i> Жанрово-стилевое своеобразие поэзии Василия Федорова (к 100-летию со дня рождения поэта)	39
<i>Семенова Н. В.</i> Нарратологический анализ рассказа А. П. Чехова «Володя большой и Володя маленький»	46
<i>Цзюньцинъ Сы.</i> Женские образы в дунганской литературе Центральной Азии	52

ЛИНГВИСТИКА

<i>Астапенко Е. В., Варзони Ю. Н.</i> Типология неологизмов в современных германских языках	57
<i>Волков В. В., Волкова Н. В., Тогоева С. И.</i> Лингвокогнитивная игра как средство манипулятивного программирования (на материале приставок <i>интер-</i> и <i>транс-</i>)	62
<i>Гладилина И. В., Усовик Е. Г.</i> Языковые механизмы конструирования идеального мира: на материале идеографического словаря окказионализмов М. Е. Салтыкова-Щедрина	70
<i>Грибовская Н. Ю.</i> Тверская диалектная лексика, характеризующая гордого человека (семантический и мотивационный аспекты)	76
<i>Мирзоева В. М., Аксенова А. Т., Некрасова А. В.</i> Заимствования из американского варианта английского языка как характерная черта современной русской языковой личности	81
<i>Непомнящих Е. А.</i> Обращения к возлюбленным в современной молодежной среде	87

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

<i>Антонов-Овсеенко А. А., Шитикова Е. М.</i> Бюджет печатных СМИ России: Интернет и другие факторы влияния	93
<i>Брызгалова Е. Н., Иванова И. Е.</i> Петербургская пресса в 1905 году: глазами современника	97
<i>Бычкова М. Б.</i> Функции современного телевидения: российская вещательная модель на примере телеканала «Россия-1»	103

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ.
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

<i>Велижанина А. О., Волков И. Е., Волкова В. О.</i> Язык как социокультурная конструкция образовательной деятельности в высшей школе	109
<i>Капурсова М. Н.</i> Некоторые аспекты музыкальной темы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их отражение в русской рок-поэзии (М. Пушкина. «Бал у князя тьмы»)	116
<i>Кириянова Е. Г., Басаргина Д. С.</i> Из истории отечественной букваристики последней четверти XIX века: «Букварь...» А. А. Брайковского	122
<i>Петрушко И. А.</i> Лингвостилистическая и лингвориторическая характеристика текста современной русской православной проповеди	132
<i>Скаковская Л. Н., Ключникова Е. В.</i> Роль и значение русского языка на пространстве стран СНГ в современных условиях	139
<i>Скаковский В. Ю., Буданова Н. А.</i> Информационная компактность как важнейшая величина в процессе познавательной текстовой деятельности	145

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Бородина Е. Ю.</i> Славянизмы и церковнославянизмы в поэтическом творчестве П. А. Вяземского: лингвистический и лингвоментальный аспекты исследования	149
<i>Бояркина П. В.</i> Герой-автор в произведениях Пушкина, Гончарова и Набокова	155
<i>Вихрова Е. Ю.</i> Специфика творческой эволюции Д. С. Мережковского	160
<i>Денисенко Ю. Н.</i> Проблема борьбы с пьянством на страницах сатирического журнала «Свисток»	165
<i>Дивакова Е. А.</i> Проблема жанровой атрибуции в творчестве М. Г. Петрова	169
<i>Каинова О. А.</i> Многоликий Дон Жуан. Трактовки образа в поэзии символистов XX века	176
<i>Кудина А. Ю.</i> Комедия в двух действиях «Чайка» Б. Акунина как «текст-продолжение»	180
<i>Кульшарипова З. Г.</i> Аллофония в русскоязычных интернет-комментариях	185

CONTENTS
LITERARY STUDIES

<i>Vasilyeva S. A.</i> Vs. S. Solovyov about occultism	7
<i>Gulin A. V.</i> Collegiality or a “swarm feeling”? (Russian world of 1812 in “War and Peace” of L. N. Tolstoy)	11
<i>Kosourova N. R.</i> Utopianism in Ivan Sokolov-Mikitov’s prose of the 1920-s	23
<i>Maroulis D.</i> The relationship of myth and literature	28
<i>Nikolaeva S. Yu.</i> On the “highway” of Russian literature: Dostoevsky in the creative consciousness of I. S. Sokolov-Mikitov	33
<i>Redkin V. A.</i> Genre and stylistic originality of the poetry of Vasily Fyodorov (to the 100 th anniversary of the poet)	39
<i>Semenova N. V.</i> Narratological analysis of A. Chekhov’s short story «The Two Volodyas»	46
<i>Jun-qin Si.</i> Female characters in the Donggan literature of Central Asia	52

LINGUISTICS

<i>Astapenko E. V., Varzonin Yu. N.</i> Typology of neologisms in modern Germanic languages	57
<i>Volkov V. V., Volkova N. V., Togoeva S. I.</i> Lingvo-cognitive game as the means of manipulative programming (on the material of prefixes <i>inter-</i> and <i>trans-</i>)	62
<i>Gladilina I. V., Usovick E. G.</i> Language tools of constructing the ideal world: on the materials of the M.E. Saltykhov-Schedrin’s ideographic dictionary of occasionalisms	70
<i>Gribovskaya N. Yu.</i> Tver dialect words describing a proud man (semantic and motivational aspects)	76
<i>Mirzoyeva V. M., Aksenova A. T., Nekrasova A. V.</i> English American borrowings as the characteristic feature of the contemporary Russian linguistic personality	81
<i>Nepomnyashchikh Ye. A.</i> Appeal to beloved in a modern youth environment	87

JOURNALISM AND ADVERTISING

<i>Antonov-Ovseenko A. A., Shitikova E. M.</i> Budget in Russian printed media: Internet and others influence factors	93
<i>Bryzgalova E. N., Ivanova I. E.</i> St. Petersburg press in 1905: the eyes of a contemporary	97
<i>Bychkova M. B.</i> Functions of modern television: broadcasting of the Russian model on the example of the TV channel «Russia-1»	103

**RESEARCH RECORDS AND REPORTS.
TEACHING PROBLEMS**

<i>Velizhanina A. O., Volkov I. E., Volkova V. O.</i> Language as a spiritual design of educational activity in the high school	109
<i>Kaprusova M. N.</i> Some aspects of the musical theme in M. Bulgakov's novel "Master and Margarita" and their reflection in Russian rock lyrics (M. Pushkina's "At the Prince of Darkness's Ball")	116
<i>Kiryanova E. G., Basargina D. S.</i> From the history of the Russian alphabet book science of the last quarter of XIX century: "Alphabet Book..." by A.A. Braykovsky	122
<i>Petroushko I. A.</i> Linguistic, rhetorical and stylistic characteristics of the contemporary Russian orthodox preaching discourse	132
<i>Skakovskaya L. N., Klyushnikova E. V.</i> The role and importance of the Russian language in the CIS countries in modern conditions	139
<i>Skakovskiy V. Yu., Budanova N. A.</i> Informative compactness as the most important size in the process of cognitive text activity	145

YOUNG RESEARCHERS

<i>Borodina E. Yu.</i> Slavisms and church slavisms in P.A. Vyazemsky's lyrics: the linguistic and linguo-mental aspects	149
<i>Boyarkina P. V.</i> Personage-author in the works of Pushkin, Goncharov and Nabokov	155
<i>Vikhrova E. Y.</i> Specifics of the creative evolution of D.S. Merezhkovsky	160
<i>Denisenko Yu. N.</i> The problem of combating spirituality on the pages of the satyric journal "Svistock"	165
<i>Divakova Ye. A.</i> The problem of genre attribution in the works of Michael Petrov	169
<i>Kainova O. A.</i> Multifaceted Don Juan. Archetype interpretations in the symbolists poetry of the XX century	176
<i>Kudina A. Yu.</i> The "Sea-gull" by B. Akunin as an example of the "text-continuation"	180
<i>Kulsharipova Z. G.</i> Allophrony in the Russian-language internet-comments	185

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

ВС. С. СОЛОВЬЕВ ОБ ОККУЛЬТИЗМЕ

С. А. Васильева

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В статье рассматривается отношение русского писателя XIX в., автора исторических романов Вс. С. Соловьева к оккультизму. Анализируется влияние, оказанное на Соловьева Е.П. Блаватской, его впечатление от спиритических сеансов, которые он посещал вместе с Ф.М. Достоевским. Противоречивое отношение Соловьева к оккультизму нашло отражение в диалогии «Волхвы», «Великий розенкрейцер».

Ключевые слова: *Вс. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Е. П. Блаватская, оккультизм.*

Вс. Соловьев в художественных произведениях и публицистике неоднократно обращался к мистическим явлениям, тайным знаниям, чудесам и волшебству. Он писал, что «с медиумизмом <...> столкнулся в первые годы <...> юности и с тех пор, в продолжение многих лет, наблюдал его сущность и следил за его развитием и распространением» [4, с. 174]. Писатель прошел несколько этапов: от изучения теоретических исследований оккультистов и каббалистов разных времен до познания на практике всевозможных спиритических и медиумических явлений. Задумав создать мистическую дилогию о розенкрейцерах, Соловьев работал в Национальной библиотеке Франции, занимался «мистической и так называемой “оккультической” литературой» [6, с. 11], брал уроки хиромантии. С особым энтузиазмом он воспринял знакомство с Е.П. Блаватской, которая могла эти знания пополнить (подробнее см.: [2]).

Однако довольно быстро мнение о Блаватской и теософском обществе, ею основанном, начинает меняться. В «Современной жрице Изида» Соловьев разоблачает многочисленные «чудеса», которыми сопровождалось появление Блаватской: звон колокольчиков, передвижение предметов и пр. Автор доказывает, что учение Блаватской – шарлатанство. С помощью тщательно подготовленных «феноменов» она создала свое теософическое общество, «ими она сделала себе рекламу и собрала вокруг себя людей, желавших их видеть с той или иной целью», и эти же «феномены» оказались «самым грубым, самым возмутительным обманом и подделкой» [6, с. 9, 10].

В то же время Соловьев не отрицал существование оккультизма как такового. В статье «Искания религии» (1889) он рассказывает, как вместе с Ф.М. Достоевским присутствовал на одном из спиритических сеансов в 1876 г. (подробнее см.: [1]). Автор констатирует: «Мы должны были остановиться на признании действительного присутствия этих вне нас находящихся деятелей» [4, с. 174]. Правда, Соловьев весьма осторожно высказывает свое мнение относительно спиритизма. Значительную роль здесь сыграли не только знаменитые сеансы 1870-х гг. К этому

времени Соловьев уже узнал о спиритизме много больше, успел заинтересоваться учением Е.П. Блаватской и разочароваться в нем.

В «Исканиях религии», опубликованных в издаваемом им журнале «Север», Соловьев, с одной стороны, отмечает, что «нигде, кажется, нет и не было столько обманов, как в медиумизме, нигде не было столько шарлатанов и более или менее ловких фокусников. Так называемые спиритические сеансы, происходящие в темноте, представляют самое широкое и удобное поле для всяких обманов и мистификаций» [Там же, с. 174]. С другой стороны, «несмотря на фокусничество, обман и самообман – существуют или нет медиумические явления? Я должен ответить: конечно – существуют» [Там же, с. 174].

Основная мысль статьи состоит в необходимости избавить общество от спиритизма как явления крайне опасного: «В последовавшие за тем годы мне пришлось еще больше ознакомиться с этими явлениями, и я нахожу, что эти существа и полусущества, кто бы они ни были, большей частью такая “дрянь”, с которой уважающему себя человеку и христианину не следует вести дружбы и знакомства» [Там же]. Однако «в борьбе с материализмом спиритизм оказывает большие услуги, и с этой точки зрения можно, пожалуй, признать его как бы мостом, перекинутым через бездну, отделяющую неверие от веры» [Там же].

Стремясь к объективности и всестороннему рассмотрению проблемы, Соловьев делает попытку научной трактовки «чудес». Многие удивительные случаи на спиритических сеансах он объясняет «малоисследованными свойствами и явлениями как физической, так и психической природы человека» [Там же], которые и будут вскоре исключены из сферы спиритизма, механизмы этих «чудес» необходимо всесторонне исследовать, расширяя сферу современных знаний.

С этой точки зрения в другой статье, опубликованной в «Севере», анализируются алхимия, магия, астрология и приводятся данные современных научных исследований. Автор считает, что многое из того, что раньше казалось нелепицей, теперь является научно доказанным: «Новейшие успехи знания <...> к немалому смущению современных ученых, начинают мало-помалу обнаруживать всю вопиющую несправедливость подобного рода отношения к оккультизму» [3, с. 552]. В статье делается попытка научного обоснования гипноза, внушения, ясновидения: «Напомним, напр<имер>, старинное лечение болезней посредством заклинаний, отчитываний и пр. (современное лечение болезней при помощи гипнотического внушения; *психотерапия* некоторых авторов); <...> напомним вызывание “духов” при помощи громких заклинаний (современные опыты над громким словесным внушением зрительных галлюцинаций субъектам, погруженным в магнетический сон (загипнотизированным)); напомним вызывание духов при помощи прикосновения мага к приходившим к нему клиентам (современные опыты над вызыванием зрительных галлюцинаций путем мысленного внушения); напомним факты ясновидения, о которых мы неоднократно говорили в научной хронике <...> факты так называемого физического медиумизма, заставляющие допустить возможность, что мысль (дух) при известных условиях может действовать на физический мир непосредственно...» [Там же, с. 554]. Не утверждая, что автором статьи был издатель «Севера», отметим, что эту точку зрения разделял сам Соловьев.

Таким образом, отношение Вс. Соловьева к оккультным наукам было неоднозначным, порой противоречивым. Это и вера в сверхъестественное, в существование загробного мира и возможность общения с духами, и опасения о последствиях такого общения, и попытки объяснить непознанное уже существующими научными открытиями, снять с него налет таинственности и т. д.

Все это нашло отражение в диалогии Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер», в которой автор показал себя человеком не только увлеченным оккультизмом, но и глубоко в нем разбирающимся, прекрасно знающим историю и учение ордена розенкрейцеров.

В центре повествования два розенкрейцера: граф Калиостро и Захарьев-Овинов, постигшие многие законы мироздания. Соловьев пишет о том, что только наделенные могучим разумом и сильной волей люди могли приблизиться к пониманию тайных законов природы и сущности человека. Главным было изучение и познание явлений электромагнетизма, силы, составляющей, по убеждению розенкрейцеров, суть всей природы. Зная свойства этой силы, человек, обладавший разумом и волей, действительно мог быть пророком, ясновидцем, способен был двигать горы. Однако Соловьев показал, что истинный розенкрейцер не должен использовать свои знания для достижения личных целей, как это делал Калиостро. Розенкрейцерское учение имеет интеллектуальную базу, использует достижения науки и культуры, но учитывает нравственные законы и принципы, которым должен следовать каждый розенкрейцер. Эту идею в диалогии выражает Захарьев-Овинов.

Розенкрейцера Калиостро Вс. Соловьев изображает двояко: с одной стороны, это человек, способный делать добро, помогая бедным, исцеляя больных; с другой стороны, автор говорит о нем как об авантюристе и мошеннике, показывая в диалогии сцены «добывания» Калиостро философского камня у графа Потемкина. Кроме того, знаменитый маг в диалогии, что подчеркивается неоднократно, использует свои знания для достижения личных целей, для обогащения. Образ Калиостро в описании Соловьева – неоднозначный и противоречивый, но автор, несмотря на свое особое отношение к герою, не забывает и о налете таинственности при его изображении, многие события так и остаются до конца не прописанными, не проясненными, не опровергаются, а даже поддерживаются широко распространенное мнение о нем как о маге и волшебнике. В «Современной жрице Изиды» Соловьев признается: «Я нисколько не боюсь ничьей улыбки, заявляя, что и тогда признавал и теперь признаю *возможность* существования *где бы то ни было*, хоть бы, пожалуй, в пещерах и дебрях Индостана, такого человека, знания которого далеко превосходят все, что известно современной нашей науке» [6, с. 15]. Калиостро изображается как розенкрейцер, наделенный сверхъестественными способностями, но он лишен любви к людям, сострадания, то есть того, что, по мнению Соловьева, и придает смысл жизни.

На примере мага Калиостро и розенкрейцера Захарьева-Овинова Соловьев показывает, до каких пределов человек может развить в себе силу воли, до какой степени может он ради достижения поставленной цели изменять себя и насколько напрасны эти титанические усилия без участия души и сердца. Розенкрейцерство, знание тайн природы не указывает человеку путь к гармонии. Это не только не гарантия счастья, но и уход от него. Соловьев подводит читателя к тому, что знание высших законов мироздания не гарантирует достижения высшего блаженства.

Истинная мудрость в диалогии воплощена в образе отца Николая. Обычный священник оказывается сильнее своего брата, обладающего огромными знаниями. Захарьеву-Овинову ради достижения своей могучей силы пришлось отказаться в жизни от всех ее радостей, в том числе и от личного счастья, от любви. А глубоко верующий, полный духовной красоты отец Николай убежден в могуществе веры, которая и дает ему огромные силы, помогает творить чудеса.

Таким образом, Соловьев показывает, что христианство – это высшая религия, что вера дает человеку больше возможностей, чем обладание знаниями о тайных законах природы. Отец Николай, во многом выражающий авторскую позицию,

говорит о своем брате: «Его разум довел его до преступления», – и, обращаясь к девушке, которая любит брата, продолжает: «Люби его и спаси своей любовью. <...> Извлеки его из мрака, покажи ему <...> свет добра, любви и милосердия», «Через тебя, познав тщету мудрости, разума, дойдет он до мудрости сердца...» [5, с. 3, 404]. «Мудрость сердца» и является, по Соловьеву, истинной мудростью. А далее священник указывает и путь к достижению этой цели: «Все будет так, как угодно Богу. Проси Его помощи, верь, надейся, люби – только верь, надейся и люб не на слове, а делом, всей своей душою». Это и есть путь к высшей мудрости.

Список литературы

1. Васильева С.А. Ф.М. Достоевский и Вс. Соловьев о спиритизме // Церковь и время: научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2012. № 3 (60). С. 243–253.
2. Сенкевич А.И. Е.П. Блаватская и Вс.С. Соловьев. Вместо послесловия // Соловьев Вс.С. Современная жрица Изида: Мое знакомство с Е.П. Блаватской и «теософическим обществом». М.: Республика, 1994. С. 316–321.
3. Современное возрождение на научных началах астрологии, алхимии, магии и других тайных (окультических) знаний прежнего времени // Север. 1889. № 28. С. 552–555.
4. [Соловьев Вс.С.] Беседы «Севера». XXVI. Искания религии. Подп.: Изд-ль. // Север. 1889. № 9. С. 172–174.
5. Соловьев Вс.С. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Бастион: Пересвет, 1996.
6. Соловьев Вс.С. Современная жрица Изида: Мое знакомство с Е.П. Блаватской и «теософическим обществом». М.: Республика, 1994. 350 с.

VS. S. SOLOVYOV ABOUT OCCULTISM

S. A. Vasilyeva

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

In article the relation of the Russian writer of the 19th century, the author of historical novels of Vs.S. Solovyova to occultism. Impact which was exerted on Solovyov by Blavatskaya, his impression of spiritualistic sessions which he attended together with F.M. Dostoyevsky is analyzed. The contradictory relation of Solovyov to occultism has found reflection in a dilogy of “Magicians”, “The Great Rosicrucian”.

Keywords: *Vs. S. Solovyov, F. M. Dostoyevsky, E. P. Blavatskaya, occultism*

Об авторе:

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170033, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: rabota165@rambler.ru.

About the author:

VASILYEVA Svetlana Anatolyevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: rabota165@rambler.ru.

УДК 821.161.1

**СОБОРНОСТЬ ИЛИ «РОЕВОЕ ЧУВСТВО»?
(РУССКИЙ МИР 1812 ГОДА В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л. Н. ТОЛСТОГО)****А. В. Гулин**

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
*Отдел русской классической литературы,
группа по подготовке Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 тт.*

Статья посвящена изучению проблемы народного единства в России 1812 года и ее интерпретации в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». На материале русской публицистики эпохи Отечественной войны с Наполеоном выявляется строго христианский характер русского мировоззрения того времени, укрепленный и вдохновленный сопротивлением вражескому нашествию. Анализируется толстовское представление о естественных, природных истоках национального характера. Рассматриваются в сопоставлении категории соборности и роевого чувства. Определяется соотношение в романе-эпопее традиционного (исторического) и революционного (современного писателю) духовных начал.

Ключевые слова: Лев Толстой, «Война и мир», Кутузов, Багратион, Бородино, Аустерлиц, Наполеон.

1860-е годы, когда создавался роман «Война и мир», были тревожным временем в исторической жизни России. Период реформирования гражданского и хозяйственного уклада никогда и нигде не проходил безболезненно. В начале 1861 года решился мучительный для многих поколений русских крестьянский вопрос. Готовились военная, земская, судебная реформы. Естественный, самой жизни свойственный драматизм сопровождал эти правительственные меры. Однако подлинно трагическими для страны оказались не столько внешние обстоятельства, произведенные долгожданнами переменами, сколько духовное неблагополучие, вполне очевидное для проницательных наблюдателей.

Давно стало общим местом говорить, что в 60-е годы XIX века Россия стояла перед выбором исторического пути. В действительности такой выбор страна совершила почти тысячелетием раньше с принятием Православия. Теперь же (увы, не первый и не последний раз в ее судьбе) решался вопрос, устоит ли она в этом выборе, сохранится ли как таковая. Дух сомнения и разлада посетил некогда единый народ. Европейский принцип «сколько людей, столько истин», проникая повсюду, породил бесконечные споры. Появились «новые люди», готовые по собственной прихоти до основания перевернуть жизнь страны. Способность отвечать на явные и скрытые угрозы оставалась еще очень сильна в этой всесторонне богатой России. Самый воздух Империи сообщал новые силы науке, искусству, административным, хозяйственным начинаниям. И все же это, казалось, бесконечное цветение происходило в обстановке все ближе подступающей смуты, часто было уже неотделимо от нее.

Русский мир эпохи первой Отечественной войны представлял собой, по мысли Толстого, необходимую нравственную альтернативу отравленной духом разлада современности. Этот ясный устойчивый мир, хорошо понимал писатель, таил в себе вечные духовные ориентиры. Повинуясь верному историческому чутью, Тол-

стой избрал в 1860-е годы предметом для своего творчества единственную в XIX веке эпоху неомраченного, основанного на действительной нравственной связи сплочения всех сословий, всех элементов общества. Уже в первом незавершенном романе Толстого о декабристах, который, по сути, открывал творческую историю «Войны и мира», явно намечался контраст между всенародным восторгом 1812 года и мелким либеральным волнением середины века.

Между тем на события пятидесятилетней давности писатель смотрел во многом под углом ценностей своего времени. Более того, позиция Толстого – мыслителя и художника, на поверхности противопоставленная духу мятежной поры, нередко оказывалась также своеобразным его выражением.

Нашествие армии Наполеона воспринималось русским обществом 1812 года не просто как нападение врага на родную землю и государство, но как невиданная агрессия против священных начал, положенных в основание России. Конфликт между верой и безбожием, перенесенный полвека спустя прямо на русскую почву, в ту эпоху предельно ясно явил себя в отражении внешней угрозы, причем вся нация, может быть, в последний раз по сегодняшний день, выступила на борьбу как единый духовный монолит. «Тут сражались, – по замечанию человека той эпохи, – с одной стороны: гордость, самонадеянность, коварство, злоба, ухищрение, алчность и вероломство; с другой же: Религия, любовь к Отечеству, верность к Монарху, человеколюбие, бескорыстие и справедливость. Се истинное ратоборство добродетели с пороком – Неба с адом!» [11, с. 3].

Перед лицом исключительной опасности русский мир пережил столь же исключительное очищение, укрепление своего православного ядра. Главный предмет покушения Наполеона оказался (иначе и быть не могло!) также и камнем преткновения для его прежде непобедимых полков. Россию 1812 года соединила («в одну душу», как замечал другой современник) Евангельская правда, почерпнутая из нее строго христианская нравственность, немислимая без покаяния, осознания человеком грешной своей природы, твердого и сознательного обращения ко Христу, готовности жертвовать земными благами для жизни вечной. «Братия моя! – вскоре по окончании войны говорил архиепископ Московский Августин, – велики были искушения, которые правосудию Божию угодно было ниспослать на нас; но множество грехов наших несравненно превосходит оные. Может быть, зараза тех же беззаконий, тех же заблуждений, того же нечестия, в какие погрузились обуянные галлы, коснулась некоторых и из нас. Бог яко отец милосердый громом гнева Своего восхотел не поразить нас, а паче у врачевать, не погубить, но паче возбудить от пагубного усыпления. Мы очувствовались и из глубины души возопили: “Горе нам, яко согрешихом. <...>”. Услышан глас моления нашего – и с той минуты обновилась вера в сердца наших, воспламенилась любовь к Богу, к ближнему, к Отечеству...» [1, с. 8–9].

Победа над самым грозным противником, поистине чудесное освобождение своей страны и Европы в глазах россиян того времени выглядели прежде всего торжеством русской веры, вытекающих из нее жизненных устоев. «...где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20), – сказано в Евангелии. Стремление к одному всеми признанному христианскому идеалу смирило неизбежные в любом обществе противоречия, подчинило частные устремления единой воле, сделало каждого из русских свободным и посильным участником одного великого дела. Оно сказалось и в «собрании» духовных возможностей одного человека, и в «собрании» всего общественного организма, в «собрании», наконец, внутреннего опыта, духовной энергии не только ныне живущих людей, но десятков поколений соотечественников, происходившем как одно нерасторжимое целое. «Да встретит

он, – говорилось о Наполеоне в царском манифесте первых дней войны, – в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минаина» [3, с. 427]. 1812 год стал в исторической жизни нации временем подлинного торжества соборности.

На редкость единой в идейном отношении, лишенной полемики как таковой, оказалась литература тех лет, не только церковная, но и светская. Было бы неверным приписывать это обстоятельство усилиям государственной цензуры. Здесь говорило действительное самоощущение людей 1812 года. «Веруя единому Богу, служа единому Царю, любя одно Отечество, имея одну цель – такое единодушие и единомыслие составляет ваш щит и оружие противу всякого врага, храбрые россы! В таких только доспехах могли вы совершить то, что совершить не удалось ни одной нации!» [8, с. 9], – писал современник. «Возможно ли, – задавался риторическим вопросом другой автор, – покорить народ, который тверд в своей вере, который хранит ненарушимо святую нравственность и обычность славных своих предков, который соединен неразрывным союзом единомыслия и единодушия, внушаемых кроткими его законами?» [7, с. 29–30].

Подобные высказывания есть почти у каждого писателя той эпохи. Просветленное минувшей бедой христианское мирозерцание открывало современникам лишь непреложную правду о только что оконченной войне, путях мироздания, самих себе и своей Державе. Эта беспримесная, чистейшей пробы Истина светила так ярко, что многообразие жизненных форм, в которых она явилась, почти не интересовало современников. Любая попытка спустя годы найти причину русской победы в одних только человеческих усилиях и свойствах, отмечая исповедание веры как «заблуждение» будто бы неразвитого сознания (а такие попытки, особенно в XX веке, делались постоянно), поневоле вела к подмене самого существа исторического события. Свидетельством правоты людей того времени служила, ни больше и ни меньше, сама их победа.

Отечественная война с Наполеоном, безусловно, понималась и Толстым, в отличие от многих современных ему и последующих историков, как борьба нравственная по своей природе. И все же тут имелась в виду нравственность, глубоко укорененная в личных религиозно-философских воззрениях писателя. «Идеал есть гармония, – заметил Толстой 3 марта 1863 года. – Одно искусство чувствует это. И только то настоящее, которое берет себе девизом: нет в мире виноватых. Кто счастлив, тот прав!» [10, с. 540]. Его масштабная работа последующих лет стала всесторонним выражением этой позиции.

Великая правда 1812 года заявила о себе в картинах и образах «Войны и мира» как самая подлинная реальность национального бытия. Русские люди были тут всегда настоящими, живыми людьми, показанными с невиданной прежде силой. Под пером Толстого рождалось произведение исключительной почвенной правды и психологической новизны. Но за этой «цветущей почвой» писателю всегда открывалась как бы его собственная святыня. Евангельские, праведные черты в национальном характере всегда означали для него еще и нечто свое, толстовское. Толстой писал о жизни, словно никогда не знавшей грехопадения, жизни, которая сама, по его убеждению, таила в себе разрешение всех противоречий, дарила человеку вечное несомненное благо. «Чудны дела Твои, Господи!» – говорили на протяжении веков поколения христиан. И молитвенно повторяли: «Господи помилуй!». «Да здравствует весь свет! (Die ganze Welt hoch!)», – вслед за восторженным австрийцем восклицал однажды в романе Николай Ростов. Трудно было выразить точнее сокровенную мысль писателя: «Нет в мире виноватых» (здесь и далее фрагменты романа

«Война и мир» воспроизводятся по изданию: Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985. Т. 5–8).

Нашествие на Россию «двунадесяти языков», казалось Толстому, победила и отбросила исключительно почвенная жизнь: эмоционально богатая, не знающая никаких отвлеченных, расположенных за пределами непосредственного чувства обязательных начал. «Бесконечно малые элементы», из которых всегда складывается в истории ткань событий, выглядели в романе как бы единственно существующими. Все прочее становилось миражом, «помрачением цивилизации». Отечественная война тем самым выглядела как решительная война почвенного и надпочвенного, непринужденного и оформленного. Не только Россия и русский дух отвергали в «Войне и мире» чуждую вражескую силу; толстовская философия 1860-х годов побеждала тут все несогласные с ней жизненные установления. «Рассказы, описания того времени, – утверждал писатель, – все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянье, горе и геройстве русских. В действительности же это так не было. <...> Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени».

Совместить частную, эмоциональную правду и правду отвлеченную: государственную, державную – в рамках такой религиозно-философской позиции часто оказывалось невозможным. К примеру, Николай Ростов после своей молодецкой атаки в бою под Островно не видел никакой связи между этим «интуитивным» поступком и полученной им наградой. «Так только-то и есть всего, то, что называется геройством? – думал он. – И разве я это делал для отечества?».

Толстой не раз описывал или просто упоминал в «Войне и мире» православные богослужения. Он помнил, какую веру в подавляющем их числе исповедовали участники и очевидцы великой войны с Наполеоном. Два таких описания: служба в одном из храмов Москвы с молебном о спасении от вражеского нашествия (ее участницей стала Наташа Ростова) и бородинский молебен – отличались на страницах книги особенной теплотой. Психологическая правда того и другого эпизода была настолько проникновенной, что оба они, кажется, вполне отразили также и подлинный дух русской веры. Вместе с тем в каждой из этих картин прежде всего заявляла о себе толстовская философия непринужденной жизни. Черновые, не обработанные редакции этих описаний нередко получались у писателя гораздо более традиционными, близкими духу Православия. Но, вероятно, именно это обстоятельство в числе многих других и заставляло художника браться за переработку им написанного. На страницах «Войны и мира» с ее особенным религиозно-философским строем те прежние описания выглядели неорганичными, грозили нарушить исключительно прочное духовное и поэтическое единство произведения...

Молитва Наташи – слишком богатая и вместе с тем непростая сцена, чтобы анализировать ее потаенный строй в рамках короткой статьи. Но даже ограничивая себя одним, самым важным ее аспектом, нельзя не увидеть, что, изображая религиозные чувства героини, писатель, конечно, имел в виду свою толстовскую веру, которая, как полагал он до поры, не противоречит вере его отцов, а вполне безболезненно «включает» ее в себя.

Понять, какому Богу молилась Наташа, в действительности было не так просто. По всем приметам Христу-Спасителю. Но почти неуловимо Священное Имя, произносимое на Литургии, забывалось во «внутренней» молитве Наташи. «Окончив ектенью, дьякон перекрестил вокруг груди орарь и произнес: – “Сами себя и весь живот наш *Христу-Богу* (здесь и далее выделено мной. – А. Г.) преда-

дим”. “Сами себя *Богу* предадим, – повторила в своей душе Наташа. – Боже мой, предаю себя Твоей воле, – думала она. – Ничего не хочу, не желаю; научи меня, что мне делать, куда употребить свою волю! Да возьми же меня, возьми меня!” – с умиленным нетерпением в душе говорила Наташа, не крестясь, опустив свои тонкие руки и как будто ожидая, что вот-вот невидимая сила возьмет ее и избавит от себя, от своих сожалений, желаний, укоров, надежд и пороков».

Вероятно, под этой неведомой силой Наташа имела в виду Самого Спасителя. Но Христос никогда не учил идущих Ему вослед «избавляться от себя». Самоотречение вовсе не означало с точки зрения христианской отказ от личности, предполагало свободное, по собственной воле, подчинение себя (со всеми данными человеку особенностями) воле Всевышнего. Соответственно этому человеческая личность понималась и понимается Православием как великое достояние жизни земной и жизни грядущей: человек, согласно Библейскому откровению, был создан именно по образу и подобию лично существующего Бога-Творца. Зато вполне безличным выглядел «естественный», дорогой Толстому «всеобщий импульс мироздания». Полное слияние с ним действительно означало отказ от всего личного. Разве не этот абсолют – источник всякого чувства, по-своему ограничивал внутренний круг Наташиной молитвы, разве не к нему в конечном итоге и обращалась героиня? И разве не он имелся в виду, когда Наташа, вслед за словами Божественной Литургии «Миром Господу помолимся», думала: «Миром, – все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью – будем молиться...»?

Эти мысли в общем контексте описания предполагали все же не столько единство во Христе, сколько слияние в безличной, проникающей живую плоть, «субстанции любви». Неслучайно молитва Наташи во многом носила хорошо различимый в ее описании, в общем не свойственный духу Православия, характер чувствительного порыва. Неслучайно и то, что Толстой употребил в этом описании «предметное» слово «*миръ*» (земля, общество, мироздание), в отличие от родственного ему, но все же иного, духовно-нравственного по смыслу слова «*миръ*» (лад, согласие, тишина, отсутствие злобы, войны), которое используется в богослужебных текстах.

Крестный ход и молебен при Бородине, которые со стороны, не участвуя в них, наблюдал Пьер Безухов, стали одной из наиболее ярких и выразительных картин, предшествующих у Толстого описанию великой битвы. Разумеется, обойти вниманием столь значительное событие в истории главного сражения 1812 года для писателя было невозможно.

Толстой вложил в эту сцену, кажется, всю силу своего писательского дарования. Русский народ по всем видимым приметам предстал в ней именно таким, каков он есть. «...Все внимание его, – говорил Толстой о своем герое, – было поглощено серьезным выражением лиц в этой толпе солдат и ополченцев, однообразно жадно смотревших на икону. Как только уставшие дьячки (певшие двадцатый молебен) начинали лениво и привычно петь: “Спаси от бед рабы твоя, Богородице”, и священник и дьякон подхватывали: “Яко вси по Бозе к тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предстательству”, – на всех лицах вспыхивало опять то же выражение сознания торжественности наступающей минуты, которое он видел под горой в Можайске и урывками на многих и многих лицах, встреченных им в это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волосы и слышались вздохи и удары крестов по грудям».

Все было точно, все было неподражаемо прекрасно. Но какая же сила соединила в романе участников молитвы? Очевидно, что это была эмоциональная, «неразумная» сторона их душевной жизни, неизменно сопряженная на страницах романа с выразительной внешней пластикой. Эти вздохи, эти удары крестов по грудям,

эти жадные взгляды выражали именно такую полноту естественных переживаний. Тут изображался некий природный импульс, равно проникающий души всех, кто способен искренне переживать происходящее. Сам коленопреклоненный Кутузов, сами солдаты и офицеры, мужики-ополченцы несли в себе единое, напряженное в канун решающего дня, и тем более сокровенное, начало непринужденного бытия. Многие, почти незаметные на первый взгляд черты описания создавали именно такое впечатление.

Все морально значимое, по мнению Толстого, совершалось в мире непреднамеренно и по-земному просто. Отсюда множество вполне «приземленных» подробностей, которые, в духе толстовской веры 1860-х годов, должны были оттенить элементарный смысл происходящего. Отсюда и тот «опрошенный», если не сказать «простецкий» взгляд на событие, который все же угадывался в описании Бородинского молебна. Вот так же Толстой, изображая говение Наташи, однажды упомянул икону Божией Матери, «вделанную в зад левого клироса». Рассматривая такие определения в свете будущего духовного движения писателя, нельзя не заметить в них как бы первоначального зерна кощунственных описаний из романа «Воскресение», созданного Толстым два десятилетия спустя. Впрочем, художественные картины «Войны и мира» пока еще в равной степени принадлежали как русской революции, так и русской традиции. Можно даже сказать, что революционное начало (что нередко бывает в искусстве) на первых порах только ярче высвечивало начало традиционное.

В рассказе о бородинском молебне особенно обращали на себя внимание уставшие и вследствие этого «лениво» поющие, словно равнодушные ко всему, дьячки. Может быть, само упоминание о двадцатой за день службе (учитывая продолжительность православного богослужения, даже сокращенного по условиям военной необходимости, это едва ли было так на самом деле), понадобилось в романе лишь для того, чтобы «оправдать» столь важную в смысле поэтики «Войны и мира» естественную «простоту» события. Соответственно и Чудотворная икона Смоленской Богородицы в романе запечатлела дорогое Толстому абсолютное начало «чувствительного бытия», которое, независимо от внешнего повода – молебна, стянуло к себе бесчисленно малые элементы живой жизни, само отражаясь в каждом из таких «нервных окончаний».

Единство русских людей перед лицом наполеоновской угрозы лишь на первый взгляд напоминало в «Войне и мире» столь очевидное для современников событий соборное единение 1812 года. Вместо сплочения в духе Христовом (а другой соборности нет и быть не может!) тут очевидно проявилось иное, дорогое писателю единство: слияние «атомов жизни» в некоем общем для них «духе естественного бытия».

На выезде из Можайска в канун Бородинского дня Безухов услышал слова простого солдата: «Всем народом навалиться хотят...». Возможно, поводом для их появления в романе стало известное Толстому высказывание П. И. Багратиона из его письма к А. А. Аракчееву: «...Надо спешить непременно, готовить людей, по крайней мере сто тысяч, с тем, что, если он <неприятель> приблизится к столице, всем народом на него навалиться – или побить, или у стен Отечества лечь!» [2, с. 504]. Но все же такое народное сплочение Толстой понимал по-своему.

Образ пчелиного роя, стянутого к одному центру всепроникающим неразумным жизненным инстинктом, не случайно оказался в «Войне и мире» столь «говорящим», значительным. Особенно ярко он заявил о себе в тех эпизодах, где было показано оставление Москвы ее жителями. Изображая покинутый город, Толстой прямо сравнивал Москву с «обезматочевшим ульем». Точно так же возвращение

москвичей на родное пепелище казалось ему подсказанным самой природой обживанием старой муравьиной кочки. Вместо соборности в романе заявлял о себе даже не коллективизм, а некое стихийное «роевое чувство». Такая природная связь выглядела, с точки зрения писателя, наивысшим из возможных проявлением нравственного бытия. Соответственно «мысль народная», национальная получала на страницах «Войны и мира» в том числе и такое, естественное, свое истолкование.

* * *

Понятие «народ» всегда предполагает многие качества, отсутствие хотя бы одного из которых делает его неполным, не до конца состоятельным. Единство кровное, вероисповедное, государственное – важнейшие из них. Это ясно понимали современники войны 1812 года. Незадолго до Бородинского сражения М.И. Кутузов, обращаясь к жителям захваченной врагом Смоленской губернии, дал одну из наиболее точных формул русского единства. «Вы исторгнуты из жилищ ваших, – писал он, – но верою и верностию твердые сердца ваши связаны с нами священнейшими, крепчайшими узами единоверия, родства и единого племени. Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущества, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не возможет победить сердец ваших. Таковы россияне! Царство российское издревле было единая душа и единое тело. Оно всегда подвизалось волею своих Самодержцев и пламенною любовью к ним и Отечеству своему. Да подкрепит Всевышний многотерпение ваше, любезнейшие и достойнейшие соотечественники!» [4, с. 39]. Иерархия национальных ценностей выстраивалась русским полководцем безупречно. Эти слова звучали как настоящий манифест соборности. Душевные и материальные силы русской земли соединялись, по мысли главнокомандующего, племенным родством, приверженностью одной вере, одному царю – помазаннику Божию, мистическому центру общенационального притяжения.

С точки зрения Толстого, нравственное единство народа обеспечивала сама жизнь, естественная и непроизвольная. Народное чувство в романе представляло собой некий безошибочный моральный инстинкт, заключенный в недрах «неразумного», подсознательного бытия. По мысли писателя, он не нуждался ни в каком руководстве, ни в каком «цивилизованном» оформлении. Он требовал не Царя, не Императора, а вождя по-домашнему понятного, умеющего слушать «пульс» непринужденной действительности, чуждого любым «отвлеченным» идеалам... Едва ли Кутузов на страницах «Войны и мира» мог от чистого сердца обнародовать приведенное выше послание к смолянам.

Русский полководец в «Войне и мире» полнее других чувствовал разлитое во множестве «клеточек жизни» абсолютное начало, это, как ни смотри, «личное безличное», найденное Толстым еще в молодые годы. Это хорошо понял Андрей Болконский, внезапно успокоенный после встречи с Кутузовым в Цареве Займище: «У него ничего не будет своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет <...> но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, – это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое».

Своеобразная логика «неделания», невмешательства в течение жизни составила главный стержень поведения Кутузова, каким увидел его Толстой. Великая историческая роль русского главнокомандующего на страницах «Войны и мира» в том и состояла, что он позволил событиям развиваться непринужденно, только на-

блюдая за тем, чтобы вмешательство самолюбия, тщеславия, эгоизма (порожденных цивилизацией страстей) не нарушало стихийно нравственный порядок вещей. Так он вел себя на Бородинском поле, когда всем существом своим, не отдавая никаких приказов, охранял неподвластный разуму «дух войска». Так поступал и позднее, пресекая попытки догнать и уничтожить бегущие силы Наполеона, потому что видел за этим одно лишь заносчивое стремление «обуздать жизнь».

Бородинское сражение 26 августа (7 сентября) 1812 года стало одним из тех событий национальной жизни, когда русский дух являет себя с полной, исчерпывающей силой и чистотой. Столь же ясными, законченными были и сокровенные устремления армии Наполеона. Столкновение в бою вечно враждебных духовных начал оказалось предельно откровенным. Эта последняя определенность, желание каждой из сторон во что бы то ни стало утвердить свои ценности сделали битву исключительно жестокой. Суть и смысл русской судьбы, глубинные пути человеческой истории открылись в ней почти воочию зримо.

Десятки описаний, оставленных россиянами – участниками сражения, передавали единое, только раз в жизни испытанное каждым из них состояние неземного восторга, прикосновения к Небесной Правде. И.П. Липранди, вспоминая себя, своих товарищей накануне Бородинского дня, так описывал общее настроение, укрепленное только что состоявшимся молебном: «По окончании священной процессии все мечтания, все страсти потухли, всем сделалось легче; все перестали почитать себя земными, отбросили мирские заботы и стали как отшельники, готовые к бою на смерть» [5, с. IV]. В свою очередь артиллерийский офицер Н. Любенков рассказывал, что на поле боя «собственная жизнь сделалась бременем, тот радовался, кто ее сбрасывал – он погибал за Государя, за Россию, за родных» [6, с. 21]. Судя по многочисленным рассказам русских участников битвы, день неслыханных ужасов и потрясений оказался для каждого из них, уцелевших, моментом подлинного откровения о своей нетленной, ангельской природе, восставшей на защиту не только земного, но разлитого в земном Вечного Отечества.

Не только упорство разгоревшейся борьбы, по любым меркам совершенно исключительное, но сила духовной правды, столь ярко осветившей русские войска, заставляла уцелевших участников сражения говорить о событии единственном, равных которому не найти в новой истории. Многие из них признавали, что человеческий язык бессилен выразить все пережитое ими на высотах у деревни Семеновской, Курганной батарее, вблизи простого русского села Бородино.

На страницах «Войны и мира» великая битва русской истории тоже стала центральным событием. Уверенность художника в том, что день Бородина представлял собой прежде всего нравственный день, вероятно, только укрепилась после его поездки на поле сражения осенью 1867 года. Острее и глубже большинства современников Толстой ощутил от начала до конца проникающий битву, различимый в каждом ее действии характер духовного противоборства. Молебен перед образом Богородицы в русском лагере и поклонение живописному портрету мальчика, сына Наполеона, в лагере французском; скромность и простота у одних, бахвальство и напыщенность у других; твердая готовность стоять на своем со стороны русских, бешеный агрессивный напор со стороны их неприятеля – все это передавалось Толстым неподражаемо точно, восходило к неким определяющим началам в характере каждой из противоборствующих сторон.

В отличие от Аустерлицкой баталии, он говорил теперь о «великой брани», где русские сражались на своей земле, за свои ценности. И он показал истинно русский бой – простой, бесхитростный и жертвенный.

Русский солдат, начиная от рассказа о полковом смотре под Браунау, кончая знаменитой «массовой» сценой встречи Кутузова с войсками под Красным, всегда изображался в «Войне и мире» с непостижимой выразительностью, в сотнях разнообразных лиц. Но солдаты при Бородине в этом отношении, кажется, не имеют себе равных.

Вся возможная психологическая правда о русском человеке в бою за родную землю: о его стойкости и упорстве, внутренней собранности «в отпор происходящему», его отчаянном веселье в минуту опасности – прозвучала в потрясающей картине «семейного кружка» артиллеристов на батарее Раевского, куда оказался заброшен наивный Пьер Безухов. Удивительная душевная прочность отличала и других солдат – из полка Андрея Болконского, безропотно избиваемых в резерве ядрами и гранатами на страшном овсяном поле, готовых полечь до единого на своем «самом незначительном» месте. Лучшие, возвышенные черты народного характера оказались тут запечатленными раз и навсегда. Дар Толстого «захватывать» воображение читателя достигал при этом просто исполинской силы. Весь ужас ожидания в резерве «своего часа», вся горячность и боевой азарт занятых воинским делом артиллеристов переживались и переживаются каждым из нас будто испытанные наяву.

Оставаясь верным духу русской истории, Толстой показал не столько сражение, сколько «великое стояние» русских, вооруженных самой истиной, подобно далеким своим предкам заступивших дорогу наглому, бесстрашному врагу. Гибель артиллеристов на захваченной врагом батарее, «бесполезная» трата людей полком князя Андрея, смертельное ранение самого героя были выражением глубинной сути русского сопротивления Наполеону. Это любовь, добро, правда в полном согласии со своей светлой природой отторгали ненависть, разрушение, хаос. Мир противостоял войне. Но то были все же толстовский мир и толстовская война.

Бородинское сражение виделось писателю своего рода последним торжеством начал непринужденного бытия. Он рисовал битву, где ходом дел руководит не воля главнокомандующего, а сама жизнь, сотканная из тысяч случайностей. Сила естественной, природной жизни, как пчел, как растревоженных муравьев, соединила в «Войне и мире» русских людей независимо от их сословия, возраста, звания, соединила тем прочнее, чем более жестоким было оскорбление, нанесенное французами этой жизни.

Современники войны 1812 года часто называли духовный подъем русского народа «воспламенением сынов Отечества». У Толстого встречался похожий образ. Он упоминал некий скрытый огонь, отблески которого там и тут вспыхивали на лицах участников битвы. На страницах «Войны и мира» это был огонь земного, раздраженного и вместе торжественного чувства, разлитый в переживаниях каждого из русских. Вечером накануне сражения Андрей Болконский на вопрос Безухова о том, от чего будет зависеть победа, отвечал: «От того чувства, которое есть во мне, в нем, – он указал на Тимохина, – в каждом солдате». Этот земной огонь, этот жар, подирающий по коже, пронизывал при Бородине всю живую плоть русской армии. Солдаты, офицеры, генералы поступали лишь по его велению, обретая каждый в себе физически осязаемую «святыню жизни». Это она двигала в романе тысячами отдельных импульсов, определяя характер сражения и его исход. Русское войско предстало как единый, чуждый всему формальному «сгусток естественного бытия».

Споры о том, кому принадлежала победа на Бородинском поле, не затихают и по сегодняшний день. Толстой был одним из первых, кто в потомстве определил результат сражения как безусловную победу русской армии. Завершая описание битвы, он сказал об этом в самых торжественных словах, ныне ставших едва ли не

хрестоматийными. «Не та победа, – говорил писатель, – которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знаменами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, – а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своей бессилии, была одержана русскими под Бородиным».

Вслед за Толстым сегодня мы верим, знаем: это так и есть, Бородино – нравственная победа наших предков, наша победа. И все же величественный итог Бородинского дня подводился писателем совершенно в духе его собственных философских воззрений. Какую нравственность имел в виду Толстой? Ни один участник сражения, пожалуй, не посмел бы назвать знамя куском материи на палке. За знамя отдавали жизнь. То была самая честная, праведная смерть. Но Толстой определенно хотел противопоставить моральную победу русских этим, как утверждал он, кускам материи, воплощенному в них нравственному началу. Иначе рассуждать, по всей вероятности, он не мог.

Андрей Болконский под Аустерлицем, устремляясь со знаменем в атаку, почувствовал: знамя на ветру тяжелое, оно клонит человека к земле. Очевидно, он мог бы ощутить фактуру ткани, из которой пошито знамя, его цвет. Больше оно ни о чем не говорило естественному чувству, во всем принадлежало к разряду пустых «отвлеченностей». Болконский убедился в этом всего миг спустя после своего аустерлицкого ранения. «Как тихо, спокойно и торжественно, – думал он при виде плывущих по небу облаков, – совсем не так, как я бежал <...> не так, как мы бежали, кричали и дрались...». «А, знамена!», – рассеянно, как о чем-то постороннем, скажет Кутузов в «Войне и мире» после сражения под Красным, когда его внимание обратят на захваченные трофеи. Говоря о нравственной победе русской армии при Бородине, Толстой, как прежде, имел в виду торжество дорогого ему, как полагал он, безгрешного, земного бытия.

* * *

В 1859 году будущий создатель «Войны и мира» на страницах «исповедального» письма, адресованного его двоюродной тетке А. А. Толстой, рассказывал о времени становления (это было на Кавказе) своих религиозных воззрений: «Из 2 лет умственной работы я нашел простую, старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что надо жить для другого, для того чтобы быть счастливым вечно. Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их в Евангелии, но нашел мало. Я не нашел ни Бога, ни Искупителя, ни таинств, ничего; а искал всеми, всеми, всеми силами души, и плакал, и мучался, и ничего не желал кроме истины» [9, с. 292].

У Толстого в 1860-е годы определенно было свое представление о Высшем начале бытия. Все остальное, о чем говорил он прежде, в основном сохраняло свою силу и теперь. «Ни Искупителя, ни таинств, ничего». Христос на страницах романа нигде и не назывался Богом. «Почему сын?» – пронеслось однажды в сознании умирающего, погруженного в мысли о вечном Андрея Болконского. Платон Каратаев умилялся собственному рассказу о безвинно пострадавшем купце, «прозревший» Безухов думал о том, как трудно и вместе блаженно «любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страдания». Но ни один, ни другой, кажется, не имели в виду искупительный, ведущий дорогой Спасителя крестный путь. Было «сходство с христианской религией». За ним же таилась иная, глубоко личная пантеистическая вера, которую писатель, по его словам, «узнал так, как никто не знает».

Казалось бы, принцип «сколько людей, столько истин», так широко и повсеместно проникающий в русскую жизнь 1860-х годов, нашел и в «Войне и мире» определенное свое выражение. Противопоставляя новый роман смутным веяниям эпохи, гениальный писатель вместе с тем отдал по-своему дань тем же самым веяниям. Грандиозная книга о былом не только раскрыла с необычайной силой (в этом смысле никто из писателей к Толстому даже не приблизился) земные основания русской победы в 1812 году. Она утвердила уже готовый состояться в национальном мире переворот во взглядах на отеческое прошлое, по-своему отразила историческое мироощущение новой поры. Но разве лишь поэтому оказалась она так дорога и понятна новым поколениям русских?

Каждый, кто прикоснулся хотя бы однажды к этой поэтической вселенной, испытал на себе ее неотразимое воздействие. Так же, как нельзя представить без «Войны и мира» нашу литературу, невозможно представить без нее и русское патристическое сознание. Однажды в романе Толстой говорил о Кутузове: «А главное, – думал князь Андрей, – почему веришь ему, – это то, что он русский...». Эти слова можно отнести к самому создателю великой книги. Кого оставит равнодушным эта земная, подлинная Россия с ее живыми, многообразными лицами, ее праздниками и бедами, ее открытым сердцем и твердой решимостью защитить себя в бою? Где еще мы найдем столь живой, осязаемый, столь законченный и в то же время таинственный образ давно ушедшей эпохи?

Все это между тем не снимает очень важного вопроса, возникающего в связи с «Войной и миром»: где проходит почти неуловимая грань, за которой кончается прочтение Толстого «по законам им самим над собой поставленным и признанным» и начинается уже произвольное «дополнение» его романа историческими и духовными реалиями прошлого? Судя по всему, Толстой вовсе не предполагал в «Войне и мире» возможность иной духовной, исторической, культурной перспективы, кроме той, которую избрал он сам. В положение «дописывающего» ставит читателей романа, будь то школьник, литературовед, историк, никто иной, как его создатель. И мы обречены уже от себя привносить в эти ослепительные картины, вкладывать в эту неподражаемую правду чувства также сознательную правду русской истории. Военную, государственную, духовную...

Список литературы

1. Августин, епископ Дмитровский, викарий Московский. Слово по случаю заключения вожденного и вечнославного мира победоносной России с Францией и восстановления свободы и спокойствия во всей Европе, произнесенное 1814 года июня 21 дня. М.: Синодальная тип., 1814. 14 с.
2. Багратион П.И. Письмо к А.А. Аракчееву. 7(19) августа 1812 г. // Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г.: В 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859. С. 504.
3. Высочайший манифест от 6 (18) июля 1812 г. // Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: В 2 т. Т. 1. Berlin: V. Behr's Buchhandlung, 1870. С. 426–427.
4. Кутузов М.И. Обращение к жителям Смоленской губернии от 20 августа 1812 года // Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. материалов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 39.
5. Липранди И.П. Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1867. 314 с.

6. Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб.: Тип. Э. Праца и Ко, 1837. 76 с.
7. Покровский Ф.Г. Философ горы Алаунской, или Мысли на Дону о вступлении в русские пределы Наполеона и совершенном его поражении. М.: Унив. тип., 1813. 40 с.
8. Потт Г.Е. Послание к русским по случаю высокого торжества в 1813 году в честь двестиюлетнего царствования на Всероссийском престоле Всеавгустейшего Дома Романовых, сочиненное инженер-капитаном фон Поттом. СПб.: Сенатская тип., 1813. 32 с.
9. Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: В 90 т. Т. 60. М.: Худож. лит., 1949. 558 с.
10. Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: В 90 т. Т. 48. М.: Худож. лит., 1952. 567 с.
11. Штейнгель В.И. Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах: Ч. 1. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1814. 262 с.

**COLLEGIALITY OR A “SWARM FEELING”?
(RUSSIAN WORLD OF 1812 IN “WAR AND PEACE” OF L.N. TOLSTOY)**

A. V. Gulin

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
the Department of Russian Classical Literature,
group for the preparation of Complete works of L. N. Tolstoy in 100 volumes

The article is devoted to the study of the problem of national unity in Russia in 1812 and its interpretation in the epic novel by L. N. Tolstoy “War and Peace”. By the material of the Russian publicism of the Patriotic War with Napoleon the strictly Christian character of the Russian worldview of that time, strengthened and inspired by the resistance to the enemy invasion is revealed. Tolstoy’s idea of natural sources of national character is analyzed. Considered in the comparison of the category of conciliarity and swarming feelings. The correlation between the traditional (historical) and revolutionary (modern) spiritual principles is determined in the novel-epic.

Keywords: *Leo Tolstoy, War and peace, Kutuzov, Bagration, Borodino, Austerlitz, Napoleon.*

Об авторе:

ГУЛИН Александр Вадимович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, руководитель группы по подготовке Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 100 тт. (121069, Москва, ул. Поварская, 25а), e-mail: gulinimli@yandex.ru.

About the author:

GULIN Aleksander Vadimovich – Doctor of Philology, Leading Researcher of the A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, team leader for the preparation of Complete works of L. N. Tolstoy in 100 volumes (121069, Moscow, Povarskaya str., 25a), e-mail: gulinimli@yandex.ru.

УДК 821.161.1

**ЛИТЕРАТУРНАЯ УТОПИЯ В ПРОЗЕ И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА
1920-х ГОДОВ****Н. Р. Косоурова**

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

В статье речь идёт об утопизме как характерной особенности мировосприятия героев И. С. Соколова-Микитова и элементах жанра литературной утопии в его творчестве. Выявлено присутствие, во-первых, признаков соцреалистической утопии, во-вторых – народно-религиозной утопии, воплощённой в мотиве поиска «земли обетованной». Анализ основан на произведении «Исток-город» и двух редакциях рассказа «Камчатка». Сделан вывод о влиянии утопизма 1920-х годов на дальнейшее творчество писателя.

Ключевые слова: *Соколов-Микитов, утопизм, жанр литературной утопии, малая проза, земля обетованная, авторедактирование.*

В 20-е годы XX века отечественная литература развивалась в русле «соцреалистической утопии», отражавшей эйфорию и энтузиазм эпохи социальных перемен; в творчестве различных писателей по-разному соединялась народно-религиозная и интеллектуальная линия утопии, развивавшиеся ранее [3, с. 71, 81]. На народной основе формировалась коммунистическая утопия, позднее народный утопизм отразится в «деревенской прозе».

Художественная проза этого периода уже исследовалась с точки зрения присутствия в ней утопических тенденций, в основном в литературоведческих работах, посвященных теме природы. Например, Л.В. Гурленова выделила такую общую черту в творчестве Пришвина, Соколова-Микитова и др.: «Утопизм мышления – характерная особенность писателей, включившихся в осмысление отношений природы и человека. Им порождены многочисленные утопические проекты, которые выполняли просветительскую миссию – направляли общественное развитие к идеалу, рожденному эпохой широкого индустриального строительства» [2, с. 23].

Для исследования роли и места соцреалистической утопии в творчестве И. С. Соколова-Микитова мы проанализировали своеобразную «пробу пера» – книгу «Исток-город», а также рассказы о деревне. Акцент сделан на рассказе «Камчатка» из цикла «На речке Невестнице».

В 1918–1919 годах Соколов-Микитов работал учителем в единой трудовой школе города Дорогобуж. В своих заметках писатель задумался о разработке новой системы воспитания детей, главная задача которой заключалась бы в развитии их творческих способностей. Своеобразной литературной формой методической разработки этой идеи стал рассказ-утопия «Исток-город». Произведение вышло в свет в виде отдельной книги и стало одной из нескольких ранних публикаций Соколова-Микитова, замеченных и высоко оцененных, например, И. А. Буниным и А. И. Куприным.

В утопии «Исток-город» счастье и развитие детей представляется автору залогом «светлого будущего». Произведение отчасти отражает действительность с её пролетарской идеей «обобществления быта» и предвосхищает мотив дома-коммуны в литературе 1920–1930-х годов: «Социальное устройство. Коммуна. Принципы социализма. Гражданские обязанности: дисциплина и ответственность, – отчетность. Ленивым и тунеядцам места нет» [9, с. 57]. Совокупность приемов изложения и сама форма произведения свидетельствует о том, насколько реальным представлялся автору «план детской коммуны». Однако последующая публикация его в виде книги с философскими размышлениями на тему детства позволяет рассматривать Исток-город как идеальный, утопический образ, а жанр этого произведения определять как литературную утопию. Представление о большой роли созидательного фактора в формировании личности и общества следует оценивать как общую тенденцию в развитии литературы, как проявление у Соколова-Микитова «утопического мышления» – знакового явления в прозе 1920-х годов [1].

Созидание в дальнейшем станет одной из основ раскрытия темы человека и природы, проблематики русского национального характера в многочисленных путевых очерках. Тема детства будет развиваться в творчестве писателя автопсихологично, воспитание детей больше не пересечется с понятием коммуны. Несмотря на то, что Соколов-Микитов больше не будет разрабатывать утопические идеи, в его творчестве утопизм предыдущих эпох будет переосмысливаться и воплотится в мотиве поиска «земли обетованной».

В малой художественной прозе Соколова-Микитова 1920-х годов черты утопии продолжили развиваться в народно-религиозном русле. В рассказах писателя отразились переосмысленные им, трансформированные народные легенды о поиске мистического Китеж-града, Беловодья. Образ свободной земли оказался лишенным очевидной религиозности и связывался теперь у Соколова-Микитова с реальной, хотя и не постоянной, топонимикой: Камчатка, Сибирь, Кубань. В цикле «На речке Невестнице» о поиске лучшей жизни говорится в рассказе «Камчатка» (1924). Одноимённый полуостров – будто «сказочная счастливая земля». В рамках данного исследования мы сравнили ранние и поздние редакции произведения и обнаружили, что сочувствующая точка зрения автора, его погружённость в наивное мироощущение крестьянина сменяется отстраненностью позиции повествователя, снисходительным отношением к легендам, бытующим среди мужиков.

Рассказ «Камчатка» впервые опубликован в 1924 году в журнале «Огонёк», а позднее был несколько переработан и вошёл в цикл «На речке Невестнице». Для исследователей творчества Соколова-Микитова это произведение имеет особое значение по разным причинам. В нем пересекается тема Родины, России на сломе истории, тема деревни, сопровождаемая рассуждениями о душе и судьбе русского мужика. С него начинается важный мотив – поиск героями-крестьянами «земли обетованной» (а это видоизменённые народные легенды о поиске мистической страны свободы).

В этом и других рассказах («На пнях» (1924), «Медовое сено» (1929) и др.) утопический образ «земли обетованной» строится на двух компонентах: плодородная земля и еда в изобилии. Это не совсем, по крайней мере не для всех героев, стремление к дармовому хлебу (ср. с Млечной рекой, текущей прямо с неба в легендах о Беловодье). Мужики рады трудиться, если этот труд даёт ощутимый результат. Всё же для некоторых персонажей это изобилие означает праздность и лёгкую жизнь, что идёт вразрез с трудовым раем «Исток-города».

Рассказ «Камчатка» написан, по выражению М. Левитина, в свойственной автору «печально-юмористической» манере. В основе лежит история о том, как мужики поверили слухам о некоей конторе, в которой записывают желающих уехать на Камчатку добывать золото, и стали искать эту контору. Шумная толпа деятельных мужиков, собравшихся на станции, настораживает прохожих и милицию. В свою очередь, герои объясняют поведение окружающих жадностью, нежеланием выдавать полезные сведения: «Врёте, смекаем, никак это невозможно, сами небось наточили носы». После ночи, проведенной запертыми (от греха подальше) в сарае, пыль у мужиков поубавилась, осталась только злость на того, кто первый пустил слух. Однако сам рассказчик в финале задумывается о существовании той самой чудесной земли.

Мы нашли возможность сравнить две редакции рассказа, значительно удалённые друг от друга во времени (1930-е и 1950-е годы). Интересно было отследить процесс авторедактирования текста, тем более что цикл «На речке Невестнице» всегда публиковался при активном участии автора, последний раз вносившего коррективы при подготовке собрания сочинений 1965–1966 годов.

Первая редакция, которую мы рассматриваем, – это недатированная машинопись (отпечатано автором), подписанная в печать Василием Казиным, который служил редактором в Гослитиздате с 1931 по 1940 годы [10]. Она уникальна тем, что, в отличие от публиковавшейся несколько раз версии рассказа 1920-х годов, здесь присутствует усеченная композиция, нет вступительной части. Изначально (и позже это вступление вернётся в текст) автор предваряет описываемый случай зарисовкой из мира природы: ветер в лесу тихонько качает верхушки некоторых деревьев, и довольно быстро от этого начинает качаться и весь лес. «Так в лесу, так и в людях: слух бежит неуследимо».

Поэтому во второй редакции рассказ получился хоть и незначительно, но длиннее – примерно на тысячу знаков. В остальном же работа над текстом велась в направлении лаконизма, точного подбора слова, избавления от лишних подробностей.

Стоит обратить внимание на наиболее значимые изменения, которые претерпел текст рассказа за два десятилетия. Эти изменения нельзя не связать с трансформацией самого читателя и среды, в которой существует произведение. У нас есть свидетельства, правда, относящиеся к очеркам Соколова-Микитова, что редакторы видели и не одобряли «довоенный» взгляд писателя на вещи (например, именно из-за этого К. Симонов выступал против публикации произведений Соколова-Микитова в 1946 году) [4].

С исправлениями рассказ «Камчатка» был опубликован в книге «На тёплой земле» в 1954 году [8]. Рассказ явно адаптирован для нового читателя и новой исторической ситуации. Изначально он был написан в подчёркнуто народной манере, с соответствующей орфографией и пунктуацией: «Хлебнули лаптем щев». Но в одном случае даже в 1920-е годы понадобился авторский перевод диковинного выражения. Было так: «Подметнулся какой-то, задница кожей обшита, под локтем “доски”...» и внизу примечание автора: «“Досками” деревня называет начальнические портфели, знак власти». Итак, в ранней редакции автор с иронией вводит в повествование «начальника» с портфелем. В поздней редакции это упоминание знака власти исчезает, как и манера героя ругать милицию «чертями», как и угрозы, содержащиеся в репликах самих милиционеров. Кроме того, из рассказа закономерно исчезло упоминание Америки (изначально копать золото предполагалось «на Америку»). И ещё один любопытный пример замены реалий – изначально слух прошел, что на земле

обетованной «дают на рыло по пятьдесят миллиардов», после они превращаются в «пятьдесят червёнцев».

Значительно редактируя и перерабатывая свои произведения в 1950-е годы, Соколов-Микитов приводит буквально все рассказы о деревне к такой композиции, в которой действие обрамлено зарисовками из мира природы. В рассматриваемом рассказе так и получилось – благодаря возвращенной параллели между ветром в лесу и разносящимися по деревне слухами. Кроме того, вернуть вступление про слухи значило подчеркнуть наивность мужиков. В новом финале рассказчик называет Камчатку «сказочной» и сам как будто удивляется, что ему верится в эти сказки. Но главное, принципиально важное изменение, затронувшее концепцию произведения, проявилось в отказе от формулировки «земля обетованная». Русская душа не ищет уже землю обетованную, а тоскует «о путях и далях».

Итак, «Камчатка» – одно из многих произведений, подвергшихся принципиальным изменениям в процессе авторедактирования. Изменились композиция и язык произведения. Сочувствие автора уступило место снисходительной иронии по отношению к наивно-утопическим взглядам народа. Реалии тоже адаптируются, по-другому прочитывается отношение к власти имущим и к милиции, к Америке и царским деньгам.

Причины готовности крестьянина сняться с насиженных мест в поисках лучшей жизни автор видит в извечной тоске русской души по путям и далям, в стремлении к истине и справедливости, к вере и Богу. Думается, размышления И. С. Соколова-Микитова на эту тему следует рассматривать в русле концепции «духовного реализма», разработанной В. А. Редькиным [5; 6; 7] и другими учеными. И. С. Соколов-Микитов относится к числу тех художников слова, в произведениях которых, благодаря этому своеобразному творческому методу, «главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию» [6, с. 76]. Поэтому поведение многих героев Соколова-Микитова иррационально. Самые разные географические точки (что характерно, значительно удалённые от места действия) становятся для его персонажей целью действительного или вымышленного путешествия, герой не может усидеть на месте. Крестьянин, обычно привязанный к своей земле, ищет лучшей жизни всегда, но важной приметой времени становится оторванность от земли в силу не только личных, но и социально-исторических причин.

Так утопический мотив поиска земли обетованной проявляется в рассказах о деревне. Но можно проследить его развитие в более поздних охотничьих рассказах и в произведениях о детстве. Интересно также разное изображение земли обетованной в пространственном и временном плане: «земля обетованная» – это не только «где», как в вышеназванных рассказах, но и «когда» – в цикле «По сорочьему царству», рисующем идиллические картины детства писателя на Смоленщине. Ушедшая Россия рубежа веков в 1920-е годы стала утопией, основанной на образах семьи и детской идиллии.

Список литературы

1. Ануфриев А. Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века. Эволюция. Поэтика: автореф. дис. ... докт. филол. н. : 10.01.01 / А. Е. Ануфриев; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2002. 40 с.
2. Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х гг. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. ун-т, 1998. 179 с.

3. Ковтун Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 536 с.
4. Обсуждение «Очерков о Тянь-Шане» И. С. Соколова-Микитова на заседании редколлегии журнала «Новый мир»: Машинопись. 02.11.1946 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 9.
5. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь: Тверское обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 152 с.
6. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
7. Редькин В. А. Поэтическое Верхневолжье. Очерки о тверской поэзии XX–XXI веков. Тверь: Волга, 2017. 672 с.
8. Соколов-Микитов И. С. На тёплой земле. М.: Худож. лит., 1954. 852 с.
9. Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1987. 448 с.
10. Соколов-Микитов И. С. Камчатка: Рассказ. Машинопись с пометой В. Казина. Б. д. // РГАЛИ. Ф. 341 (Е. Ф. Никитина). Оп. 1. Ед. хр. 705.

UTOPIANISM IN IVAN SOKOLOV-MIKITOV'S PROSE OF THE 1920-s

N. R. Kosourova

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article is about utopianism as a characteristic feature of Ivan Sokolov-Mikitov's prose. There are two kinds of utopia here: the first is socialist realistic utopia and the second is folklore and religious utopia embodied in the motive of searching for the "promised land". The analysis is based on the work "Istok-city" and two editions of the story "Kamchatka". A conclusion is drawn about the influence of utopianism of the 1920-s on the further creativity of the writer.

Keywords: *Sokolov-Mikitov, utopianism, short prose, the promised land.*

Об авторе:

КОСОУРОВА Надежда Романовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nr.kosourova@gmail.com.

About the author:

KOSOUROVA Nadezhda Romanovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: nr.kosourova@gmail.com.

УДК 82-1/-9

ОТНОШЕНИЯ МИФА И ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Марулис

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
кафедра византийской и новогреческой филологии

В статье рассматривается связь мифа и литературы в рамках теории литературы и сравнительного литературоведения со ссылкой на взгляды ученых, занимающихся исследованиями литературного мифа. Появление мифологических элементов в литературном произведении помещается в теоретические контексты, в которых миф интерпретируется как восстановление реальности и переосмысление идей или как поле динамической сигнализации.

Ключевые слова: *теория литературы, сравнительное литературоведение, миф, литературный жанр.*

Миф является предметом различных дисциплин, таких как философия, этнология, фольклор, религия, однако у мифа нет общего или четкого определения. Он остается многогранным, являясь частью коллективной памяти и изображая сложный и противоречивый мир. Как отмечает Жан-Пьер Вернант, «миф вводит в игру форму логики, которую, в отличие от философской логики непротиворечия, можно назвать логикой сомнений, двусмысленности, полярности» [10, с. 263].

В литературе миф может быть обнаружен в повествовании или сюжете как архетип, как мотив или тема произведения, может относиться к коллективным представлениям или стереотипам. С помощью мифа можно также описать «мифологизацию» человека, события, места и т. д.

Структура литературного мифа связана со смешиванием литературного кода и мифологического фона. Теория литературы и сравнительное литературоведение предоставили важные знания о природе, функции, целях и свойствах литературного мифа с середины XX века. Понимание мифа как отправной точки для восстановления реальности, а также как поля динамической сигнализации и идеологического переопределения на основе социальных, культурных и психологических критериев является основным способом просмотра оценки мифа как литературного. Это основной способ понять, принадлежит ли миф к категории литературных.

Литературный миф, больше чем любой другой тип мифа, свидетельствует о ложности и неверности восприятия действительности: тот факт, что характеристики мифа обусловлены наличием одного создателя, ограничивает возможности субъективного и по сути обманчивого кода – пересмотра с мифологических позиций материального мира [14, с. 17]. В отличие от коллективно воспринимаемых национальных или религиозных мифов, где анонимное общее происхождение создает и укрепляет национальную идентичность и сознание, литературный миф – это плод воображения отдельного писателя, некий сплав, в котором мифологическая паутина играет роль фона для повествования [13, с. 199–200], и его восприятие зависит от конкретной культурной группы, в которой он рассматривается. Что касается определения материала мифа, то как его создание, так и производство, так и восприятие

связаны с феноменом интертекстуальности. Изготовление мифологического полотна было и во многих случаях по-прежнему остается результатом коллективной работы, в то время как создание литературного мифа является плодом индивидуального творчества. С другой стороны, в то время как древние мифы имели устную форму, с распространением письменности стало преобладать письменное воспроизведение мифов. Эта тенденция привела к умалению и, в конечном счете, к десакрализации священного содержания, с которым ритуал мифа был неразрывно связан. Священное содержание мифологического повествования сохранило в своих литературных проекциях только свой трансцендентальный характер. Когда миф становится литературным материалом, он разрушается, а его соответствующие компоненты превращаются в личный миф автора. Однако созданный автором литературный миф не является единственным в своем роде. У него есть множество вариантов, а также литературных реконструкций. Писатель, приписывающий мифу свое личное видение, рассматривает все предыдущие варианты использования мифа. Это дает литературному мифу ложную перспективу и устанавливает чрезмерный «сигнал» мифологического кода. Идет ли речь о мифологических персонажах, о ситуации, о мифологических символах – упоминание одного из них вызывает диалог со всеми мифологическими или литературными моделями.

Важный вопрос заключается в следующем: можно ли считать литературой воспроизведение старых мифов и создание новых или же литературой является сам миф? На этот вопрос было получено много разных ответов. В частности, Бронислав Малиновский считает, что литература является рождением мифа [8, с. 118], Регис Бойер утверждает, что нет такого мифа, который бы не являлся литературным [5, с. 162], Ричард Чейз считает миф истоком литературы, в частности, литературным воспроизведением человеческой драмы [11, с. 109]. И если Сиафлексис говорит в этом контексте о постоянной конкуренции между мифом и литературным воспроизведением внешнего мира [14], то, по мнению Роланда Барта, поэзия противопоставляется мифу, потому что миф «направлен на чрезмерные “сигналы”, на расширение первичной системы, в то время как поэзия скорее склонна к незначительным “сигналам” и состоянию языка» [3, с. 212].

Эти противоположные позиции объясняются не только различными взглядами исследователей на мифологию и литературу, но и тем фактом, что в принципе не существует единого мнения относительно того, что такое миф. Один из способов снять вопросы, связанные с мифом и его отношением к литературе, – отделить «миф» как продукт устной традиции от мифа, который является частью письменной традиции.

Миф является в этом контексте устной историей, общим наследием человечества, которое сохранилось в коллективной памяти и которое, по словам Мирча Элиаде, излагает «сакральную историю», рассказывает о событии, произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал» [14, с. 16]. Это повествование о богах и сверхъестественных существах, повествование, связанное с началом и созданием мира, и повествование, связанное с ритуалами. В отличие от мифа, литературный миф – это рассказ, который может уходить своими корнями в устную традицию, однако уже представляет собой письменный текст, подвергнутый другим преобразованиям. То есть мифологический материал, с которым мы сталкиваемся в произведениях Софокла, Гесиода, Овидия, должен рассматриваться как литературный миф, а не только как миф.

В современную эпоху подражание стандартам, требуемым Горацием в “*Ars Poetica*”, сочинении, которое вместе с «Поэтикой» Аристотеля легло в основу поэ-

зии эпохи Возрождения, позволило использовать греко-римские мифы не только в трагедии, но и в других литературных жанрах. Этому также способствовала принятая с XV века и далее интерпретация Аристотеля, в «Поэтике» которого термин «миф» играет важную роль. Если, согласно Аристотелю, миф восходит к внутренней проблеме каждой трагедии, обеспечивая ее связность и сюжет, то есть суть трагедии, которая должна иметь внутреннюю согласованность и быть логически выстроенной, тогда «мифический» (*fabulosum*) означает для критиков итальянского Возрождения, находящихся под влиянием Горация, «воображаемый», «фантастический» [12, с. 201].

Одновременно с этим поэзия должна изображать идеал, то есть выявлять закономерности и в то же время идеализировать их. Таким образом, подражание теперь означает подражание идеалу, образцу, поскольку цель литературы – это изображение только возвышенного, лучшего, истинно нравственного мира. Тот факт, что мифы редко ссылались на возвышенную или истинно нравственную реальность, не помешал писателям того времени использовать их. Более того, они могли полагаться на аллегорическую интерпретацию мифа, истоки которого уходили в древность. «Морализация» мифа наряду с его эластичной аллегорической интерпретацией позволили Эразму, например, утверждать, что «мы можем найти больше религиозности в некоторых мифах о нравственности (в качестве примера он приводит Цирцею, Тантала, Сизифа и подвиги Геракла), чем в тщательном чтении Библии» [13, с. 48].

В эпоху Просвещения, когда к мифу относились с пренебрежением, как к продукту раннего развития человечества и примеру примитивной мысли, Кристиан Хейн первым дал ему новое качество, поставив под сомнение его вымышленную основу. В то же время Иоганн Гердер под влиянием Джамбатиста Вико, видевшего язык поэзии в мифе, который был не чем иным, как результатом отношений человека и природы, побуждал поэтов использовать мифы в качестве первоосновы. Гердер повлиял не только на движение романтизма, в рамках которого было сформулировано требование о создании новой мифологии посредством литературы, а концепция мифа была связана с построением национальной идентичности, но также усилил общий интерес к индийской мифологии и мифологии Дальнего Востока [9, с. 332–333].

Кроме того, с Максом Мюллером, санскритологом и теоретиком мифа, связано возрождение научного интереса к мифу в Англии и во Франции, что привело к созданию сборника Джеймса Джорджа Фрейзера «Золотая ветвь» и способствовало признанию важности мифологического материала [14, с. 5], а также повлияло на Зигмунда Фрейда, который использовал миф в качестве инструмента для анализа психических механизмов. Психоаналитическое отношение к мифу, связавшее мечту с мифом, оказало большое влияние на литературу. Мечта и миф, связанные у Фрейда с памятью и забвением, становятся важными компонентами модернистской поэзии, на которую влияет не только психоанализ, но и социологические теории школы Дюркгейма и которая, восставая против господствующего рационализма буржуазии, стремится, среди прочего, к мифологизации искусства [9, с. 338].

Реакция на демифологизацию, которую принесли с собой Просвещение и XIX век, привела к тому, что XX век не только подчеркивал мифологическую природу литературы, но и видел в мифе способ выйти из «диктатуры реальности» [4, с. 9], способ преодоления диктатуры реальности. Однако возможно, что миф – это не способ ухода от реальности, а способ возвращения в реальность через другую «дверь». Может быть, это только лингвистическое изображение «набора отношений», которое является более сложным, чем в любом другом языковом способе выражения

[7, ϑ. 261]; ιλι ετο προεβροεονε λινγυιϑιϑικηϑ ϑιϑτεμυ ϑ φακτιϑικηϑ, κακ υτυερζυαε Ρολανδ Βαρτ; ιλι, κακ προδλαγαιε Ζυαν-Πυερ Βερναντ [3, ϑ. 232], νοϑιτελ «λογιки, κωταρη νε βυδε ιμετυ δυοιϑυεννοϑι «δα ιλι νετ», λογιки, οτλιϑινη οτ λογιки ϑαζυμα» [10, ϑ. 263]; ιλι ετο προϑο ϑοοδιε μνογορानного, «βνευ-ρεμειννογ» ποϑλаниа, κωτοροε βκλυοαε ιν ϑεβυ μνοζυεϑο ϑαζλιϑινη οβλικω, φορ-μυλιρωκω ι ποϑοιανно βλοδιε περεβοζϑικω, ϑοζνιϑινη τοργωυεϑω ι πολυϑατεληϑ.

Β ζαυερϑιενη οτμετιμ, κω μιφ ποϑοιανно βωϑροιζυοδιε, τρανϑορμι-ρυετυ ϑ περεραβυτυαετυ, α μεζτεκτοβυε οβνοζαϑιε ιν ζαϑιϑιλη ϑεπειν ϑυαζυανυ ϑ φορμω ιζοβροαηιε μιφολογιϑικηϑ ϑεναρια ι αλλεγοριϑικηϑ γιβ-κωϑυε, κακ ϑ τεκτοβυομ προειμυϑυεϑω μιφολογιϑικηϑ ματεριαλα, ι βυβορω ποδλοαηηοζυο λογιτεράτυρνογ ζαγρα ι καζωο ϑλυϑαε. Περυεο οτνοϑιε κ εϑτετιϑικηϑ οπεινε λογιτεράτυρνογ προιζυοδιε, βτορωο – κ μνογομειρνομυ ιζμερειννο μιφολογιϑικηϑ ϑυοζυετα, α τρетье – κ κωκρетиным υϑλοβιαμ υϑεϑερα μεζτεκτοβυε ποδπροϑαϑιηϑ ιν ϑοοτυερζυουϑεομ λογιτεράτυρνογ ζαγρω.

ϑιϑοϑοκ λογιτεράτυρυ

1. Αγβυνου Μ. Αντιϑινη μιφυ ι λεγυνδυ: Μιφολογιϑικηϑ ϑλοβαρη. Μ.: ΜΙ-ΚΙϑ, 1993. 368 ϑ.
2. Λεβι-ϑτροϑ Κ. ϑτροκτυρα μιφα // Βοπρωϑυ φιλοϑοφιη. 1970. № 7. ϑ. 152–164.
3. Barthes R. Μυθολογιεϑ. Μάθημα. Αθήνα: Κέδρωϑ, 1979. 272 ϑ.
4. Blumenberg H. Arbeit am Mythos. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 699 ϑ.
5. Boyer R. Existe-t-il un mythe qui ne soit pas litteraire? // Mythes et litterature / Ed. by Pierre Brunel. Paris: Presses de l'Universite de Paris-Sorbonne, 1994. Pp. 153–164.
6. Derrida J. White Mythology // Metaphor in the Text of Philosophy / New Literary History 3, 1974. Pp.5-74.
7. Levi-Strauss C. Δομική ανθρωπολογία. Αθήνα: Κέδρωϑ, 2010. 488 ϑ.
8. Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. London: Kegan Paul Trench Trubner, 1926. 326 ϑ.
9. Muller E. Mythos – mythisch – Mythologie // Asthetische Grundbegriffe /Ed. by K. Barck, M. Fontius, D. S. Schlenstedt. Germany: Metzler, 2002. Pp. 309–346.
10. Vernant J. Ρ.Μύθοϑ και κοινωνία ϑτην αρχαία Ελλάδα. Αθήνα: Μεταίϑμιο, 2005. 279 ϑ.
11. Vickery J.B. The Literary Impact of The Golden Bough. Princeton: Princeton University Press, 1973. 466 ϑ.
12. Ιωακειμίδου Λ. Ο λογοτεϑνικός μύθοϑ από τον γαλλικό ϑυγκρетиϑμό ϑτη νεοελληνιϑή κριτική. Ζητήματα θεωρίας και εφαρμωγής. Αθήνα: ϑοκόληϑ, 2014. 201 ϑ.
13. ϑιαφλέκηϑ, Ζ.Ι. Η εύθραυϑτη αλήθεια. Ειϑαγωγή ϑτη θεωρία του λογοτεϑνικώ μύθω. Αθήνα: Gutenberg, 1998. 132 ϑ.

THE RELATIONSHIP OF MYTH AND LITERATURE

D. Maroulis

Lomonosov Moscow State University
the Department of Medieval and Modern Greek Philology

In this article the relationship between myth and literature is examined in the framework of the theory of literature and the comparative literary criticism, with reference

to the views of scientists engaged in the study of the literary myth. The appearance of mythological elements in a literary work is placed in theoretical contexts, in which the myth is interpreted as the restoration of reality or as a field of dynamic signaling and rethinking of ideas.

Keywords: *theory of literature, comparative literary criticism, myth, dynamic signaling, intertextual "signals", genre.*

Об авторе:

МАРУЛИС Дионисиос – преподаватель кафедры византийской и новогреческой филологии, филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, ул. Ленинские Горы, 1), e-mail: madion1@yahoo.gr.

About the author:

MAROULIS Dionysios – Lecturer at the Department of Medieval and Modern Greek Philology, Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory str., 1), e-mail: madion1@yahoo.gr.

УДК 821.161.1

НА «БОЛЬШАКЕ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ДОСТОЕВСКИЙ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА

С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье ставится вопрос о значении литературного наследия Ф. М. Достоевского, в том числе его романов «Подросток» и «Братья Карамазовы», а также «Дневника писателя», в творческом самоопределении И. С. Соколова-Микитова, выявляются биографические и интертекстуальные связи между этими авторами. Делается вывод о влиянии философии почвенничества на мировоззрение и архитектонику художественного мира И. С. Соколова-Микитова.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, И. С. Соколов-Микитов, лирическая проза, духовный реализм, почвенничество, «русская идея», традиции, пантеизм, христианство, язычество, натурфилософия.*

Сам И. С. Соколов-Микитов считал, что с «большаком» русской классической литературы его связывают прежде всего традиции И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова: «Я <...> как последняя береза на русском забытом большаке. Не велико дерево выросло, но все же росло у русского большака» [14, с. 369]. Однако думается, что связи писателя с магистралью русской литературы были еще глубже и мощнее. Ведь далеко не всегда писательские декларации выглядят так отчетливо, как в учебнике. Иногда они имеют характер легендарный и баснословный, особенно если дошли до нас благодаря свидетельствам современников. Так, в известной статье В. Лакшина дается описание дружеской беседы А. Т. Твардовского с И. С. Соколовым-Микитовым:

«Я тут сделал маленькое открытие, как вы на него посмотрите, Иван Сергеевич? – начинал Твардовский, едва обменявшись первыми вопросами о здоровье. – Оказывается, знаменитые клейкие листочки были уже у Пушкина:

...Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

А Достоевский в Карамазовых взял это как готовую цитату. Вот в литературе как бывает... Всё связано со всем. <...> А еще бы! А еще бы! – Соколов-Микитов одобрительно хмыкает. Слова о клейких листочках вызывают у него свое воспоминание» [7, с. 724].

И действительно, в творческом «кузовке» у писателя имеется изумительное стихотворение в прозе, достойный ответ на поэтический вызов Пушкина: «Есть в русской природе особенный день, когда на березах начинает распускаться молодая листва. Выйдешь на волю и радостно ахнешь: зеленой нежной дымкой покрылись лесные опушки. Клейкой нежной листвою пахнет в березовой роще. Как хороши молодые березовые листочки! Войдя в лес, человек чувствует свежее дыхание про-

будившейся земли. Пройдет день-другой – и все березы покроются молодой густой свежей листвою» («На теплой земле»).

В мемуарах В. Лакшина говорится не только о Пушкине, но и о Достоевском, воспоминания о котором тоже имеют для Соколова-Микитова особое значение: «– Не помню, случалось ли мне вам рассказывать, благодаря чему или, вернее сказать, кому появился я на белый свет? – Нет... – А благодаря старцу Зосиме из “Братьев Карамазовых”. – Как так?! – А так, – продолжает довольный произведенным эффектом Иван Сергеевич. – Если б не Зосима (так Достоевский старца Амвросия назвал), меня бы и на свете не было».

И далее следует необыкновенная история о том, как матушка писателя, надунав выходить замуж, пошла в Оптину пустынь советоваться к старцу Амвросию. Три жениха сватались: начальник станции, молодой купчик и лесник Сергей. И хотя лесник был не слишком состоятельным человеком, тогда как два других жениха позавиднее, «Амвросий расспросил ее ласково и сказал: “Выходи, Машенька, за Сергея”. В первую минуту она изумилась, но дело было решено. “Она вышла за Сергея. У них родился мальчик. Это был я”, – объявлял с торжеством Иван Сергеевич. – Вот что значит, – заключает свой рассказ Иван Сергеевич, – и в жизни всё со всем связано. Так и я, выходит, связан с “Братьями Карамазовыми”» [Там же, с. 725].

Вот он, семейный миф: писатель Соколов-Микитов появился на свет Божий по завету старца Зосимы... Этот миф имеет важное значение: он не только раскрывает семейную историю родителей Соколова-Микитова, но прежде всего проясняет литературный генезис писателя.

Философия природы, любовное воссоздание жизни природы как проявления ее божественной сущности – эти принципы легли в основу творческой программы Соколова-Микитова, опиравшегося на традиции великого предшественника. Отношением к природному миру как миру Божьему Достоевский наделил своих старцев и странников, простых людей крестьянского сословия. В рассказе старца Зосимы, например, есть фрагменты, близкие по своей стилистике и содержательной глубине к текстам произведений Соколова-Микитова: «Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, все тихо, благолепно, все Богу молится. <...> Всякая-то травка, всякая-то букашка-то, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют <...>. Поведал он мне, что лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того, как в лесу, ничего я, говорит, не знаю <...> все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Богу, Богу славу поет» [3, с. 267]. Близкие суждения высказывают и другие герои Достоевского. В частности, Маркел, брат старца Зосимы, особенно умиляется, глядя на птиц: «Птички Божии, птички радостные, простите и вы меня, потому что и перед вами я согрешил... Была такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один все бесчестил, а красы и славы не приметил вовсе» [Там же, с. 263]. Такое же чувство овладевает и странником Макаром Долгоруким в «Подростке»: «Во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена. Птичка ли малая поет, али звезды все сонмом на небе блещут в ночи <...>. Красота везде неизреченная!» [5, с. 287, 290].

Литературовед М. М. Дунаев высказал мнение о том, что Соколову-Микитову не удалось «совершить подлинное раскрытие глубинных религиозных процессов, совершавшихся в недрах народной жизни» [6, с. 197], что писатель был далек

от пантеизма и христианства, «далек от религиозной постановки вопроса» о любви к родной земле, так как «переживал природу эстетически, но не религиозно», «сочувствовал язычеству» [Там же, с. 194]. М. М. Дунаев не сближает, а противопоставляет Соколова-Микитова и Достоевского, отрицает связь образа старца Зосимы с образом повествователя или лирического героя Соколова-Микитова [Там же, с. 192]. Впрочем, как справедливо пишет В. А. Редькин, в своем пространном труде этот известный литературовед-богослов «фактически отлучает от православной духовности почти всех русских классиков XIX и XX века» [12, с. 75], слишком прямолинейно истолковывает их произведения.

На самом деле почвенническая философия Достоевского, воплощенная в его произведениях, его творческая манера, несомненно, оказали влияние на Соколова-Микитова, на выбор тематики, сюжетов, на самую топику писателя. Вместе с тем его авторская позиция далека от дидактизма, учительности, назидательности, публицистической страстности, стиль этого последователя Достоевского оказался лишенным всякой чрезмерности и чрезвычайности, отмечен истинной гармонией, безупречным чувством меры в выборе красок, звуков, слов. У Соколова-Микитова абсолютный слух в области музыки русской речи.

Какова сущность художественного мира Соколова-Микитова? Это тот самый мир Божий, которым восхищаются герои Достоевского. Причем основу словесной ткани в текстах Соколова-Микитова составляют прежде всего положительные понятия, образы, концепты. Например, в цикле «На теплой земле» наиболее частотны следующие лексемы: солнце, радость, веселье, восторг, торжество, луч, свет, восход, детство, счастье, мед, медовый, медвяный, душистый, золотой, золотистый, чудесный, чистый, любоваться, радоваться, сиять, жить, оживать, приживаться, обживаться, оживлять. Нет слова «Бог», но понятие Бога и Божьего мира, безусловно, есть, а тайна Божия раскрывается перед читателем в каждом слове, в каждом описании птиц, деревьев, растений, животных, времен года.

Конечно, картина мира, созданная И. С. Соколовым-Микитовым, восходит не только к Достоевскому. Истоки ее связаны и с «Шестодневом» Василия Великого, и с поучением Владимира Мономаха, и с торжественным красноречием Кирилла Туровского («Слово на антипасху»), и с художественным миром А. П. Чехова («Свирель», «Агафья», «Святою ночью», «Леший», «Дядя Ваня»), и с романом Бунина «Жизнь Арсеньева», и многими другими произведениями русской литературы, объединенными так или иначе христианской натурфилософской проблематикой и религиозным чувством героев и авторов (об этой традиции см.: [8; 9; 10]).

Назовем еще один мотив, который указывает на тесное родство Соколова-Микитова как писателя с Достоевским. Это мотив «земля и дети» (по названию главки «Дневника писателя»). Достоевский много размышлял о разрыве между городской, буржуазной, машинной цивилизацией и землей, национальной почвой, писал об опасности утраты национальной идентичности (например, уже 150 лет назад сделал наблюдение о том, что французы этнически и ментально перестали быть французами) и пришел к выводу: «По-моему, дети, настоящие то есть дети, то есть дети людей, должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» [4, с. 81].

В записных книжках Соколова-Микитова, автора множества лирических страниц о детстве, сохранились мысли, близкие суждениям Достоевского о губительности «неволи душных городов»: «Вчера вышел по дороге на поле. остано-

вился потрясенный. <...> И вновь почувствовал себя по ту сторону жизни. Так же радостно кричали дергачи и тысячу, и десять тысяч лет назад, когда еще не было на земле мерзких вонючих и шумных человеческих городов. Не было войн и не было рабов и жестоких насилий. Я стоял, слушал дергача, и текли по щекам слезы» [2, с. 499]. Здесь явственно подчеркивается контраст между природой и плодами рук человеческих.

Как бы в ответ на размышления и роковые вопросы Достоевского (такова логика литературного развития, литературного процесса) Соколов-Микитов посвящает свое творчество изучению русской почвы, того русского начала, которое заложено в природе и отражается в национальном характере. Одним из ключевых в этом отношении является цикл «На теплой земле», где образ автора становится носителем сердечного тепла, любви к матери-земле, детского ликования и радости. «Русская идея» воплощается у Соколова-Микитова не в политической концептосфере, выражается не публицистическим языком, она раскрывается в жанрово-стилевом русле лирической прозы. Соколов-Микитов трансформирует почвеннические идеи Достоевского, предвосхищая одновременно такие литературные явления XX века, как «тихая лирика» и «деревенская проза».

Высококачественным является у Соколова-Микитова эпитет «русский», который звучит ненавязчиво, естественно и просто: русский лес, русская природа, русские деревни, русские крестьяне, русские печи. Если персонаж Бунина рефлексировал: «...коснулось меня сознание, что я русский и живу в России» («Жизнь Арсеньева»), то рассказчику у Соколова-Микитова не нужно понимать это – он испытывает непосредственное, живое чувство. Вот, например, о рябине сказано: «Есть что-то веселое, радостное, русское в этом деревце, которое всегда и всем улыбается»; о зиме: «Хороши, чисты русские снежные зимы», «Необыкновенны русская зима, яркие зимние дни, лунные светлые ночи!»; о природе в целом: «Наступает особенный торжественный час в русской природе. Как бы до самого неба распахнутся невидимые голубые ворота. Вместе с полой водой покажутся косяки пролетных птиц. От теплого юга до студеного моря, над всей обширной страной, будут слышны их весенние веселые голоса». Эпитет «русский» органически вплетается в ткань повествования и становится доминантой идиостиля писателя.

В данной статье представлен всего лишь один из возможных подходов к теме, которая в последнее время становится все чаще целью обширных, монографических научных исследований [1]. Творчество И. С. Соколова-Микитова действительно остается недооцененным литературоведами, не до конца изученным, его место и значение в русском литературном процессе еще должно уточняться, выявляться. Многие заявки сделаны, но не реализованы вполне. Так, например, требует детального рассмотрения вопрос о влиянии модернизма, и в частности А. М. Ремизова, на прозу И. С. Соколова-Микитова, не выявлены отличия принципов «природоведения» И. С. Соколова-Микитова от творческой манеры К. Паустовского, В. Бианки, М. Пришвина, хотя, казалось бы, их соотнесение стало общим местом. Проблема «духовного реализма» (см.: [11; 12; 13]) как творческого метода И. С. Соколова-Микитова давно ждет серьезного исследователя, и решать эту проблему мимоходом, в одном-двух абзацах, конечно же, нельзя, так же как нельзя принять точку зрения М. М. Дунаева об отсутствии у Соколова-Микитова религиозного чувства и о том, что писатель не имел возможности и потому не смог «дать эпическое осмысление событий в России третьего десятилетия XX века» [6, с. 197]. Рассмотрение творчества таких писателей, как И. С. Соколов-Микитов, в

аспекте метода духовного реализма позволяет сделать вывод: «У ряда писателей главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию» [12, с. 76], и в произведениях И. С. Соколова-Микитова присутствует глубокий смысловой, духовно-нравственный подтекст. Их нельзя толковать рационалистично, понимать буквально.

Авторы новейшей книги о Соколове-Микитове [1] проделали большую работу: попытались, и небезуспешно, дать общую характеристику творческой эволюции И. С. Соколова-Микитова (прежде всего на уровне жанра и стиля), ввели в научный оборот новые интересные материалы и источники, дали оригинальную интерпретацию ряда произведений писателя, расшифровали многие литературные параллели и переклички, прокомментировали интертекстуальный слой. По сути дела, они попытались опровергнуть концепцию М. М. Дунаева об ограниченности и несостоятельности Соколова-Микитова как эпического художника и крупного мыслителя. Однако наследие Соколова-Микитова нуждается в дальнейшем изучении, в том числе в русле почвенничества Достоевского.

Список литературы

1. Василевская Ю. Л., Громова П. С., Косоурова Н. Р. Литературное наследие И. С. Соколова-Микитова: проблемы художественного метода и творческой эволюции: монография. Тверь: Издатель А. Н. Кондратьев, 2017. 259 с.
2. Воспоминания об И. С. Соколове-Микитове. М.: Сов. писатель, 1984. 544 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1976. 510 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 23: Дневник писателя. Л.: Наука, 1981. 423 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13: Подросток. Л.: Наука, 1975. 656 с.
6. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. VI. Кн. I. М.: Христианская литература, 2004. 512 с.
7. Лакшин В. Я. «Я сам был Россия...» // Соколов-Микитов И. С. Возвращение. М.: Худож. лит., 2010. С. 714–736.
8. Николаева С. Ю. Тема «оскудения» в русской литературе конца XIX – начала XX века и рассказ Л. Н. Толстого «Зерно с куриное яйцо» // Яснополянский сборник – 2008. Тула: Изд. Дом «Ясная поляна», 2008. С. 145–163.
9. Николаева С. Ю. Чехов и древнерусская культура. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. 168 с.
10. Николаева С. Ю. «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского в творческом сознании А. П. Чехова // Славянская культура в Европе – история, настоящее и будущее: сб. материалов. М.: София: Академия медиаиндустрии, 2015. С. 158–163.
11. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: Новый взгляд. Тверь: ТОКЖИ, 1999. С. 36–82.
12. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
13. Редькин В. А. Поэтическое Верхневолжье: Очерки тверской поэзии XX–XXI веков. Тверь: Волга, 2017. С. 47–54.
14. Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Л.: Худож. лит., 1987. 369 с.

**ON THE “HIGHWAY” OF RUSSIAN LITERATURE:
DOSTOEVSKY IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS
OF I. S. SOKOLOV-MIKITOV**

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article raises the question of the significance of the literary heritage of F. M. Dostoevsky, including his novels “Teenager” and “Brothers Karamazov”, as well as “Writer’s Diary”, in the creative self-determination of I. S. Sokolov-Mikitov, identifies biographical and intertextual links between these authors. The conclusion is made about the influence of the philosophy of soil science on the worldview and architectonics of the artistic world of I. S. Sokolov-Mikitov.

Keywords: *F. M. Dostoevsky, I. S. Sokolov-Mikitov, lyrical prose, spiritual realism, philosophy of soil science, “Russian idea”, traditions, pantheism, Christianity, paganism, natural philosophy.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

УДК 821.161.1-1

**ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА
(к 100-летию со дня рождения поэта)**

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Творчество Василия Федорова национально ориентировано, лежит в русле конкретно-реалистического стилистического течения, и на его формирование оказала влияние русская поэтическая классика, но поэту свойственна открытая публицистичность, открытая гражданственность. При этом исповедь и проповедь в его поэзии нераздельны. Наряду с гражданской, пейзажной, философской и интимной лирикой В. Федоров внес значительный вклад в развитие различных форм лиро-эпоса

Ключевые слова: В. Федоров, национальный характер, реализм, стиль, жанр, лирика, поэма, хронотоп.

В 60–70-е годы появилась возможность полемики по кардинальной социально-философской проблеме исторических судеб России – проблеме противостояния почвенничества и западничества. Это была одна из переходных эпох в истории отечественной культуры, когда, по словам С. Ю. Николаевой, «возникали ситуации раскола, кризиса, отказа от наследия прошлых эпох», когда «возникал соблазн опереться на новую идеологию и создать новую <...> культуру. Однако наиболее одаренные и дальновидные художники слова отстаивали единство русской литературы, стремились сохранить верность традициям» [3, с. 127]. К первому направлению тяготели многие правозащитники и часть диссидентски мыслящей интеллигенции, защитниками второго были представители «деревенской» прозы и «тихой» лирики. Для них точкой отсчета были национально-историческое время и национальное пространство, других литераторов привлекали планетарные масштабы. Характерны строки того времени Б. Слуцкого: «Льну к земле. Земля не значит почва, / Сорок сантиметров глубины. / Пусть у почвы есть свои сыны, / Я же льну к земле. Легко и прочно». Эту точку зрения разделяли Н. Асеев и Б. Пастернак, М. Светлов и П. Антокольский, Б. Окуджава и Д. Самойлов, А. Вознесенский и Б. Ахмадулина. В ответ поэты-почвенники – А. Твардовский и М. Исаковский, А. Яшин и Н. Рыленков, Н. Старшинов и С. Викулов, В. Федоров и Н. Рубцов, А. Прасолов и Б. Примеров – подчеркивали, что без национальной почвы земля будет пустынной и безжизненной.

На основе концепции двух типов творчества – воссоздающего и пересоздающего действительность – литературоведы в поэзии 50–70-х годов выделяют два стилистических течения: конкретно-реалистическое и романтическое. О различии реалистической и романтической поэзии хорошо сказал М. Светлов, выявляя своеобразие поэзии А. Яшина: «...я всегда хотел прикуривать от божьей искры. В этом смысле я противоположен Александру Яшину. Его творчество напоминает мне хорошо нато-

пленную печь, где с каждым годом все лучше и лучше выпекается свежий пахучий хлеб советской поэзии» [6, с. 6].

Творчество Василия Дмитриевича Федорова (1918–1984) национально ориентировано, лежит в русле конкретно-реалистического стиливого течения, и на его формирование оказала влияние русская поэтическая классика, но ему свойственна открытая публицистичность, открытая гражданственность. При этом исповедь и проповедь в его поэзии нераздельны. Конечно, поэта можно упрекнуть в чрезмерной идеологической направленности ряда произведений, но в то же время у него явно преобладают не классовые, а национальные приоритеты. И когда он пишет, что «Сердца, не занятые нами, / Не мешкая, займет наш враг», – это тревога за будущее России, которая позже была высказана В. Соколовым и Н. Рубцовым. Опираясь на известные строки С. Есенина и намекая на правителей, которые любили себя называть слугами народа, В. Федоров обозначает свою, предельно честную позицию: «Отдам народу сердце, руки, / Но только пусть не говорят, / Что я слуга народа... / Слуги всегда с хозяином хитрят». Откликов на первые поэтические сборники поэта почти не было. И. Денисова объясняла такое равнодушие прессы тем, что «автор приехал из далекой Сибири, где формировалась его самобытная поэзия, отчасти особенностями его творчества, начисто лишённого спекулятивных элементов, демагогических приемов и конъюнктурщины» [2, с. 16]. Но дело не только в этом. Он воплотил в своем творчестве яркий, самобытный русский национальный характер, прямой и непримиримый ко лжи, лицемерию и несправедливости. Да и социальная направленность была у него особая, сердечная. «По тому, как людям любится, здорovie мира узнают», – считал он и боролся «за красоту времен грядущих».

Для лирики Федорова характерны мотивы утверждения долга, совести и красоты в единстве её духовного и физического начал как высшей ценности человека, природы, искусства. Его лирическим формам присущи особая доверительность, интимность и в то же время интеллектуальное напряжение. Эта апелляция и к уму и к сердцу читателя проявились в книгах «Не левее сердца» (1960), «Книга любви» (1963).

Поэт сохраняет традицию не только в идеалах, лирическом характере, но и в образной системе, структуре стиха, воссоздает национально-историческое время и пространство. Его творчество коренным образом отличается от творчества поэтов, в стихах которых явно проявляются лжепафос и псевдонародность. О произведениях таких авторов С.Ю. Николаева писала: «Читаешь эти страницы, и остается впечатление утрированной народности, лубочного патриотизма, суррогата поэзии» [4, с. 77].

В стихах, связанных с проблемой «человек и природа», Федоров близок поэтам конкретно-реалистического стиливого течения – В. Соколову, В. Фирсову, Е. Исаеву, Н. Рубцову. В этих стихах человек не выделяет себя из мира природы, а это характернейшая черта народного творчества. В пейзажной лирике Федорова воплощается его концепция мира. Это одна из ведущих традиций русской классики. К нему можно отнести слова, сказанные о пейзаже Л. Толстого: «Смысловое ударение в этой картине природы падает на слова, обозначающие нравственно-этические понятия, – красота, радость, веселье, мир, согласие, любовь, благо, солнце как источник тепла, света и самой жизни» [6, с. 79]. Одухотворяя природу, он так передает своё восприятие природного мира в стихотворении «Осенний лес»: «В лесу светло. / Березкам-белоножкам / Укрыться бы за хвойной темнотой. / Подружки озадачены немножко / И смущены своею наготой. / Как девушкам, / Им не во что убраться, / Как модницам, / Обидно им до слёз: / Они вчера разделись покупаться, / А ветер взял и платя их унёс» [7, с. 177].

Преклонение перед красотой природы сочетается в поэзии Федорова с поэтизацией достижений современной науки и техники. Сказать о металле: «И звезды осыпаются с его короны золотой», о темпах нашего времени: «Наш век ревет, и винтовая лопасть несет, несет... Эй, осторожно! Пропасть...» – это значит скрепить мир природы и мир материальных ценностей в единый образ.

Позиция поэта в понимании красоты остро полемичная, направленная против как бездушной косности официального искусства, так и выхолощенной революционности авангарда: «Мы спорили / О смысле красоты, / И он сказал с наивностью младенца: / – Я за искусство левое. А ты? / – За левое... / Но не левее сердца» [Там же, с. 194].

По мнению поэта, в искусстве через сердце творца должны пройти все боли мира. Выступая за социальную справедливость, он не мог не бороться против равнодушия сложившейся социальной системы к конкретному человеку. Все окружающее он пропускает через свою совесть. В маленькой поэме «Хозяйка» поэт вспоминает, что «мальчишкою в году тридцатом» он агитировал за будущую жизнь деревни и подводит итог: «Я шел и мучился внутренней виной, что нет в моей деревне счастья, в тот год обещанного мной». Виноваты в этом отнюдь не крестьяне. Вопреки официальной точке зрения, героиня стихотворения рассказывает, что «... жизнь в деревне стала плоше, / Что хлеб погрел, / Раздельно скошен». Обо всем она судит «без утайки», по сути, осуждая власть, «сельхозначальство и райком»: «Кольнула областное око, / Бросала и повыше взгляд – / На тех, кто учит издалика / Доить коров, / Поить телят» [8, с. 108]. С точки зрения автора, народ в любых социальных условиях остается носителем правды и нравственности.

Разрабатывая тему искусства, Федоров утверждает единство эстетического и нравственного идеала. Так, он поэтизирует трагический образ Бетховена – подлинного борца со злом: «Зло изошрялось / В хитрости, / В коварстве – / В искусстве добром изошрялся он». Даже тогда, когда от великого композитора отказываются его друзья, уходит любимая, когда «отрекается» сама природа и исчезают её звуки, великий композитор находит в себе силы, чтобы победить: «По знаку / Бурное его творенье / Со злом / За счастье / Начало боренье, / За чистоту, / За красоту страстей, / С жестокостью, / С пороками людей» [Там же, с. 266].

Преклоняясь перед подлинной народностью А.С. Пушкина, его эстетической мощью, В. Федоров высоко оценивает еще одну, близкую ему самому грань таланта великого художника. По его словам, «в силу особенностей пушкинского гения ему, как никому другому, посчастливилось высветить нравственную основу любви, если хотите – её философию» [9, с. 206]. В. Федоров вошел в литературу как автор прекрасных стихов о чистой и одухотворенной любви. Хрестоматийными стали его стихи из «Книги любви»: «Все речи, да речи...», «По главной сути жизнь проста...», «Любовь мне – как блистание...», – где он бичевал ханжество и поэтизировал вечную женскую красоту, сопрягал в поэтической строке земную страсть с высоким духовным подъемом. Мало кому из его современников удавалось так тонко и откровенно, но без пошлости, передать «великое сумасшествие торжествующей плоти»: «Нежность / До первозданного / Побледнения лика, / До глухого гортанного / Лебединого крика... / Лебедь / Крылья разбросила, / Замедля движение... / Как на заводи озера, / Ты – моё отражение» [7, с. 318].

Поэт стремился передать глубоко противоречивое психологическое состояние влюбленности с трагическим оттенком: «Влюбленных шумно / Легок воз, / Зато любовь влюбленных тихо – / Как горе горькое без слез, / Как боль, болящая без

крика». Поэт высмеивает тех, кто «составляет длинный список своих <...> побед» («Угар любви мне мил и близок...»), прославляете красоту женщины («О женщина, краса земная...»), «Если б Богом я был, то и знал бы, что творил: женщину!»). Эта глубоко интимная лирика не замкнута в себе. В ней нет субъективных, затемняющих смысл ассоциаций. Запев Федорова к его «Книге любви» прямо определяет тех, кому обращены стихи: «А мой всего нужней / В горький час супружества. / Пусть коснется / Прядки прядь / Над моим пророчеством. / Моё горе повторять / Людям не захочется» [Там же, с. 303].

К концу 60-х годов образ возлюбленной меняется. «Полунебесная, стоящая на облаке» женщина спустилась с небес «на землю грешную». «Мой вкус перемещается от Рафаэля к Рубенсу», – декларирует поэт в книге «Третьи петухи». Из всего того, / Чем люди дышат, / Что не дает / Качнуться и упасть, / Есть красота, / Она из благ всех выше, / А выше красоты / Лишь страсть», – подводит итог своим философским поискам идеала поэт в сборнике поэтических миниатюр «Заметь».

Наряду с гражданственной, пейзажной, философской и интимной лирикой Федоров внес значительный вклад в развитие различных форм лиро-эпоса. Он создал как малые формы поэмы, так и повести, и романы в стихах, как эпические, так и лирические её модификации. При этом они проникнуты как трагическим и драматическим пафосом, так и сатирическим. Его маленькие поэмы обычно насчитывают от 80 до 150 строк. Эпическая повествовательность присуща таким его маленьким поэмам, как «Карой Лигети», «Птичий сад», «Гамлет в совхозе», «Свадьба», «Пролог», «Хозяйка», «Человек». Художественное пространство маленькой поэмы слишком ограничено, чтобы вместить в себя цепь событий, схему-пунктир реального времени, неоднократную смену места действия. Конечно, можно пойти по пути простого сокращения количества эпизодов, добиться краткости их описания, взять за основу одно-два места действия. В. Федоров идет другим путем, добиваясь драматизма, остроконфликтности и лаконизма решения идейно-художественной проблематики в маленькой эпической поэме. Основа хронотопа его маленьких поэм – это точка пересечения двух времен или двух пространственных плоскостей, их взаимодействие или столкновение.

В поэме «Гамлет в совхозе», с одной стороны, изображается реальное время и место действия, где «еще не старая, но седая сельчанка» смотрит кино в совхозном клубе, с другой – это время и пространство, отраженное, связанное с событиями, происходящими на экране. Но хотя в первой и последней строфах говорится, что Гамлет страдает на киноэкране, эти страдания выглядят как вполне реальные (мотивировка – наивный реализм восприятия крестьянки). Шесть строф посвящены времени Гамлета. Они объединяются анафорой «Страдает Гамлет...», с которой начинается каждая строфа. Все это происходит как будто в настоящее время, «теперь»: «Страдает Гамлет... / Золото венца, / Отчески светившее / Для принца, / ТЕПЕРЬ, / Когда живет / Лишь тень отца, / Блестит все так же / На его убийце» [8, с. 113].

При этом три строфы из шести соединяют два хронотопа. Здесь определяется точка наблюдения повествователя. Он воспринимает и свет, идущий из глубин веков, и в нем скорбящее лицо седой сельчанки. Четыре следующих строфы объединяются анафорой «Что Гамлет ей...». Здесь речь идет о времени жизни героини, хотя в двух строфах еще сохраняется время Гамлета. Как миллионы других советских женщин, она «дышала адом, прошла войну, со смертной бедой», пережила трагедию родной земли в послевоенное время.

Предпоследняя строфа противопоставлена предыдущим и звучит как итог: «Но с высоты страданья своего, с вершины веры, что неугасима...». С помощью

пространственных образов (высота, вершина) поэт показывает величие героини, величие её времени и величие её страдания. Здесь окончательно сливаются проблемы двух исторических времен и судьбы героев на единой общечеловеческой основе. Простая русская сельчанка смотрит на Гамлета, как мать на сына. Два разных, далеко отстоящих друг от друга времени едины в поэме. Этим обусловлена и её кольцевая композиция. Единство при кажущейся несовместимости символически подчеркивается в названии «Гамлет в совхозе».

В поэме, где лиризм является структурообразующим, не смена (столкновение) событий, а смена переживаний играет главную роль в конструкции хронотопа. Пространство воспринимается обычно лирически-обобщенно, а время лирически-субъективно, события играют роль реалистической (в реалистической поэме) мотивировки переживаний, пространственные образы выполняют эмоциональную роль, а время приобретает условный характер. В поэме «Совесть» время переживаний и раздумий – время перерыва в пути. Это показывает кольцевая композиция. «Упадет голова – не на плаху, на стол упадет...» – так начинается поэма. «Упадет голова – не на плаху, на тихую грусть...» – так она заканчивается. Все, что происходит между этими точками, – происходит в сознании: «В темноте головы моей тихая всходит луна...». Пространственный образ голубой дороги символизирует жизненный путь человека. Из прошлого, «из могилы восставши», и в то же время из пространственной дали, «через тысячи верст, через реки, откосы и рвы» движется к поэту его мать, олицетворяющая совесть. С помощью субъективированных пространственных метафор выражается внутренний мир героя.

Здесь, как и в эпической поэме, прошлое сталкивается с настоящим, но это столкновение условное, оно происходит в сознании героя, который задает себе мучительные вопросы («Ну, а если я мир не избавил от слез, не избавил родных, то зачем же я, мама?»), горько сетует на то, что еще никого на земле «не сделал счастливой», прямо признается: «Значит, делаю что-то не так, значит, что-то со мною неладно» [9, с. 102]. За исключением первой и последней строф, время в поэме является психологическим, но в целом мы можем говорить о лирически трансформированном времени, о лирическом хронотопе.

Хотя хронотопы эпической, лирической и лиро-эпической поэм различны, все маленькие поэмы Федорова имеют в своей структуре общее, связанное с их жанровыми и стилевыми особенностями. Лаконизм изложения, одноконфликтность, узкий круг героев (обычно два) и проблем – все это черты маленькой поэмы. При этом если в поэмах средней и большой формы происходит движение сюжета, смена изображаемых картин, что связано с развитием времени среды («Проданная Венера», «Седьмое небо») или с развитием времени человеческой жизни («Белая роща», «Золотая жила», «Бетховен», «Аввакум»), то в маленьких поэмах оно статично или же амплитуда его развития очень мала. Если даже идет речь о создании природой человека, этот огромный период берется как одна эпоха, а вся история человечества – как другая.

В поэмах средней и большой формы тоже пересекаются и сопоставляются времена, но если даже их два, все равно они состоят из нескольких отрезков, то есть дискретны. Пунктирное движение времени в прошлом или настоящем характерно для поэм «Обида», «Золотая жила», «Белая роща» и др. Сложная и многократная смена времен лежит в основе «Проданной Венеры» и особенно поэмы романного типа «Седьмое небо». «Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда суще-

ственно хронотопичен» [1, с. 235]. С этой точки зрения следует отметить диалектическое единство позиции лирического героя в современном мире и авторских оценок, близость черт характера лирического героя и главных ролевых: отца («Отец»), Бетховена («Бетховен»), Аввакума («Аввакум»), Василия Горина («Седьмое небо»), деда Харитона («Золотая жила») и т. д. При этом характеры своих героев поэт обобщает, типизирует, иногда подчеркивая это прямо. «Сто разных вздохов, как её дыханье, и, как одно лицо её, сто разных лиц...» – говорит он, например, о героине поэмы «Гамлет в совхозе». Цельность и единство человека Федорова в его исторической конкретности, современности, в его национальной укорененности.

Диалектически един и изображенный автором мир. Реалистическая конкретность характерна для изображения как времени, так и пространства. Не случайно в поэмах Федорова указывается географически точное место, прикрепляющее, как правило, события и героя к родной стороне: родной деревне Марьевке («Муза», «Хозяйка», «Золотая жила»), родному краю («Пурга», «Белая роща»), Сибири («Дуся Ковальчук», «Пролог», «Обида», «Первые слезы»), Родине – России («Седьмое небо», «Проданная Венера» и т. д.) и Родине – всей Земле («Человек», «Бетховен»). Это не признак родства поэмы Федорова с идиллией (не идиллическая жизнь изображается в поэмах), а признак кровной связи автора с национальным пространством, принадлежности его к определенной общности: национальной, а через неё – общечеловеческой.

Характерно, что родной край изображается с помощью описания природы-тайги, названий пород деревьев, сурового климата (пурга, метель, трескучий мороз), мотива отдаленности, описания бытовых подробностей. В таком произведении, как «Свадьба», национальное пространство воссоздается самим свадебным обрядом, с плясовыми ритмами, народной речью, вышитой рубахой жениха и дедом на печи. В поэме «Птичий сад» его символизирует «иволга с Волги», а в поэме «Гамлет в совхозе» прямо говорится о трагедии родной земли. Пространство родины проникает и в лирический хронотоп: мотив сибирской дали и таежных вековых лесов органично входит в поэму «Совесть», а в поэме «Я – словно дом» его символом становится дом – деревянный с бревенчатыми венцами и русской печью.

Единство стиля проявляется и в том, что Федоров стремится ритм поэмы (а ритмическая единица – единица времени изложения) привести в соответствие с временем изображенных событий или размышлений. Вот наглядный пример из поэмы «Муза»: «Миг – / Что зерно. / Вся жизнь в том миге» [8, с. 77].

«Миг» – строка из одного слога, одно ударение, «жизнь» – строка из пяти слогов, при этом четыре из них ударные. Или в поэме «Человек»: для природы, создающей человека, периоды, эры, века мгновенны, и каждое из этих слов составляет строку. «Мгновение в жизни должно быть мгновенным и в стихе» [9, с. 158], – заявляет сам автор и рассказывает, как проверял, вписываются ли его стихи в поэме «Седьмое небо» в то короткое время, в течение которого горит бикфордов шнур и происходит взрыв [2, с. 86]. В то же время у В. Федорова нет и не может быть натуралистического копирования реального времени, тем более ритм и интонация несут на себе и иные выразительные и композиционные функции.

Итак, в поэзии В. Федорова время жизни личности неотрывно от времени жизни народа, художественное пространство неотделимо от национального пространства. Духовный мир лирического героя В. Федорова богат, многоцветен и прекрасен. Это умный, волевой, сознающий свое достоинство, полный сил и внутреннего очарования человек.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Денисова И. За красоту времён грядущих. Поэзия Василия Фёдорова. М. : Моск. рабочий, 1971. 136 с.
3. Николаева С. Ю. Концепт «степь» в коммуникативном пространстве поэзии П. Н. Васильева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 3. Вып. 1. С. 127–138.
4. Николаева С. Ю. Новые тенденции в поэтическом творчестве Николая Капитанова и Владимира Львова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 68–79.
5. Николаева С. Ю. О символике пейзажа в «Воскресении» Л. Н. Толстого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 10. Вып. 3. С. 78–84.
6. Светлов М. В ночь под пятьдесят // Яшин А. Бессонница. Лирика. М. : Сов. Россия, 1967. 126 с.
7. Федоров В. Д. Собр. соч. : В 3 т. Т. 1. М. : Молодая гвардия, 1975. 496 с.
8. Федоров В. Д. Собр. соч. : В 3 т. Т. 2. М. : Молодая гвардия, 1975. 464 с.
9. Федоров В. Д. Собр. соч. : В 3 т. Т. 3. М. : Молодая гвардия, 1976. 624 с.

**GENRE AND STYLISTIC ORIGINALITY OF THE POETRY
OF VASILY FYODOROV
(to the 100th anniversary of the poet)**

V.A. Redkin

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

Creativity by Vasily Fedorov is nationally oriented, is in line with the concrete-realistic style trends, and its formation was influenced by Russian poetic classics, but the poet is characterized by open journalism, open citizenship. At the same time, confession and preaching in his poetry are inseparable. Along with the civil, landscape, philosophical and intimate lyrics V. Fedorov made a significant contribution to the development of various forms of lyre-epic.

Keywords: *V. Fedorov, national character, realism, style, genre, lyrics, poem, chronotope.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

УДК 821.161.1-3

НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ВОЛОДЯ БОЛЬШОЙ И ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ»

Н. В. Семенова

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В статье предпринята попытка выстроить систему тематических и формальных эквивалентностей, влияющих на смыслообразование в рассказе А. П. Чехова «Володя большой и Володя маленький». Показано, как интерференция временного и пространственного планов позволяет уточнить границы события в тексте.

Ключевые слова: тематические и формальные эквивалентности, событие, сюжет.

В поздних рассказах А. П. Чехова исследователи отмечают «примеры такой сложной интерференции поэтического и нарративного потенциала» [7, с. 266], что анализ «истории» не может быть удовлетворительно осуществлен без учета «поэтической необходимости» [5, с. 192–193]. В «гибридной прозе» Чехова проблемой может оказаться не только наличие полноценного события как изменения жизненной ситуации, но и само выделение события в тексте.

Главная героиня рассказа Чехова «Володя большой и Володя маленький», Софья Львовна, дважды пересекает «запрещающую границу»: вступает в брак по расчету и совершает супружескую измену. Чтобы определить, какой из этих поступков обладает статусом события, воспользуемся критериями, которые выделяет В. Шмид: релевантность, непредсказуемость, консекутивность, необратимость, неповторяемость [7, с. 16–18].

Замужество героини имеет все признаки *релевантности*: «У меня тьма, тьма ошибок» [4, с. 223], – говорит Софья Львовна, подразумевая свой брак. *Непредсказуемость* оказывается под вопросом, так как называется целый ряд мотивов для замужества: полковник Ягич «невероятно богат»; Софья Львовна боится остаться старой девой; наконец, она выходит замуж в пику человеку, который к ней равнодушен. Третий признак (Шмид называет его «консекутивность», варианты – «прозрение», «перемена взглядов») подразумевает значимые последствия для персонажа. В данном случае это утрата иллюзий, отрезвление и потеря самоуважения: «Если бы она могла предположить, когда выходила, что это так тяжело, жутко и безобразно, то она ни за какие блага в свете не согласилась бы венчаться» [Там же, с. 220–221]. *Необратимость* события подразумевается: развод означал бы бедность; мечты о «чистой» жизни не облакаются ни в какой определенный план. По той же причине можно говорить о *неповторяемости* события. Мысленно Софья Львовна постоянно возвращается к своему замужеству, случившемуся два месяца назад, но представлено оно в ретроспективе и составляет по существу предысторию.

В еще меньшей степени признаками события обладает история, которая, казалось бы, составляет сюжет рассказа: супруга Володи большого изменяет ему с «другом детства» – Володей маленьким. *Релевантность* в этом случае оказывается

под вопросом, так как случившееся ничего не меняет ни в положении Софьи Львовны, ни в ее самосознании. Очевидно также, что падение Софьи Львовны предсказуемо: она понимает, что Володя маленький догадывается о ее любви; видит, как он изменился к ней после замужества. Отсутствует и такой признак, как *консекутивность*, никакого прозрения, перемены взглядов не происходит: главная героиня достаточно умна, чтобы понять, что Володя маленький «презирает ее и что она возбуждает в нем интерес лишь известного свойства, как дурная и непорядочная женщина» [Там же, с. 217]. *Необратимость* события состоит в том, что признаться в любви Володе маленькому, стать его любовницей для Софьи Львовны значит окончательно пасть в его глазах. *Неповторяемость* события прямо обозначена в тексте: «Через неделю Володя маленький бросил ее» [Там же, с. 225].

Является ли в таком случае событием новеллы адюльтер? Заглавие «Володя большой и Володя маленький» как будто на это указывает, равно как и визуализация любовного треугольника в первой сцене: Софью Львовну, которая стоит на быстро несущейся тройке, удерживают с двух сторон за руки муж, Владимир Никитич, и «друг детства», Владимир Михайлыч. Однако это событие слишком незначительно и ничего не меняет в отношениях трех персонажей.

Можно предположить, что перед нами тот самый случай, когда «событие <...> может быть осмыслено лишь путем анализа вневременных эквивалентностей» [7, с. 243]. На примере рассказа «Володя большой и Володя маленький» попытаемся показать, что поздние рассказы Чехова моделируют жизнь главного героя как цепь эквивалентных эпизодов [Там же, с. 243].

Мотивы, связанные с временной и причинно-следственной связью, составляют основу сюжета. В отличие от них эквивалентности лежат вне временных отношений, важно лишь их расположение в тексте, и в этом смысле Шмид говорит об их пространственных характеристиках [Там же, с. 243]. Тематические эквивалентности выделяются на основе «тематического признака» и распадаются на эквивалентности персонажей, ситуаций и действий [Там же, с. 247]. Формальные эквивалентности соотнесены с понятием стиля (лексика, синтаксис, фоника, типы речи) [Там же, с. 452]. Еще одно важное положение связано с тем, что «восприятие эквивалентностей напоминает цепную реакцию. Достаточно идентифицировать какой-либо пучок важных соответствий, как шаг за шагом начинает проявляться густо сплетенная сеть вневременных отношений» [Там же, с. 260].

Хотя, по утверждению Шмида, объективного метода выявления эквивалентностей не существует [Там же, с. 246], при нарратологическом анализе, как и при структуралистском, важно верно определить «точку семантического отсчета». Если исходить из того, что позиционное положение – в начале и в конце текста – предполагает особую значимость эквивалентностей, начать следовало бы с заглавия – «Володя большой и Володя маленький». Эту пару персонажей характеризует самый богатый «пучок» эквивалентностей, уже само заглавие моделирует эквивалентность по сходству и оппозиции. Вопрос в том, будет ли система эквивалентных эпизодов в этом случае моделировать жизнь *главного* героя, с которым в повествовательном тексте всегда связан сюжет инициации [2, с. 32–36].

Все фазы инициации представлены в судьбе Софьи Львовны. В двадцать три года она боится остаться старой девой (фаза обособления); замужество может быть квалифицировано как квазипартнерство (перспектива жить с нелюбимым человеком ужасает); пороговая фаза маркирована мыслями о смерти. Именно эти мысли заставляют героиню искать смысла жизни, решать для себя «вопрос жизни». Фаза преображения связана с ее новым статусом – «госпожи Ягич».

Гетероперсональная (связанная с разными персонажами) эквивалентность [7, с. 247–248] выстраивается в сопоставлении с кухней Олей, ушедшей в монастырь. Фаза обособления – одиночество Оли (брат сослан в каторжные работы и пропал, мать умерла). Фаза квазипартнерства как неосуществленная возможность представлена в словах Володи маленького о том, что «жить на положении воспитанницы, да еще с таким золотом, как Софья Львовна, – тоже подумать надо!» [4, с. 218]. Пороговая фаза – принятие монашеского сана – отмечена переменами внешними и внутренними и перетекает в фазу преображения: «...и каждый думал о том, какая она была прежде и какая теперь. Лицо у нее теперь было бесстрастное, мало выразительное, холодное и бледное, прозрачное, будто в жилах ее текла вода, а не кровь. А года два-три назад она была полной, румяной, говорила о женихах, хохотала от малейшего пустяка» [Там же, с. 220]. Приметами символической смерти выступают не только худоба и бледность, но и отрешение от мирской жизни.

Тематическая эквивалентность подтверждается формальной эквивалентностью. Софья Львовна «*par dépit*» (фр. – «с досады») вышла замуж за Ягича. То же выражение «*par dépit*» использует другая кухня Софьи Львовны, Рита, когда говорит об Оле.

«– Зачем она пошла в монастырь? – спросил полковник.

– *Par dépit*, – сердито ответила Рита, очевидно намекая на брак Софьи Львовны с Ягичем. – Теперь в моде это *par dépit*. Вызов всему свету. Была хохотушка, отчаянная кокетка, любила только балы да кавалеров и вдруг – на, поди! Удивила!» [Там же, с. 217].

По словам Володи маленького, «тут не *par dépit*, а сплошной ужас...» [Там же]. Тематическая и формальная эквивалентности в этом случае актуализируют важность последних вопросов бытия, которые по-разному разрешаются с позиций веры и безверия.

Еще одна важная гетероперсональная эквивалентность связана с упоминаемой в рассказе тетей Софьи Львовны: «...она вспоминала, как полковник Ягич, ее теперешний муж, когда ей было лет десять, ухаживал за тетей, и все в доме говорили, что он погубил ее, и в самом деле тетя часто выходила к обеду с заплаканными глазами и все куда-то уезжала, и говорили про нее, что она, бедняжка, не находит себе места» [Там же, с. 215]. После первого и второго свидания с Володей маленьким Софья Львовна катается одна по городу на извозчике: «И почему-то при этом вспоминалась ей та самая тетя, которая не находила себе места» [Там же, с. 225]. Тетю погубил Ягич, Софью Львовну – Володя маленький. Это подтверждается формальной стилиевой эквивалентностью – идиомой: «Не находить (себе) места» в значении «Быть в состоянии крайнего беспокойства, волнения, тревоги» [3, с. 270]; «О состоянии крайнего беспокойства, мучения» [1, с. 630]. Здесь имеет место одновременное восприятие идиомы и как устойчивого оборота, и как свободного словосочетания, в результате чего этот элемент выполняет двойную функцию – нарратологическую и поэтическую.

Гетероперсональная эквивалентность по ситуации – Софья Львовна / Володя маленький – подтверждает особый характер любовной связи, по крайней мере для Софьи Львовны. Отцы обоих были военными докторами и служили когда-то в одном полку с Ягичем. Детство прошло под одной крышей на казенной квартире, где они сначала вместе играли, а потом их вместе (очевидно, из экономии) учили французскому языку и танцам. Отмечена бедность отцов и безденежье героев. О Со-

фье Львовне говорится, что «до свадьбы у нее не было и трех рублей собственных, и за каждым пустяком приходилось обращаться к отцу» [4, с. 215]; Володя маленький «не имеет собственных денег, хотя ему уже тридцать лет»; «живет он в казармах у своего отца, военного доктора» [Там же, с. 216]. Естественно для Софьи Львовны в этой ситуации считать, что «друг детства» мог бы быть ей «другом» (она говорит, что так «не говорят с друзьями и порядочными женщинами» [Там же, с. 223]). Человек, которого она любит, представляется ей «необыкновенным», ей кажется, что он мог бы сделать из нее что угодно, «хоть ангела», но поведение Володи маленького демонстрирует неприкрытый цинизм.

Формальная стилевая эквивалентность на лексическом уровне объединяет Володю маленького и Риту. Она «вяло» рассказывает анекдоты – он по временам кажется Софье Львовне «вялым, сонным, неинтересным, ничтожным» [Там же, с. 215]. Сомнительность выбора жизненного пути Маргаритой Александровной (барышня-эмансипе, заменившая жизнь чтением, она «от утра до вечера читала толстые журналы, обсыпая их пеплом, или кушала мороженые яблоки» [Там же, с. 215–216]) бросает тень и на научные занятия Володи маленького.

Но самая разветвленная сеть эквивалентностей связана с Володей большим и Володей маленьким. Оба они – покорители женских сердец, сыгравшие роковую роль в жизни хотя бы одной женщины. Подчеркивается их красота: «Он был тогда очень красив...» – о Ягиче; «сделался стройным, очень красивым юношей» – о Володе маленьком [Там же, с. 215, 216]. Их любовные похождения обрастают легендами: «...и рассказывали про него <Ягича>, будто он каждый день ездит с визитами к своим поклонницам, как доктор к больным» [Там же, с. 215]; «про него <Володю маленького> недавно кто-то рассказывал, будто бы он, когда был студентом, жил в номерах, поближе к университету, и всякий раз, бывало, как постучишься к нему, то слышались за дверью его шаги и затем извинение вполголоса: “Pardon, je ne suis pas seul”» [Там же, с. 216] (фр. – Простите, я не один). То же фиксирует формальная стилевая эквивалентность на уровне синтагм: «<Ягич> имел необычайный успех у женщин» [Там же, с. 215]; «Он <Володя маленький> тоже имел необыкновенный успех у женщин» [Там же, с. 216]. Отмечена их опытность в любви: «Полковник знал по опыту, что у таких женщин, как его жена Софья Львовна...»; о Володе маленьком: «Несмотря на любовные приключения, часто очень сложные и беспокойные...» [Там же, с. 215]. Тематические эквивалентности выявляют также их искреннюю взаимную привязанность и взгляд на женщину как на низшее существо. Об отношении Ягича к Володе маленькому сказано: «Ягич приходил от него в восторг и благословлял на дальнейшее, как Державин Пушкина, и, по-видимому, любил его» [Там же, с. 216]; Володя маленький «в тайны своей диссертации посвящал только одного Ягича» [Там же]. Ягич дает жене поцеловать руку перед сном («женщины, которые его любили, целовали ему руку, и он привык к этому» [Там же]). Володя маленький, когда Софья Львовна пытается говорить с ним серьезно («Научите же... Скажите мне что-нибудь убедительное. Хоть одно слово скажите» [Там же, с. 223]), произносит, а потом поет: «тарарабумбия». Абсурдность этого слова подкрепляется интертекстуальной отсылкой: это «русская транскрипция известной французской песенки – своеобразного гимна парижского полусвета конца XIX в.: *Tha ma ra boum dié...*» [5, с. 488].

Особое значение имеет изоперсональная тематическая эквивалентность в ситуации катания на тройке, где из участников поездки неизменными остаются Володя большой и Володя маленький. С катания на тройке начинается повество-

вание; после описания событий дня эпизод возобновляется: «А ночью опять катались на тройках и слушали цыган в загородном ресторане» [4, с. 225]. Однако и предыстория включает указание на то, что «если Ягич ехал куда-нибудь на тройке, то брал с собою и Володю» [Там же, с. 216]. Через эту тематическую эквивалентность Софья Львовна уравнивается с теми женщинами, которых, вероятно, катали на тройках полковник и Володя маленький. И если раньше «они часто попадали в положение соперников, но никогда не ревновали друг к другу» [Там же], то и случай с Софьей Львовной не нарушает этого обыкновения. Формальная синтагматическая эквивалентность в начале и в конце повествования представляет Володю большого и Володю маленького не как соперников, а как партнеров по бильярду и карточной игре. «Оба они по целым часам молча играли на бильярде или в пикет» [Там же]; «Полковник и Володя маленький играли подолгу на бильярде и в пикет» [Там же, с. 225].

Статичность быта и бытия подтверждает еще одна изоперсональная синтагматическая эквивалентность, характеризующая кухню Маргариту Александровну. «<Рита> двусмысленные анекдоты рассказывала вяло, безвкусно» [Там же, с. 216]; «Рита безвкусно и вяло рассказывала анекдоты» [Там же, с. 225].

Анализ эквивалентностей показывает, что, при очевидной редукции события, в рассказе нет и полноценного ментального события. Все это соответствует представлению о том, что «Чехов не изображает ментальных событий, он проблематизирует их» [7, с. 16]. В этой ситуации разветвленная сеть эквивалентностей служит выражением мифологической картины мира, с ее вечной повторяемостью, и свидетельствует о бесперспективности жизни вообще и о бесперспективности изменить что-либо в судьбе героев [Там же, с. 267].

Список литературы

1. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. Т. 8. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 630 с.
2. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. 58 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М. : Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
4. Чехов А. П. Собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 8. М. : Наука, 1986. 527 с.
5. Чудаков А. Мир Чехова. М. : Сов. писатель, 1986. 384 с.
6. Чудаков А. П. Примечания / Чехов А. П. Собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 8. М. : Наука, 1986. С. 486–488.
7. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

NARRATOLOGICAL ANALYSIS OF A. CHEKHOV'S SHORT STORY «THE TWO VOLODYAS»

N. V. Semenova

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article attempts to build a system of thematic and formal equivalences influencing the meaning formation in A. Chekhov's Short Story "The Two Volodyas". It is shown

how the interference of the temporal and spatial plans allows to clarify the event boundaries in the text.

Keywords: *thematic and formal equivalences, event, story.*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.

About the author:

SEMENOVA Nina Vasilevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.

УДК 821.581

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ДУНГАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Сы Цзюньцин

Институт иностранных языков и литератур Ланьчжоуского университета, Китай
факультет русского языка

Статья посвящена женским образам в дунганской литературе Центральной Азии. В развитии женских образов можно выделить три этапа: молчаливое терпение женщин, обусловленное двойным культурным ограничением (ислам и конфуцианство), переходные женские образы в новых условиях СССР, мудрый и независимый образ современной женщины как результат урбанизации в годы СССР. Динамика этих образов передает эволюцию дунганской женщины от покорности и подчинения к пробуждению самосознания и активному действию.

Ключевые слова: *дунганская литература, женские образы, эволюция.*

140 лет назад, после неудачного восстания в Шэньси и Ганьсу, хуэйцзу китайского происхождения переместились в Центральную Азию и разместились на территории Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана. Их численность выросла до 100 тысяч человек. В России их назвали «дунгане». Сначала этот народ имел только устное словесное творчество, но в конце 1920-х – начале 1930-х годов была создана дунганская письменность с применением арабских и латинских букв. В 1950-е годы появилась фонетическая письменность на основе кириллического алфавита. Дунгане – во многом уникальный народ, который говорит по-китайски, но использует не иероглифическое, а фонетическое письмо. После создания письменности литература дунган стала стремительно развиваться.

Настоящая статья посвящена женским образам в произведениях дунганских писателей: Я. Шивазы, А. Арбуду, Я. Хавазова, Ю. Лома, А. Джона. Мы попытаемся проследить развитие этих образов в их культурно-исторической обусловленности.

Если в дунганской литературе Центральной Азии мужские образы раскрывают преимущественно историю национального духа, то женские – эволюцию национальной этики и культуры.

Женские образы в условиях двойного культурного ограничения

Первый период дунганской литературы приходится на исторический отрезок с 1877 года (дунганское восстание) по 1917 год (Октябрьская революция в СССР). Образ дунганской женщины в этот период напоминает образ древнекитайской женщины, соблюдающей феодальную этику. Хотя героини мечтают о любви и свободном выборе избранника, они не могут нарушить феодальные запреты и становятся жертвами мужчин.

В стихотворении Я. Шивазы «Белокожий арбуз» рассказывается о том, как новая невестка скучала по родителям, но не решалась вернуться домой из-за стра-

* Настоящая статья – результат Проекта специального фонда основных научных исследований в центральных вузах (17LZUJBWZY071).

ха быть избитой мужем и свекровью [5, с. 13–14]. Я. Хавазов в рассказе «Тоска» также повествует о тяжелой судьбе дунганской женщины. Когда умер муж, вся забота о детях легла на ее плечи: «Она пролиwała так много, так много слез...» [6, с. 102]. В рассказе А. Арбуду «Саньва и Шаянь» описана трагическая судьба девушки Шаянь.

Поэт Я. Шиваза и прозаик А. Арбуду названы «парой яшм» в дунганской литературе [4, с. 7]. «Саньва и Шаянь» – это дунганские «Ромео и Джульетта». Шаянь – девушка из богатой семьи, полюбившая батрака Саньва. После того как отец избил ее, она наложила на себя руки. Саньва откопал тело Шаянь, припал к нему и покончил с собой в новой могиле. В конце рассказа из могилы выпархивают два голубя, олицетворяющие верность любви.

Шаянь прекрасна, и «в городе не могут найти вторую такую красавицу». Ее отец – богатый человек, десять лет назад он начал готовить для нее «яркое платье, золотистые туфли, ювелирные изделия и другое приданое» [6, с. 67]. Соблюдая традиции, Шаянь могла жить в роскоши и изобилии. Но ее жизнь напоминала заточение. Будущее молодой девушки – вечное подчинение мужу, которое она видит в собственной матери. Знакомство с Саньва пробудило любовь, которую не может пересилить даже страх смерти.

Причина этого трагического события в том, что дунганские женщины строго соблюдали этику ислама и конфуцианства.

Предки хуэйцзу (дунгане) прибыли в Китай в период династии Тан, и название «хуэйхуэй», по мнению ученых, впервые встречается в летописях Сунской династии. Народность хуэйцзу формируется в период династии Мин. Китайские мусульмане восприняли конфуцианство с опорой на этические принципы ислама. Под воздействием ислама и конфуцианства сложилась культура хуэйцзу. В соответствии с Кораном «мужчины могут жениться на двух, или трех, или четырех женщинах» [3, с. 56]. Это результат привилегированного положения мужчин, что соответствует китайской феодальной традиции. Вместе с тем в период становления культуры хуэйцзу была распространена догма «лисюе» Чжу Си. Он пропагандировал следующие принципы поведения: «превосходство мужчины над женщиной», «три уста и пять неизменных правил», «тройкая покорность и четыре достоинства». Таким образом, дунганские женщины жили в условиях двойной этики. Модель женского поведения – «послушная жена и нежная мать». Если женщина не соблюдала эти этические нормы, то подвергалась унижению и наказанию: ее избивали, оскорбляли и даже выгоняли из дома. Женщины были бесправны.

После переселения в Центральную Азию дунгане сохранили традицию расселения китайских хуэйцзу – «маленькая концентрация, большой разброс». В Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане возникло тридцать поселений дунган, в самом большом из них проживает десять тысяч дунган. Эти городки являются культурными и духовными центрами. Дунгане сохраняют свою национально-культурную самобытность, соблюдают обычаи, передают правила поведения и этические нормы молодому поколению. Можно сказать, что «от материальной культуры до обычаев и языковой среды, они сохранили свою уникальную национальную самобытность» [4, с. 130]. Особенность этой самобытности – ее консерватизм и патриархальность. Она продолжает существовать в коллективном бессознательном как духовная инерция. После переселения в Центральную Азию дунганские женщины продолжали жить под бременем патриархальной культуры, оставаясь покорными своей тысячелетней судьбе. В этом культурный смысл судьбы несчастной Шаянь.

Писатели симпатизируют этим женщинам. Несмотря на их бесправное положение, они оставались милосердными, упорными, трудолюбивыми, самоотверженными. Дунганские женщины олицетворяют истину, добро и красоту.

Переходные образы дунганских женщин в годы СССР

С октября 1917 года до конца 1950-х годов продолжается второй период дунганской литературы. Дунганские женщины преодолели господство традиционной культуры и вышли из тени мужского права. Они тянулись к образованию, социальной реализации.

После Октябрьской революции с начала 1930-х годов в национальных районах советским правительством проводилась особая национальная политика. Она изменила положение национальных меньшинств, у которых долгое время не было письменности. Советское правительство поручило ученым-лингвистам разработать письменность для 52 национальных меньшинств, в том числе для дунганского населения. Создание дунганской письменности способствовало развитию и процветанию дунганской литературы. Можно сказать, что национальная политика СССР сыграла огромную роль в сохранении дунганских обычаев, их национальной самобытности. Национальная политика привела также к изменению положения женщин. Это во-первых.

Во-вторых, СССР провозгласил и закрепил в конституции равенство мужчин и женщин. Женщины получили право голоса и избирательные права. Всё это способствовало нравственному освобождению женщин. «Они получили право на равенство с мужчинами в социально-политической, экономической и культурной жизни» [2, с. 5]. Советское правительство открыло широкие возможности для развития женщины. Женщины освобождаются от власти семейного очага, а экономическая независимость создает предпосылки для пробуждения женского самосознания.

В-третьих, Великая Отечественная война, отняв жизнь у многих мужчин, активизировала роль женщин. Женщины взвалили на свои плечи тяжелую ношу и не согнулись под ней. Например, в рассказе Я. Хавазова «Миссия» жена, после того как муж ушел на фронт, выполняет тяжелую мужскую работу и справляется с ней. Похожие ситуации мы встречаем в рассказе Ю. Лома.

Работая плечом к плечу с женщинами других народов, дунганские женщины увидели других людей, познакомились с их образом жизни, привычками. С одной стороны, это их привлекало, с другой – вызывало противодействие. Некоторые мудрые дунгане начали зорко вглядываться в свои обычаи.

В новых социально-исторических условиях возник новый герой – человек, уверенный в себе. Дунганские женщины начинают выходить из узкого семейного круга на широкий общественный простор: в поля, школы и т. д. В них пробуждается самосознание, многие стремятся самостоятельно выбирать спутника жизни. В повести «Первый агроном» А. Арбуду, создав образ Цунхуа, показал идеалы и эволюцию взглядов дунганской женщины.

Цунхуа повезло, тогда как многие ее сверстницы, следуя традиционным нормам, были вынуждены отказаться от школы. Отец Цунхуа – человек просвещенный, он поддержал стремление дочери продолжить образование. Став агрономом, Цунхуа реализовала идеал дунганских женщин. Поведение Цунхуа так удивило сторонников традиционного образа жизни, что они посчитали талант девушки заслугой аллаха [1, с. 196]. Молодое поколение последовало ее примеру. Это заставило многих женщин предполагать, что вина за их неудавшуюся судьбу лежит на старшем поколении: виноват не аллах, а их недалекие родители.

В дунганской поэзии наблюдается стремление женщины к свободному волеизъявлению в любви. Об этом поэтические произведения «Девушка Ма сбежала», «Женщина на лошади», «Старшая сестра и младшая сестра» Я. Шивазы [6, с. 5]. Поэма «Девушка Ма сбежала» рассказывает о влюбленных девушке и юноше. По обычаю они обратились к родителям за благословением, но получили отказ. Девушке и юноше ничего не оставалось, как убежать из дома. В традиционном обществе этот поступок означал бы для девушки бесчестие, но в 1930-х годах он символизирует свободу и вызывает восхищение у автора: «Девушка Ма сбежала / как горный ветер / никакого следа не осталось» [5, с. 35–36].

Итак, дунганская женщина в этот период показана как личность с пробудившимся сознанием. Она стремится к счастью в любви и браке, восстает против патриархальных традиций. Тем не менее данный образ – все-таки переходный, сформированный условиями советской эпохи.

Современные образы мудрых и независимых женщин

С 1950-х годов до середины 1980-х годов в СССР идут процессы индустриализации и урбанизации. Многие дунгане покидают деревню и переезжают в город, где проживают компактными группами. В силу того, что «образ жизни и идеологические представления постепенно отрывались от национальных корней, ослабевали зависимость от семьи и обязательность исламских правил; многие национальные традиции уже не воспринимались серьезно» [6, с. 180]. Эта ситуация отражена в рассказе «Село» Ю. Лома. Пожилые пары жили в селе, а сыновья и дочери работали в городе. Они общались с представителями разных этнических групп, в семье говорили по-русски. В результате их дети забыли дунганский язык [Там же, с. 178].

В советское время большое внимание уделялось подготовке национальных кадров, в том числе среди женщин. Обязательным было десятилетнее образование, что сказалось на культурном уровне женщин.

Об этом рассказ А. Арбуду «Не узнали». Герой встретил женщину, которая была похожа на его бывшую жену, но превосходила ее красотой. Он не сводил глаз с красавицы и думал: «Если бы у меня была такая женщина, я бы не зря жил на свете» [1, с. 68]. Он заговорил с ней и решил проводить ее домой. Красавица жила в трехэтажном доме, в обстановке достатка и роскоши. Оказалось, что это женщина – его бывшая жена, с которой они прожили два года. После развода она открыла собственное ателье и разбогатела. Бывшая жена героя оказалась настолько привлекательна и успешна, что он не узнал ее.

Следуя прогрессивным тенденциям, дунганские женщины эмансипируются, освобождаются от культурных ограничений и пытаются самостоятельно решать свою судьбу. В рассказе А. Арбуду «Некомфортность» говорится о том, как героиня отказалась возвращаться в деревню после учебы в городе. Но на этом настаивал ее муж, и супруги расстались. В рассказе А. Арбуду «Хаджер» героиня Хаджер вынуждена принести в жертву свой брак, потому что расхождение с мужем во взглядах стало причиной семейных конфликтов.

Исследуя противоречия жизни, писатели показывают сложные и многогранные женские характеры. В дунганской литературе появились героини, чье поведение отклоняется от традиционных добродетелей. Например, в рассказе А. Джона «Две снохи» изображены две невестки, которые прятали общие мясо и яйца в свой шкаф. При жизни свекрови они мучились вопросом, кому достанется квартира после ее смерти; прятали деньги, и даже мужья не знали об этом [6, с. 164–172].

Итак, в развитии женских образов в дунганской литературе Центральной Азии можно выделить три этапа: покорность и терпение, вызванные двойным культурным ограничением (ислам и конфуцианство); переходный тип, сформировавшийся в новых социальных условиях в годы СССР; независимый образ современной женщины как результат процесса урбанизации. Вектор эволюции направлен от покорности и подчинения к пробуждению самосознания и активному действию.

Список литературы

1. Арбуду А. Мостик из одного шеста: повести и рассказы. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. 246 с. (на дунганском языке).
2. Кодекс о бракосочетании и семье СССР. Переводчик: Мащян. Пекин: Китайское изд-во обществ. наук, 1978. 55 с. (на китайском языке).
3. Коран. Переводчик: Маден. Пекин: Китайское изд-во обществ. наук, 1981. 493 с. (на китайском языке).
4. Чан Вэнчан. Новый континент в мировой китайской литературе. Пекин: Китайское изд-во обществ. наук, 2010. 369 с. (на китайском языке).
5. Шиваза Я. Д. Соловей: сборник стихов. Бишкек: Илим, 2006. 416 с. (на дунганском языке).
6. Ян Фэн. Надежда: избранное собрание повестей и прозы дунганских писателей Советского Союза. Урумчи: Синьцзянское изд-во «Женьминь», 1996. 253 с. (на китайском языке).

FEMALE CHARACTERS IN THE DONGGAN LITERATURE OF CENTRAL ASIA

Si Jun-qin

School of Foreign Languages, Lanzhou University, Lanzhou, China
the Department of Russian language

The article is devoted to female characters in the works of Ya. Shivazy, A. Arbudu, Ya. Khavazov, Yu. Loma, A. John. We try to explore the development of these images in their cultural and historical background. Female images in the Donggan literature of Central Asia passed through three stages: 1) the silent patience of the women, due to the dual cultural restriction (Islam and Confucianism); 2) transient images of women in the new conditions of the Soviet Union; 3) the wise, independent and modern women as product of urbanization in Soviet times. The dynamic development of these images conveys the evolution of the Donggan women from compliance to self-awakening and autonomic behaviour.

Keywords: *Donggan literature, female characters, evolution.*

Об авторе:

СЫ Цзюньцин – доктор филологических наук, профессор факультета русского языка института иностранных языков и литератур Ланьчжоуского университета, Китай, e-mail: sijunq@lzu.edu.cn.

About the author:

SI Jun-qin – Doctor of Literature, Professor, the Department of Russian Language, School of Foreign Languages, Lanzhou University, Lanzhou, China, e-mail: sijunq@lzu.edu.cn.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'22:811.11

ТИПОЛОГИЯ НЕОЛОГИЗМОВ
В СОВРЕМЕННЫХ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹Е. В. Астапенко, ²Ю. Н. Варзони

Тверской государственный университет

¹кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов²кафедра русского языка

В статье представлена типология неологизмов в современных германских языках. Выявлены 13 типов лексических новообразований, а именно: характеристики человека и его внешние данные; информационные технологии, телевидение и СМИ; туризм; криминал; политика; финансы; шоппинг; модные тенденции; социальные явления, состояния, тенденции; еда, рестораны; новые необычные названия обычных предметов и явлений; медицина; работа. Дана оценка неологизмов, а также указаны причины появления и закрепления их в современной речи.

Ключевые слова: неологизмы, германские языки, английский язык, немецкий язык, шведский язык.

В германских языках, как и во многих других, ежегодно появляется до нескольких тысяч неологизмов, о чем свидетельствуют данные публикуемых средств массовой информации. Причины возникновения и закрепления их в речи обусловлены различными факторами. Среди самых заметных можно выделить следующие: 1) социальная потребность дать имя новым предметам и явлениям и их осмысление; 2) внутриязыковые факторы, заключающиеся в тенденции к упрощению и унификации; 3) варьирование номинаций с различной внутренней формой, этимологией; 4) следствие иного понимания действительности, потребности зафиксировать в речи и языке возникшее явление. Как отмечает А. А. Гальцева, «в отдельных случаях они устраняют омонимию, а также более кратко обозначают возникшие в обществе понятия и явления» [5]; 5) словообразовательная и семантическая деривация; 6) заимствования из других языков; 7) появление новых значений «старых» слов, вытесняющих первоначальные значения, превращая их в своего рода архаизмы; 8) изменения в социальной жизни общества.

Что касается современного английского языка, то Ю. В. Белка, например, замечает, что «большое количество неологизмов в словарном составе современного языка ученые объясняют существованием его различных вариантов, от американского английского, включающего десятки тысяч слов, отсутствующих в стандартном (британском) варианте английского языка, до китайского английского, в котором зачастую используется лексика, которую понимают только жители Поднебесной» [3]. Анализ доступных источников информации о неологизмах позволяет классифицировать их по определенным типам. Рассмотрим некоторые яркие примеры выявленных типов неологизмов.

1. Характеристики человека, внешние данные

English – *Mac Nazi* – «это человек, помешанный на продуктах компании Apple» [11]. *Football Widow* – «футбольная вдова, женщина, которая в дни футбольных матчей считает своего мужчину временно умершим» [4]. *Bioaccessory* – человек-биоаксессуар, которого берут в общество для выгодного фона. *Grays on Trays* – «грыжа на лыже, так называют великовозрастных сноубордистов» [Там же]. *Helicopter Parents* – «родители, которые следят за каждым шагом своих детей» [7]. **Deutsch** – *Schläfer* «любящий поспать» [1]. *Dreikantebreit* – накачанный, спортивный молодой человек. **Svenska** – *Forstasigpaare* – знаток, дока. *Datalektiker* – человек, плохо разбирающийся в компьютере. *Downshiftare* – человек, бросивший карьеру ради спокойной жизни. *Nordig* – чудаковатый.

2. Информационные технологии / телевидение / СМИ

English – *Fake news* – фальшивые новости. *Ringxiety* – «тревожный звонок – замешательство, в которое приводит группу людей звонящий мобильный телефон, непонятно кому принадлежащий» [4]. *Password fatigue* – усталость от паролей, которые необходимо держать в голове. **Deutsch** – *Simsen* – «отправлять СМС-сообщения» [1]. *Netiquette* – «правила поведения в сети Интернет (сетевой этикет)» [Там же]. *Das Feedback* – отзыв, обратная связь. **Svenska** – *Bloggbavning* – «положение, когда какая-либо тема становится предметом обсуждения множества пишущих в мировой сети» [6]. *Spamning* – рассылка спама.

3. Туризм

English – *Voluntourism* – «волонтуризм, туризм с элементами волонтерской деятельности» [4]. *PT, Permanent Tourist* – «перманентные туристы, задерживающиеся в стране только на тот срок, который позволяет им считаться нерезидентами, а значит, не платить налоги, не проходить воинскую службу и так далее» [Там же]. **Deutsch** – *Reiseboom* – «большое путешествие» [9]. *Touren* – «совершать тур» [8]. *Jetten* – летать самолетом. **Svenska** – *Terror-resa* – поездка в другую страну с целью совершения теракта.

4. Криминал

English – *Organ trafficking* – незаконная торговля органами. *Phishing* – фишинг, интернет-преступление, связанное с незаконным получением информации о паролях, данных кредитных карточек и проч. **Deutsch** – *Perspektivagent* – «бездействующий шпион, ждущий удобного случая для начала своей деятельности» [1]. *Einsaterist* – «террорист, ожидающий своего участия в террористических действиях» [Там же]. **Svenska** – *Ryggsacksmodell* – «метод персональной слежки за потенциальными преступниками» [6]. *Skimming / skimming* – «кража сведений о банковских картах или счетах с помощью электронной техники» [Там же].

5. Политика

English – *Taliban and Al-Qaeda* – Талибан и Аль-Каида. **Deutsch** – *Groko (Große Koalition)* – «Большая коалиция» (в текстах СМИ) [1]. **Svenska** – *Globalisering* – глобализация.

6. Шопинг

English – *Catch and release* – «бесплатный шопинг, покупка вещей с единственной целью: сдать их и получить денежное возмещение, а также удовлетворение от шопинга» [4]. *Retro Shopping* – «ретрошопинг, сравнение цен на одну и ту же вещь в разных магазинах, осуществляемое уже после того, как эта вещь приобретена» [Там же]. **Deutsch** – *Dritte-Welt-Laden* – «лавка, где продаются экзотические товары» [8]. *Der Renner* – особо популярный товар. *Modique* – бутик модной одежды. *Orient-Bazar* – восточный базар.

7. Модные тенденции

English – *Geek chic* – «стиль одежды, копирующий манеру одеваться «ботаников» и гиков-интеллектуалов, увлеченных технологиями» [4]. *Pixie cut* – «очень короткая женская стрижка с неровной чёлкой и отдельными прядями» [Там же]. **Deutsch** – *Dressman* – манекенщик. **Svenska** – *Trendriktig* – человек, разбирающийся в модных тенденциях. *Hypning / hajpning* – создание шумихи (вокруг чего-либо); *Transmogrifera* – кардинально преобразовать.

8. Социальные явления / состояния / тенденции

English – *Bromance* – «дружба двух мужчин, не сексуальные отношения (в русских текстах используются словосочетания – *мужская дружба, крепкая мужская дружба*)» [7]. *Office Spouse* – офисный супруг; сотрудник, который становится близким другом. *Oprahization* – «опраизация, возросшая тенденция исповедоваться на людях, чему немало поспособствовало популярное телешоу Опры Уинфри» [4]. *Menoporsche* – «менопорш (производное от *менопауза* и *Porsche*) – страх перед старостью у некоторых мужчин среднего возраста, характеризующийся покупкой спортивного автомобиля и встречами с совсем молодыми девушками» [Там же]. *Digital detox* – время, которое человек посвящает реальному, а не виртуальному миру. **Deutsch** – *Fremdschämen* – стыдиться иностранцев. **Svenska** – *Vantare* – иностранный гражданин, ожидающий получения вида на жительство. [6]. *Marginalisering* – маргинализация.

9. Еда, рестораны

English – Франкен-фуд (*Frankenfood*) – «еда, приготовленная из генетически модифицированных продуктов» [4]. *Schmeat* – «синтетическое мясо», ненатуральное мясо. **Deutsch** – *Raucher kneipe* – паб для курящих. **Svenska** – *Mackeria* – бутербродная. *Kebaberia* – закусочная.

10. Новые необычные названия обычных предметов / явлений

English – *Froday* – день, когда откладывать поход к парикмахеру уже нельзя. *iFinger* – «палец, который оставляют чистым для того, чтобы можно было продолжать пользоваться смартфоном или планшетом, не запачкав его» [Там же]. *Absurdistan* – «Абсурдистан, слово, которым обозначается любая страна, в которой происходит что-то нелепое, абсурдное» [Там же]. **Deutsch** – *Enkeltrick* – уловка внука. **Svenska** – *Svininfluensa* – «свиной грипп» [6]. *Fardbevis* – «проездной документ» [Там же]. *Nollatta* – житель Стокгольма. *Teleskopord* – баул, дорожная сумка.

В типологию неологизмов в германских языках также вошли медицинские термины, слова, связанные с работой и финансами.

Типология неологизмов в германских языках выявила пласт лексики, который с разных сторон характеризует современного жителя мегаполиса, его страсти к инновационным гаджетам. Быстро изменяющийся мир, увеличение темпа жизни, в котором живут и работают современные европейцы, способствуют появлению названий социальных явлений, точно и полно отражающих как проблемы, с которыми сталкиваются люди, так и стиль их жизни, например: *cinematherapy, oprahization, perfectionist paralysis, I'm not gay seat, Christmas creep, proletarian drift*.

Контент выявленных неологизмов в современных германских языках, их типология позволяет обобщить данные и сформулировать их в виде следующих тезисов.

1. Шведский и немецкий языки находится под сильным влиянием английского языка, о чем свидетельствует наличие новой лексики практически во всех сферах жизни. Процесс глобализации общества играет в данном контексте значительную роль.
2. Возросшее количество террористических актов в мире за последние двадцать лет,

резонансные политические события, войны вызывают беспокойство не только силовых и правительственных структур, но и обычных граждан. Реакция общественности, СМИ на действия вооружённых структур и террористов порождает публицистические тексты, в том числе и электронные медиатексты, в которых появляются новые дефиниции социальных явлений. Причем «интенсивное использование социальных сетей порождает огромное количество текстов: блоги, бизнес-сети, комментарии, интернет-форумы и др.» [2, с. 129]. Неологизмы, случайно высказанные интернет-аудиторией в социальных сетях, блогах, становятся достоянием многомиллионной аудитории и очень быстро входят в обиход простого обывателя. Примерами таких слов могут служить: *terror-resa* (шв.), *perspektivagent*, *Einsaterist* (нем.), *egocasting*, *shoclog* (англ.), *skimming / skimming* (шв.), *Taliban and Al-Qaeda* (англ.), *Groko* (нем.), *fake news* (англ.) и др. 3. Анализ неологизмов, описывающих современного европейца и социальные явления, свидетелями которых мы являемся, вскрывают проблемы крупных городов, предпочтения их жителей и др. Примеры: *Schläfer* (нем.), *driving the bus*, *conversational Puma*, *technosexual* (англ.), *downshiftare* (шв.), *hatriotism*, *presenteeism*, *digital detox*, *Me time* (англ.). 4. В эпоху IT-технологий, новых гаджетов пожилым европейцам трудно осваивать их, в отличие от внуков, которые не мыслят своей жизни без планшетов и сотовых телефонов. Помощь технически подкованных детей пожилым родственникам в освоении новых гаджетов теперь называется *child supervision* (англ.). 5. Общеизвестный факт, что люди не желают стареть, находит отражение в некоторых неологизмах, например: *grays on trays* (англ.) – великовозрастные сноубордисты; *menoporsche* (англ.) – *менопорш* – страх перед старостью у некоторых мужчин среднего возраста, характеризующийся покупкой спортивного автомобиля и встречами с молодыми девушками. 6. Появление и распространение неологизмов в речи в первую очередь обусловлено социолингвистическими факторами. 7. Язык перманентно обогащается новыми лексическими единицами, которые в течение короткого времени становятся общеупотребительными и понятными для большинства людей. Яркими примерами являются заимствования из английского *импичмент*, *саммит*, *дресс-код*, которые вошли в лексику русского языка совсем недавно, но не воспринимаются людьми как нечто новое, непонятное.

Список литературы

1. Анохина Т. О. Неологизмы в современных немецких интернет-ресурсах [Электронный ресурс] // Концепт. 2016. Т. 15. С. 691–695. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96048.htm>. (Дата обращения: 19.03.2018.)
2. Астапенко Е. В. Контент-анализ высказываний «All women are...» и «All men are...» в англоязычных электронных медиатекстах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 129–134.
3. Белка Ю. В. Неологизмы английского языка 2013–2014 года [Электронный ресурс] // Nauka-Rastudent.ru. 2014. URL: <http://nauka-rastudent.ru/5/1453/>. (Дата обращения: 29.03.2018.)
4. Выбирая выражения [Электронный ресурс]. Esquire, № 24, 2014. URL: <https://esquire.ru/archive/2196-coined-word/>. (Дата обращения: 28.03.2018.)
5. Гальцева А. А. Неологизмы XXI века [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. № 13. С. 21–25. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14652.htm>. (Дата обращения: 20.03.2018.)
6. Мокин И. В. Суффиксальное словопроизводство как продуктивный способ пополнения лексического состава современного шведского языка : автореф. дис. ...

- канд. филол. н. : 10.02.04. / И. В. Мокин ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 23 с.
7. Неологизмы в английском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.study.ru/support/lib/neologisms>. (Дата обращения: 18.03.2018.)
 8. Романенко О. В. Неологизмы немецкого языка в учебной литературе старшеклассников [Электронный ресурс] // *Universum: Филология и искусствоведение: электр. науч. журнал*. 2016. № 9 (31). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3686>. (Дата обращения: 15.02.2018.)
 9. Оксфордский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>. (Дата обращения: 14.03.2018.)
 10. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com>. (Дата обращения: 3.04.2018.)
 11. Макнаци. Кто это? [Электронный ресурс]. URL: <https://appleinsider.ru/analysis/mak-naci-kto-eto.html>. (Дата обращения: 5.04.2018.)

TYPOLOGY OF NEOLOGISMS IN MODERN GERMANIC LANGUAGES

¹E. V. Astapenko, ²Yu. N. Varzonin

Tver State University

¹*the Department of Foreign Languages for Human Sciences*

²*the Russian Language Department*

The typology of neologisms in modern Germanic languages is presented in the article. 13 types of new lexical units are identified, namely: the characteristics of a person and his external data; information technologies, television and mass media; tourism; crime; policy; finance; shopping; fashion trends; social phenomena, states, trends; food, restaurants; new unusual names of ordinary objects, phenomena; medicine; job. The evaluation of neologisms is given, as well as the reasons for their appearance and fixation in modern speech.

Keywords: *neologisms, Germanic languages, English, German, Swedish.*

Об авторах:

АСТАПЕНКО Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: elenastap@gmail.com.

ВАРЗОНИН Юрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yunvarzonin@gmail.com.

About the authors:

ASTAPENKO Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages for Human Sciences, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Elenastap@gmail.com.

VARZONIN Yuri Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: yunvarzonin@gmail.com.

УДК 81'22

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИСТАВОК *ИНТЕР-* И *ТРАНС-*)

¹В. В. Волков, ²Н. В. Волкова, ³С. И. Тогоева

Тверской государственный университет

¹кафедра русского языка

²кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

³кафедра регионоведения

В ряде образований с приставками *интер-* и *транс-* просматривается скрытая манипулятивная установка на формирование новых семантических сфер, основывающихся на морфосемах 'между' и 'через / сквозь', которые далее трансформируются в представление о наличии пространства *вне* устойчивых границ, разделяющих отдельные сферы человеческого существования (в частности, национальные и гендерные); это искусственно сконструированное пространство имплицитно предлагается воспринимать как содержательное, но в действительности оно синонимизируется с *ничто*; истинное содержание этого *ничто* оказывается за пределами внимания реципиентов, восприятие которых центрируется на манипулятивно привлекательном феномене выхода за грань обыденного, не связано с осознанием опасности такого выхода.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная игра, филологическая герменевтика, морфосемантика, манипуляция сознанием, интернационализм, глобализм, транссексуал, трансгендер.

Язык дает самые разнообразные возможности для когнитивной игры, в том числе – и чаще всего – для игры, выходящей за пределы собственно игры как «целесообразности без цели» (так Кант о красоте: «*Красота* – это форма *целесообразности* предмета, поскольку она воспринимается в нем *без представления о цели*» [2, с. 240]) в мир реального, где игра входит в «сферу серьезного», облакается не виртуальными, а реальными причинами, целями и следствиями. В рамках лингвокогнитивной игры в словах и других языковых и речевых явлениях оказывается опредмеченным, с одной стороны, не то, что есть, но что лишь «мнится», с другой стороны, то, что может – через вещность слова – обрести и бытийную плотность, вполне реальные сознательные и бессознательные установки, поступки, события.

Лингвокогнитивная игра, с одной стороны, оказывается отображением, средством языкового опредмечивания каких-либо объективных явлений и процессов, с другой – основой этих явлений и процессов, подобно тому как язык в целом, с одной стороны, отражает реальность, с другой – информационно модулирует, творит ее. Опредмеченные языковыми средствами результаты когнитивной игры если не рекламируются, то, во всяком случае, прокламируются – «провозглашаются» и тем самым продвигаются в индивидуальное, групповое и общественное сознание, выступают как неявное манипулятивное средство. Просто и точно, с

явной аллюзией на учение Платона об идеях, насыщенных особыми энергиями, об этом писал в своем «Журнале» лермонтовский Печорин: «...идеи – создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует...» [4, с. 540]. Об одном из таких лингвокогнитивных средств, незаметных для невдумчивого восприятия, скрытых в морфосемантических явлениях и потому особенно эффективных для труднораспознаваемой манипуляции сознанием, и идет речь в данной работе.

Производные слова (узуальные, давно бытующие в языке, и новые – как общеупотребительные, так и сравнительно редкие, в том числе термины различных наук) с приставками *интер-* и *транс-* по степени прозрачности внутренней формы, способу их существования в языковом сознании, а затем по эвристическому и «манипулятивному» потенциалам существенно различаются.

Основной исследовательский прием, который далее нами используется, целесообразно именовать *реэтимологизацией* – ««оживлением» в языковом сознании ... синхронической и этимологической внутренней формы лексемы» [3, с. 61].

В качестве примера «реэтимологизационного» подхода к материалу, вскрывающего специфическую многозначность морфемы *интер-*, в значении которой в качестве взаимосвязанных выступают семы ‘между’ и ‘внутри / внутри’, назовем *интерес* – существительное, выпадающее из ряда приставочных образований, поскольку морфема *интер-* в данном случае выступает в качестве корневой. Современное русское сущ. *интерес* в результате опрощения воспринимается как нечленимое, его основное значение представляется очевидным и простым («особое внимание к чему-л., желание вникнуть в суть, узнать, понять»), однако обращение к семантическому этимону выявляет небезынтересные лингвогерменевтические нюансы. Лат. *interesse* ‘быть (посреди), находиться (между); присутствовать, участвовать’ – от *inter* ‘между’ + *esse* ‘быть, существовать; происходить, совершаться’. Следовательно, буквальная калька – «междусущий», возможное дальнейшее герменевтическое прочтение *интереса* – «не мотивированное утилитарными либо корыстными соображениями желание искать нечто, скрытое *между* очевидными вещами». Наличие периферийной, но существенной семы ‘бескорыстие’ косвенно подтверждается коннотативной энантиосемией потенциально мелиоративного *неутилитарного интереса* с потенциально пейоративным производным *интересант* («тот, кто руководствуется *личным интересом*, расчётом, корыстью, выгодой»). Сема ‘искать *между*’ в случае с *интересант* контаминирует с ‘втягивать *внутри*’ (своего корыстного жизненного мира). Аналогично с глаголом *интересничать*: ‘стараться вызвать к себе *интерес*’, втянуть *внутри* круга своих интересов, подчинить интерес другого своему собственному.

Заметим, кстати, что в этимологической внутренней форме существительного *реклама* (< фр. *reclame* – из лат. *reclamare* ‘громко возражать, шумно протестовать; громко выкрикивать, звать’ < *re*... ‘назад; еще раз’ + *clamare* ‘кричать, выкрикивать, восклицать’ > громогласно звать, призывать; провозглашать, объявлять’) также усматривается сема ‘вовлечение *внутри* (корыстных интересов субъекта рекламы)’, поскольку в префиксе *re-* вторичное усилительное значение оказывается в контаминации с этимологически исходным значением обратного действия (‘назад, к себе’), как в *реабилитация*, *реанимация*, *реставрация* и т. п. Скрытая или даже явная манипулятивная направленность рекламы, связанная с нацеленностью на управление поведением потребителя, таким образом, усматривается уже в самом сущ. *реклама*,

если всмотреться в него с позиций морфематической ретимологизации. *Интерес*, который призвано вызвать у реципиента рекламное сообщение, оказывается связанным не только с семой 'между' (предметом потребления и покупателем / потребителем), но и с семой 'внутри' (неявное, по существу манипулятивное вовлечение покупателя / потребителя *внутри* интересов субъекта рекламного сообщения – производителя, посредника и т. п.).

Так лингвогерменевтическое прочтение лексемы *интерес* оказывается морфосемантическим «ключиком» не только к выявлению специфических смыслов, скрытых в этой лексеме, но и к специфике межличностного взаимодействия в рамках различных социальных сфер, в частности, «ключиком» к феномену *продвижения* товаров и услуг на рынке (маркетологический термин – *продажи*), которое в другой проекции оказывается *вовлечением* в их потребление; к педагогической деятельности, где пробуждение *интереса* также служит задаче *вовлечения* обучающихся в предмет освоения, независимо от истинных интересов и склонностей ученика, и т. д.

Наложение и/или (неявная) взаимозамена семантических компонентов 'между' и 'внутри / внутри' с доминированием последнего усматривается во многих реальных феноменах, опредмечиваемых производными с *интер-* в качестве корневой или префиксальной морфемы. С полной очевидностью сема 'внутри / внутри' усматривается во многих словах с *интер-* (ср., например: *интервенция, интернат, интернатура, интернировать, интерьер* и их производные), в том числе в таких, которые обнаруживают, с одной стороны, свойства эвристической неманипулятивной когнитивной игры (новые слова в их взаимосвязи с новыми смыслами, идеями, видами деятельности), с другой стороны, свойства нацеленности на манипуляцию сознанием как такой вид когнитивного воздействия, который нацелен на подчинение сознания и поведения реципиента (объекта манипуляции) целям субъекта манипуляции.

Эвристическая неманипулятивная лингвокогнитивная игра, связанная с морфосемантическими эвристиками как средствами обнаружения нового знания, может быть усмотрена, например, в недавних филологических и семиотических терминах *интердискурс / интердискурсивность, интериконичность, интермедиальность, интертекст / интертекстуальность* и т. п., характерная черта которых – когнитивные установки не только / не столько на выявление *связей между* разными дискурсами или образами, но и / сколько на поиск нового, находящегося «между», а именно – *внутри* меж-дискурсивного, меж-образного, меж-текстового пространства. Контаминация сем 'между' и 'внутри / внутри' в случаях такого типа может быть однословно охарактеризована как 'взаимосвязь / взаимодействие', далее интерпретирована как наложение смежных семантических полей, приводящих к формированию нового, относительно самостоятельного субполя, что весьма наглядно, например, в случае прилагательного *интердисциплинарный (междисциплинарный)*, которое явно связано с установкой на выявление и формирование новых областей знания на стыке наук (*междисциплинарное знание*).

Поэтому *интердискурсивность* – не просто и не только взаимодействие, наложение разных дискурсов, вербальных и невербальных, но и некое «пространство наложения», например: *компьютерный интердискурс* – это и словесное общение людей на компьютерные темы, включая профессионально-терминологическое и жаргонное, и внесловесное общение пользователя с компьютером, которое может быть описано некоторыми предложениями, но может протекать и вне словесно-

го оформления (типа *посмотрел – увидел – сделал*, как в компьютерных играх); молодежные субкультуры тоже складываются как интердискурсивные явления, в рамках которых показатели «свой – чужой» носят и вербальный, и невербальный характер (помимо специфических речений и прецедентных для данной субкультуры текстов, это и одежда, макияж, жестика, мимика, особые места встреч – «тусовок» и т. д.).

Интертекст и далее *интертекстуальность* – не просто «подборка цитат» на одну тему из разных источников, скрытое или явное цитирование как средство связи разных текстов / фрагментов, но особое, самостоятельное явление – неавтономное (внутри более крупного) или автономное. Например, словарь афоризмов – принципиально иной (интертекстуальный) феномен, чем отдельно взятые афоризмы, это инотекстовое по отношению к своим источникам отображение совокупной мудрости как целостности, находящееся по отношению к источникам в совершенно иной жанрово-типологической плоскости. Библейские интертекстуальные аллюзии в современных секулярных текстах связаны с особой ситуацией, особым семантическим полем слиянности сакрального и секулярного, с (частичной) десакрализацией религиозного и сакрализацией секулярного, ср.: *Не убий* в этом совокупном семантическом пространстве не значит «не убивай вообще никого никогда», но «не убивай из личной прихоти, не согласуясь с волей Творца и/или с государственной военной необходимостью, с целями защиты близких и т. п.»); *Господь* – не только Бог Отец, «Вседержитель, Творец неба и земли, видимых же всех и невидимых», как в Символе веры, но и всеприсутствующий Дух Святой, проникающий всё вокруг меня и даже меня самого.

Интермедийность – не просто «перекодирование информации на основе ее перевода из одной сенсорной модальности в другую» [1, с. 138], но реализация установки на совмещение в пределах одного текста культурных кодов, основывающихся на разных модальностях, в целях достижения синергетического эффекта, втягивание исходных феноменов *внутри* иной, новой семиотической реальности; *интериконичность* – не просто «визуализованная интертекстуальность», но, как в случае с оперой или балетом, синергия – «совместнодействие» визуальных образов *внутри* совершенно особенной эстетической реальности, для которой в некотором условном экстремальном случае не нужно никакое либретто как словесное опредмечивание ее содержания.

Манипулятивная нацеленность прежде всего должна быть усмотрена в *интернационал / интернациональный* и их производных (типа *интернационализм, интернационалист*). Различные мифологемы «светлого будущего», как правило, включают утопическое представление о преодолении *раздора* между людьми, народами, государствами (по Пушкину: «...Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся»); одна из таких мифологем центрируется на прилагательном *интернациональный* с его базовой идеей единения наций на основе их мирного взаимодействия.

Внешне, на невдумчивый взгляд, в *интернациональный* и родственных ему наличествует только одна морфосема – ‘между’, что более явно в русифицированном варианте *межнациональный*. Однако если в этом русифицированном варианте, а тем более в аналогичном ему *международный* именно семантический компонент ‘связь между’ (народами, нациями) является единственно актуальным, то *интернациональный* – дело иное (закономерно словосочетание *международные отношения* не синонимизируется с сомнительным по корректности «интернациональные

отношения»). *Интернационализм* как идеологическое и политическое явление, в соответствии со вторичным значением префикса *интер-* ‘внутри / внутри’, предполагает вовлечение *наций* в некое особое *интер-*пространство *между* ними, в котором (*внутри* которого) своеобразия каждой нации оказывается нейтрализованным, как в космической черной дыре исчезает различие между отдельными химическими элементами, которые «нейтрализуются» в супраэлементарных частицах. Идея *интернационализма* как мирного единения наций, таким образом, оказывается манипулятивным средством вовлечения *внутри* глобальной вненациональной «черной дыры», составляющие которой лишены своеобразия, собственной аутоидентичности, то есть средством вовлечения в процессы национального распада до элементарных человеко- и социо-частиц некоего глобального целого.

Интернационализм, преподносившийся как идея единства различного, в свое время активно эксплуатировался коммунистической идеологией в целях сделать весь мир одноликим «коммунистическим раем», на деле же – *Pax Sovietica*, «Советским миром», «миром по-советски, по-коммунистически». С завершением Холодной войны 1946–1991 гг. на мировой арене единственно доминантной оказывается семантически изоморфная *интернационализму* идея *транснационализма* и *глобализма*, нацеленная на создание одноликого *Pax Americana* – «Американского мира», «мира по-американски», с нивелировкой не под коммунистическую, а под *глобалистскую* идеологию.

Семантически ключевая приставка в прилагательном *транснациональный* – *транс-*, ближайшие русские аналоги – предлог *сквозь* с доминантной семой ‘пронзить / пронизать’ (движение через *внутреннюю* часть чего-л.), предлог и приставка *через* с доминантной семой ‘пересечь / пересекать’ (движение через *внешние* границы чего-л.). Основное значение латинского этимона *trans* ‘сквозь, через’ ассоциируется с *внешними* границами, соотносится прежде всего с рус. *через*; в современном русском словоупотреблении префикс *транс-* развивает ряд частных словообразовательных значений, актуализация которых определяется спецификой внутрисловного контекста, ср.: 1) «движение через какое-л. пространство, пересечение его»: *трансарктический*, *трансмутация* (пространственная динамика) 2) «следование, расположение за чем-л., по ту сторону чего-л.»: *трансальпийский* (пространственная статика); 3) «передача через посредство чего-л.»: *транскрипция*, *транслитерация* (пространственная метафора, отсылающая к представлениям о передаче информации). На этой языковой базе в конкретных производных могут появляться разнообразные семантические приращения с потенциальными эмоционально-оценочными смыслами как мелиоративного, так и пейоративного характера – в зависимости от условий общения и интенциональных установок говорящего / пишущего.

В *транснациональный* значение ‘сквозь, через’ и производное ‘дальше’ развиваются во ‘вне’ (*транснациональный* = «вненациональный»). *Интернационализм* в современном *транснационализме* и *глобализме* более радикален, основывается на идее насильственного единообразия («уединоображивания») и «управления миром» из единого центра, далее трансформируется в сугубо деловой политический вопрос о конкретных субъектах управления и «мировом правительстве», подчиняющем своим решениям абсолютно всех абсолютно любыми методами. Этот вопрос из представляющейся чаще всего полуфантастической «теории заговора», якобы пригодной лишь для конспирологии как паранауки и ее сторонников как потенциальных параноиков, движимых бредом преследования, превращается в кошмарную

реальность очередной мировой войны – точнее, «мировойны» [5], в рамках которой состояние мира неотличимо от состояния войны. Данная ситуация опредмечивается в лексемах *транснациональный / транснационализм* и *глобальный / глобализм*, оценочная окраска которых в восприятии различных социальных групп колеблется от безусловного приятия до безусловного неприятия, результирует в мелиоративные и пейоративные оценочные реакции.

Налицо подмена понятий на основе морфосемантической лингвокогнитивной «игры», вышедшей в сферу «очень серьезного». *Транснациональный* (морфематически *транс-наци-ональн-ый*) непосредственно воспринимается как «связанный с преодолением национальных границ в целях сотрудничества наций», ключевой элемент в этом толковании – существительное *со-трудничество*, в логике приставки *со-* (значение совместности) предполагающее равноправную совместную деятельность в интересах всех участвующих сторон. Скрытая сема – «сверх», что выявляется в русском варианте *над-национальный*, то есть стоящий «над» отдельными нациями, «поверх» отдельных наций. Отсюда вопрос: *кто-что* оказывается «над» совместно действующими нациями, обеспечивая целевую направленность их взаимодействия? И как иерархизируются цели, с одной стороны, отдельных наций, с другой стороны, цели того / тех, кто-что стоит (присваивает себе право стоять) *над* отдельными нациями? В приоритете, естественно, интересы того / тех, кто контролирует совместную деятельность, то есть оказывается «над» отдельными нациями.

Заметим, кстати, что в ключевом для прокоммунистического *интернационализма* лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» скрыта интенциональность, изоморфная современному атлантическому *транснационализму*: «соединяйтесь» – под *чьим* руководством / «крылом», ради *чьих* интересов? «Соединиться» сами по себе «пролетарии» не могут, – нужна направляющая и руководящая, организующая сила. Семантическая связь рассматриваемых лексем, манипулятивно программирующих сознание реципиентов на движение к «прекрасному новому миру» без национально-своеобразных лиц, может быть компактно отображена в каузально-темпоральной цепочке *интернациональный* → *транснациональный* → *глобальный*, временная развертка которой устремлена к *глобализации* как конечной задаче.

Глобализация в опорной для нас лингвогерменевтической логике может быть квазисинонимизирована с социально-политической и культурной *трансмутацией* национального, с его движением за свои собственные границы в нечто иное, а именно – в национальное *ничто*. Такая трансмутация – не *превращение / преобразование* исходного национального в иное национальное (ср. в алхимии: трансмутация свинца в золото – другой, но все-таки химический элемент), но *исчезновение / растворение* индивидуально-национального в примитивно-однообразном, предельно упрощенном, глобально-безликом, как безлик, тождествен *ничто* манекен – несмотря на внешнее сходство с живым человеком.

В данном случае манипулятивный манок (у охотников, рыбаков – искусственная приманка, имитирующая живое и ценное) глобализации как трансмутации – превращения национального во вненациональное – эксплуатирует присущее человеку стремление к преодолению границ.

Это же стремление составляет манипулятивную основу явлений, нацеленных на стирание половых («гендерных») различий, которые фиксируются отдельными лексемами и целыми морфемными гнездами, выстраивающимися в каузально-темпоральную последовательность: 1) от связанного преимущественно

с игровым поведением *трансвестит* (синонимы: спец. *трансверт* и разг. *транс*) – «человек с нестандартной сексуальной ориентацией, проявляющейся в стремлении иметь внешность и манеры, носить одежду противоположного пола» [6, с. 994]; 2) к утрачивающему в условиях ультралиберальной идеологии черты медицинского диагноза, начинающему восприниматься лишь как личностная особенность *транссексуал* (*транссексуализм, транссексуальный*) – в первом значении «человек, ощущающий себя существом противоположного пола»; 3) наконец, к *транссексуал* (*транссексуализм, транссексуальный*) во втором значении «человек, изменивший свой пол путем хирургической операции» [Там же, с. 995]. Манипулятивность в данном случае основывается на смене оценочно-стилистической парадигмы: из медицинского термина, фиксирующего редкую особенность половой самоидентификации, присущую лишь некоторым, очень немногим людям, *транссексуал* (и совсем новое *трансгендер*) превращается в общеупотребительное слово, однако при этом не просто детерминологизируется в стилистически нейтральное, но в глазах ультралиберально настроенной части населения обретает мелиоративную окраску, связанную с модной семой 'круто'. При этом оказывается незамечаемым, что *трансгендерность* – не «преодоление границ своего биологического пола», как побуждает думать внутренняя форма этого новообразования, но выход за границы человеческого существа – в ничто, в *бес-полость*, бесполоую пустоту (онтологическое *ничто*), истинный смысл целенаправленного (движимого некоей скрытой от непосредственного наблюдения волей) формирования которой оказывается за пределами внимания тех, кто, не распознавая манипулятивной природы данного явления, принимает его как должное.

Таким образом, в ряде образований с приставками *интер-* и *транс-* просматривается скрытая манипулятивная установка на формирование новых семантических сфер, основывающихся на морфосемах 'между' и 'через / сквозь', которые далее трансформируются в представление о наличии пространства *вне* устойчивых границ, разделяющих отдельные сферы человеческого существования (в частности, национальные и гендерные); это искусственно сконструированное пространство имплицитно предлагается воспринимать как содержательное, но в действительности оно синонимизируется с *ничто*; истинное содержание этого *ничто* оказывается за пределами внимания реципиентов, восприятие которых центрируется на манипулятивно привлекательном феномене выхода за грань обыденного, не связано с осознанием опасности такого выхода.

Список литературы

1. Волков В. В. Интермедиальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135–142.
2. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. 564 с.
3. Кушнир О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX–XXI вв.: вопросы динамической лингвоконцептологии: монография. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 347 с.
4. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 704 с.
5. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / Сост. Е. С. Ларина, В. С. Овчинский. М.: Книжный мир, 2015. 416 с.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

**LINGVO-COGNITIVE GAME AS THE MEANS
OF MANIPULATIVE PROGRAMMING
(ON THE MATERIAL OF PREFIXES *INTER-* AND *TRANS-*)**

¹V. V. Volkov, ²N. V. Volkova, ³S. I. Togueva

Tver State University

¹*Department of the Russian Language*

²*Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation*

³*Department of Regional Studies*

A number of lexical complexes with prefixes *inter-* and *trans-* reveal a hidden manipulative bias, which aims at forming new semantic spheres, similar to those based on morpho-semes 'between' and 'across / through', with the former's further transformation into a notion of a certain space existing without and beyond any stable boundaries, which in ordinary perception segregate separate spheres of human existence (national and gender, in particular). This artificially constructed space is implied as bearing some significance, while in reality it can be identified with *nothingness* whose real meaning falls beyond the scope of recipients' perception, who, in their turn, focus their attention on the ever-attractive, though produced by manipulation, phenomenon of transcending the boundaries of the ordinary and commonplace, unaware of how dangerous this transcendation may in reality be.

Keywords: *cognitive linguistics, cognitive game, philological hermeneutics, morpho-semantics, mind manipulation, internationalism, globalism, transsexual, transgender.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volknat@mail.ru.

ТОГОЕВА Светлана Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: stogoeva@mail.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volknat@mail.ru.

TOGOEVA Svetlana Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Regional Studies, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: stogoeva@mail.ru.

УДК 81`374

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕАЛЬНОГО МИРА: НА МАТЕРИАЛЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

И. В. Гладиллина, Е. Г. Усовик

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье на основе материалов идеографического словаря окказионализмов М.Е. Салтыкова-Щедрина дается лингвистическое описание одной из особенностей философско-эстетической системы писателя – идеального мира (скрытой реальности). Определяются языковые механизмы его конструирования, среди которых выделяются такие приемы, как наличие идеографических лакун и различный количественный состав групп при сопоставлении лексикографической фиксации идеального мира и конкретной реальности, использование приставочного способа при создании отрицательной формы логического суждения и сложения при построении оксюморона и антитезы на основе антонимичной семантики компонентов сложных слов.

Ключевые слова: *идеографическая группа, окказионализм, семантика, поэтика.*

В настоящей статье мы продолжаем исследование особенностей философско-эстетической системы М.Е. Салтыкова-Щедрина на основе анализа его окказиональных образований. В предыдущих работах [1; 2] мы отмечали наличие в ней двух реальностей – скрытой, представляющей собой воплощение идеальных представлений писателя о жизни, в которой добро и истина являются высшими ценностями, и обыденной («перевернутый мир»), в которой превалирует рутинная обывательского существования, основанная на отсутствии нравственных ориентиров и обмане.

Наиболее интересным, на наш взгляд, является языковое конструирование идеала: насколько его описание автором соответствует стереотипным представлениям о форме идеального мира. Любая форма бытия, метафизическая / физическая, идеальная / реальная, должна иметь набор сингулярий – единичных объектов, организующих его пространство. В этой функции выступает существительное. Но у Салтыкова-Щедрина его нет, а зафиксировано только два аппозитивных сочетания: «обличительница-совесть» как экзистенция, веха, из которой рождается идеальный мир, и «смерть-избавительница», которая номинирует желаемый финал жизни человека в «сонно-фантастическом мире» [4, т. 8, с. 403], осознавшего себя как личность, всю преступность своего существования, находящегося в конфликте с должным (идеалом, кем он должен быть) и сущим (реальным, кто он есть), драматично переживающим непонимание окружающих, травлю с их стороны. Такой человек, например, ярко представлен в образе бедного волка из одноименной сказки:

«Именно проклятый. Ну, как-таки только затем жить, чтобы убивать и разбойничать? <...>

И начал он звать смерть. “Смерть! смерть! хоть бы ты освободила от меня зверей, мужиков и птиц! Хоть бы ты освободила меня от самого себя!” – день и ночь выл он, на небо глядячи. <...>

Наконец смерть сжалилась-таки над ним. <...> Лежит однажды волк в своем логове и слышит – зовут. Он встал и пошел. Видит: впереди путь мехами означен, а сзади и сбоку мужики за ним следят. Но он уже не пытался прорваться, а шел, опустив голову, навстречу смерти...

И вдруг его ударило прямо между глаз.

– Вот она... смерть-избавительница!» [Там же, т. 16(1), с. 43–44].

Само понятие совести связано с концепцией раздвоенности действительности как преломлением идеальной идеи в физическом мире. В обывательской жизни совесть не входит в систему нравственных ценностей общества: «Всякий швырял ее (совесть. – *И. Г., Е. У.*), как негодную ветошь, подальше от себя; всякий удивлялся, каким образом в благоустроенном городе, и на самом бойком месте, может валяться такое вопиющее безобразие» [Там же, с. 14]. Однако, по мысли автора, совесть – это то, что позволяет человеку не потерять себя, ее отсутствие низводит его до уровня деградации: «Совесть пропала вдруг... почти мгновенно! <...> Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение» [Там же].

В связи с этим неслучайно появление элемента «обличительница» в рассматриваемом аппозитивном сочетании. Именно совесть пробуждает в человеке самосознание, разоблачает ложность окружающей действительности и раскрывает настоящее, истинное положение человека. Когда один из персонажей сказочного цикла поднял с пола тряпицу-совесть, то «память без пощады извлекла из тьмы постыдного прошлого все подробности насилий, измен, сердечной вялости и неправд; воображение облекло эти подробности в живые формы. Затем сам собой проснулся суд... Жалкому пропойцу всё его прошлое кажется сплошным безобразным преступлением. Он не анализирует, не спрашивает, не соображает: он до того подавлен вставшею перед ним картиною его нравственного падения, что тот процесс самоосуждения, которому он добровольно подвергает себя, бьет его несравненно больнее и строже, нежели самый строгий людской суд» [Там же]. Поэтому идеальный мир писателя окрашен этически ценностно, в качестве сингулярий выступают именованья нравственных ценностей, и в этом его главная особенность.

Она же диктует и наличие идеографических лакун, а именно: отсутствие групп, входящих в зону социальных отношений «Социальные состояния и отношения, социальные устои, социальный уклад», хотя она чрезвычайно богато представлена в лексикографической рубрике «Обыденная действительность» словаря окказионализмов М. Е. Салтыкова-Щедрина (12 групп, 34 языковые единицы), и группы «Физические характеристики. Внешний облик». В разделе «Обыденная действительность» она представлена одной лексемой *человеко-медведь*, которая в идеологической стратегии творчества писателя, и в частности в сказке «Дикий помещик», номинирует степень нравственной деградации человека: одичавший помещик сочетает в себе черты человека и животного.

Бытийный контекст социальной жизни человека как отражение идеала находим лишь в идеографической зоне «Отношения в обществе. Моральные отношения. Моральные категории и состояния». Эта точка пересечения дает наиболее яркое представление о конструировании писателем положительного конца аксиологической шкалы – должного (имеем в виду контекстуальную антонимию: *обличительница-совесть – гиенство, гиенское, по-порочному*). Безусловно, экспликацией нравственных ценностей обыденной действительности является сущ. *гиенство*: «Ибо для того, чтобы оно (человеческое. – *И. Г., Е. У.*) восторжествовало, необходимо только одно: осветить сердца и умы сознанием, что “гиенство” вовсе не обладает

теми волшебными чарами, которые приписывают ему безумный и злой предрассудок» [Там же, т. 16(1), с. 197].

Добро и зло в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина воплощается в разнообразных художественных образах. В сказке «Гиена-оборотень» зло представлено в аллегорическом образе животного-хищника гиены, который олицетворяет собой социально-психологический тип деградировавшего человека.

Основу структуры лексического значения данной единицы составляют процессы приглушения узуальной денотации – соотносительность со свойствами реального животного – и формирования окказиональной референции, выступающей как общая денотативная отнесенность: *зло* – лексема с отвлеченным значением, а признаками денотата являются текстуальные характеристики зла – жестокость, античеловечность, агрессивность.

Две другие названные выше лексемы атрибутируют этическую систему «перевернутого мира»:

«“Человеческое” никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его “гиенское”, продолжало гореть [Там же];

«И не успели Добродетели опомниться, как у Лицемерия уж и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румяничек на щечках играет... девица, да и шабаш! – Ишь, дошла! ну, а по ихнему, по-порочному... как?

Но Лицемерие даже не ответило на этот вопрос. В один момент оно учинило нечто, ни для кого явственно не видимое, но до такой степени достоверное, что Прозорливство только сплюнуло: “Тьфу!”» [Там же, с. 48].

Этот же механизм – построение антитезы – мы наблюдаем и при соотносении аналогичных групп в ипостасях скрытого и обыденного, где нередко антонимия задается одним из компонентов сложного слова при повторении другого, как в группе «Интеллектуальное состояние. Образ мыслей. Мнение. Точка зрения»: «Необходимо, дабы между градоначальниками царствовало *единомыслие*. Чтобы они, так сказать, по всему лицу земли едиными устами. О вреде градоначальнического *многомыслия* распространюсь кратко [Там же, т. 8, с. 424] (здесь и далее курсив в цитатах наш. – И. Г., Е. У.).

В «Истории одного города» отмечено шесть словоупотреблений лексемы *многомыслие*, причем из них четыре раза в синтагме *градоначальническое многомыслие* как характеристика нежелательных действий административного лица. Значение окказионального слова – ‘наличие нескольких взглядов, оснований для произведения разных действий’ – реконструируется в контексте при сопоставлении с антонимом *единомыслие* (ср.: «**ЕДИНОМЫСЛИЕ**... Одинаковый образ мыслей в чем-л., согласие во взглядах» [6, с. 463]).

Сюда же примыкает окказионализм *единоначалие* как характеристика деятельности представителей власти («Бесспорно, что принцип *единоначалия* непрекаем; бесспорно, что власть единоличная, коль скоро она вручена лицам просвещенным и согреваемым святою ревностью к общественному благу <...> не только не приводит государств на край гибели, но даже полагает основание их несокрушимости» [4, т. 12, с. 77]) и окказионализм *многомысленный* из группы «Социальные устои. Закон»: «...город Глупов, по самой природе своей, есть, так сказать, область второзакония, для которой нет даже надобности в законах отяготительных и *многомысленных*» [Там же, т. 8, с. 360].

Группа «Действия, отражающие моральные качества человека»: «Крамольников думал-думал, и вдруг словно кольнуло его. “Отчего же, – говорил ему внутренний голос, – <...> ты не шел прямо и не *самоотвергался*?”» [Там же, т. 16(1), с. 205]

// «Откуда это *самошпионство, самоподслушивание, самонаушничество*, эти вечно гноящиеся триязывы, которые неустанно точат провинциала...» [Там же, т. 7, с. 198].

Группа «Моральное и эмоциональное состояние».

Страдалица-мать – персонаж сказки «Деревенский пожар», женщина, потерявшая в огне ребенка, испытывающая подлинно глубокое чувство страдания, в отличие от мнимого сочувствия Верочки и ее матери – поместных дворян.

Пустоутробие: «Природа благосклонна; люди – злее. Природа не допускает строго последовательного *пустоутробия*; люди, напротив, слишком охотно настаивают на этой последовательности. Если б природа хотела быть до конца жестокою, она награждала бы живых людишек тем же идиотским упорством побуждений и движений, каким награждает Изуверов своих деревянных людишек» [Там же, т. 16(1), с. 116]. Лексема *пустоутробие* зафиксирована в сказке «Игрушечного дела людишки», основной мотив которой – мотив кукольности – представляет убеждение Салтыкова-Щедрина в том, что требование беспрекословного повиновения парализует человеческую волю, превращая людей в механизмы. Кукла – синоним античеловечности, бездушия, поэтому *пустоутробие* – место неживое, мертвое, ненастоящее – свойственно кукле или человеку, превратившемуся в нее (ср. в словаре В.И. Даля: *благоутробие* – «доброта сердца, милосердие, благодушие» [3, т. 1, с. 95]).

Интересно, что и один из атрибутов морального состояния человека представлен оксюмороном *скромно-честолюбивый*: «А купец Воротилов точно подслушал его *скромно-честолюбивое* вожеление: под самый Трезоркин праздник купил совсем новую, на диво выкованную цепь и сюрпризом приклепал ее к Трезоркину ошейнику. “Лай, Трезорка, лай!”» [4, т. 16(1), с. 134].

Другим языковым механизмом конструирования идеального мира является образование окказионализмов с префиксами *не-*, *анти-* с отрицательным значением, что создает форму отрицательного логического суждения «S не есть P».

Группа «Черты характера, отражающие отношение человека к себе».

Не-ревизский: «Крамольников торопливо ощупал себя <...> в качестве ревизской души, он существует в том же самом виде, как и вчера. <...> И за всем тем для него не подлежало сомнению, что его нет. Нет того *не-ревизского* (курсив Салтыкова-Щедрина. – И. Г., Е. У.) Крамольникова, каким он осознавал себя накануне. <...> У него отнято главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала возможность огнем зажигать сердца других» [Там же, с. 198]. В образе Крамольникова писатель отмечает выламывающиеся из обыденной, привычной действительности единичные феномены в осознании человеком себя, в результате чего появляется *не-ревизский* человек, служащий высоким общественным задачам, который, правда, быстро разрушается властью.

Группа «Черты характера, отражающие нравственную сущность человека».

Неподлежащее: «Как тут остановить наплыв “лишнего” в партикулярном мире, когда и сноси собственной цитадели, куда ни вскинь глазами, – везде лишнее да *неподлежащее* так и хлещет через край!» [Там же, с. 64]. *Неподлежащее* является контекстуальным синонимом *лишнего*, характеризует определенную жизненную позицию. Например, после того как *воблушку* провялили на солнце, она радуется: «– Как это хорошо, – говорила вяленая вобла, – что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести – ничего такого не будет! Всё у меня лишнее выветрили, вычистили и вывялили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!» [Там же, с. 62–63].

Таким образом, под *лишним* и *неподлежащим* писатель подразумевает активную жизненную позицию человека, в первую очередь осознание им себя как личности, что влечет за собой стремление быть свободным, неугнетенным господствующей моралью и идеологией всеобщей государственной благонамеренности и благонадежности.

Группа «Речевые акты, не прикрепленные к официальной или специальной сфере». Окказиональные лексемы *антибред*, *антибредить*, *антибрести*:

«Подумайте, милая! Сегодня Дыба покажет, где раки зимуют, завтра – куда Макар телят не гонял, послезавтра – куда ворон костей не заносил, а в заключение объяснит, как Кузькину мать зовут! Вот сколько наук! <...>

Стало быть, во всем должна быть мера, милая тетенька. Мера – в парении чувств и мыслей и мера – в предательстве. Так что ежели который человек всю жизнь “брехал”, а потом, по обстоятельствам, нашел более выгодным “*антибредить*”, то пускай он не прекращает своего бреда сразу, а сначала пускай потише бредит, потом еще потише, и еще, и еще, и, наконец – молчок! Тогда он уж бесстрашно может, на всей своей воле, *антибредом* заняться, и все будут говорить: “Из какого укромного места этот безвестный рыбарь явился? что-то мы его как будто прежде не замечали!” А между тем – он самый и есть!» [Там же, т. 14, с. 254, 256–257].

Данные лексемы, зафиксированные в «Письмах к тетеньке», складываются в антонимические пары *бред* – *антибред*, *бредит* – *антибредит*, *брести* – *антибрести*, в которых первые компоненты в контексте произведения являются семантическими окказионализмами – скрипторами «обыденной действительности»: *бредит* – «думать или говорить о тривиальном, общеизвестном, выдавая его за истинные знания»; *бред* – «о чем-либо банальном, обыденном»; *брести* – «рассуждения о тривиальном». При сопоставлении с языковыми значениями данных лексем – «говорить бессвязно и непонятно», «бессмысленная речь, несуразное», «фантастические, нелепые, странные мысли или речи» [5, с. 114] – можно наблюдать, как их коннотации создают семантическую полифонию, одновременно нивелируясь (оценка обывателя, человека «обыденной действительности») и приобретаемая крайне отрицательные характеристики (оценка автора и человека «скрытой реальности»). Таким образом, щедринские окказионализмы реализуют в контексте положительные коннотации.

Список литературы

1. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. С. Салтыкова-Щедрина). Статья 1 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 122–129.
2. Гладилина И. В., Усовик Е. Г. Опыт конструирования идеографического словаря окказионализмов (на материале произведений М. С. Салтыкова-Щедрина). Статья 2 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 122–133.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1. М.: Рус. яз. 1986. 736 с.

**LANGUAGE TOOLS OF CONSTRUCTING THE IDEAL WORLD:
ON THE MATERIALS OF THE M.E. SALTYKHOV-SCHEDRIN'S
IDEOGRAPHIC DICTIONARY OF OCCASIONALISMS**

I. V. Gladilina, E. G. Usovick

Tver State University
the Russian Language Department

Based on the materials of M. E. Saltykhov-Schedrin's ideographic dictionary of occasionalisms, the article gives the linguistic description of one of the properties characterizing the writer's philosophic-aesthetical system – the ideal world (hidden reality). The authors identify the language tools employed in latter's construction, among which there are such means as the presence of ideographic lacunae and quantitatively different composition of various groups becoming evident if one compares the lexicographic fixation of the ideal world, on the one hand, and the real world, on the other; the use of prefixes in the creation of the negative form of logical propositions, as well as the use of composition in constructing oxymorons and antitheses on the basis of antonymous semantics if compound words' components.

Keywords: *ideographic group, occasionalism, semantics, poetics.*

Об авторах:

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

УСОВИК Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.

About the authors:

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

USOVIK Elena Grigorevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: elena_usovik@mail.ru.

УДК 81'282

**ТВЕРСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ГОРДОГО ЧЕЛОВЕКА
(СЕМАНТИЧЕСКИЙ И МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ)**

Н. Ю. Грибовская

Военная академия воздушно-космической обороны
кафедра русского языка

Статья посвящена тверской диалектной лексике, характеризующей гордого человека. Результаты, полученные в ходе семантического и мотивационного анализа лексико-семантического микрополя «Гордый», отражают представления носителей диалекта о данном человеческом качестве.

Ключевые слова: *русская диалектная лексика, тверские говоры, лексико-семантическое поле, гордый.*

Тверская область характеризуется сложностью лингвистического ландшафта, поскольку на ее территории функционируют севернорусские, южнорусские и среднерусские говоры, что является результатом сложного и длительного исторического процесса. Еще В.И. Даль отмечал, что «губерния Тверская, по говору, самая безобразная, пестрая и смешанная» [4, т. 1, с. LV]. Тверские говоры привлекали внимание исследователей с начала XIX века, и за более чем двухсотлетнюю историю их изучения были обследованы практически все районы области, собран богатый диалектный материал.

Диалектная лексика, собранная в диалектологических экспедициях в последние десятилетия, представляет особый интерес, поскольку позволяет рассмотреть тверские говоры в синхронном аспекте и оценить их современное состояние. Материалы этих экспедиций, хранящиеся в картотеке говоров Тверской области на кафедре русского языка филологического факультета Тверского государственного университета, вошли в «Тематический словарь говоров Тверской области», пять выпусков которого было подготовлено и издано с 2002 по 2006 год [12]. Современная диалектная лексика, собранная в районе бассейна озера Селигер, нашла отражение в выпусках словаря «Селигер: Материалы по русской диалектологии», продолжающемся издании [9]. Накопленный за последние десятилетия диалектный материал может стать уникальной базой для воссоздания современной региональной языковой картины мира.

Значительная часть собранной диалектной лексики относится к лексико-семантической сфере «Человек». Анализ лексики, характеризующей человека по его внешности, характеру и особенностям поведения, имеет особое значение, поскольку образ человека является центральным фрагментом языковой картины мира, в том числе диалектной. Одним из способов реконструкции фрагментов языковой картины мира является исследование лексико-семантических полей (полевой метод). Под лексико-семантическим полем (ЛСП) мы понимаем «совокупность лексических единиц, имеющих общность денотата или значения, связанные парадигматическими и ассоциативными отношениями, и имеющая специфическую структуру ядра-периферии» [6, с. 99]. Исследование ЛСП позволяет через лексические единицы приблизиться к единицам ментальным, увидеть специфику национального мировосприятия

на определенном временном отрезке. Структурная организация лексико-семантических полей, их количественный состав, зоны пересечения смежных полей, создаваемые многозначными лексемами, имеет не только национальную, но и региональную специфику. «Языковое богатство русских диалектов отражает различное видение говорящими окружающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениваться по-разному, что проявляется в разном количестве слов – названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей» [8, с. 105]. Анализ лексико-семантических полей в мотивационном аспекте также важен для реконструкции региональной картины мира, поскольку в разных говорах в основу номинаций могут быть положены различные мотивировочные признаки. Выявлению этих признаков и возможности с их помощью интерпретировать языковое сознание носителей языка посвящены работы многих исследователей, в частности О.И. Блиновой [1; 2], К.И. Демидовой [5], Т.И. Вендиной [3], С.М. Толстой [13].

В данной статье мы рассмотрим тверскую диалектную лексику, характеризующую гордого человека, и на основе семантического и мотивационного анализа одного из сегментов лексико-семантического поля «Человек» – микрополя «Гордый» – сделаем попытку реконструкции образа гордого человека в тверской региональной языковой картине мира.

В микрополе «Гордый» входит 21 лексическая единица: *выйный, вьяха, вьялеток, гордый, гърный, гмыра, гмыря, гмырастый, гмырястый, гордёна, гордёха, гóрдный, заверняй, кóпырза, купырза, кичень, купáва, лимóнник, некасáемый, скопысовáтый, харзйáстый, хозйáстый*. Ядерной лексемой и именем микрополя является литературная лексема *гордый*. В современном русском языке прилагательное *гордый* употребляется в энантисемичных с точки зрения оценки значениях. Положительная оценка содержится в значении ‘обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения’: *<Катя> вдруг почувствовала себя вдвойне счастливой: ее любимый был необычный человек, нет, он суровый, гордый и чистый. Казакевич, Звезда*. [11, т. 1, с. 332]. Противоположный оценочный компонент содержится в значении ‘считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный’: *Тетя входила к Вере и Чехов, В родном углу*. [Там же]. Оценочная энантисемия значений слова *гордый* обусловлена зыбкостью границ между чувством собственного достоинства, самоуважением и превозношением себя, преувеличением собственной значимости. О.А. Кузнецова, исследуя лексико-семантическое поле «Гордость» в русском языке, отмечает, что «анализ контекстов Национального корпуса русского языка последнего двадцатилетия показал, что лексемы *гордый, гордость, гордиться* в большинстве случаев выражают положительную оценку со стороны субъекта речи» [7, с. 10].

В тверских говорах большая часть лексем исследуемого микрополя содержит отрицательную оценку гордого человека: высокомерного, спесивого, зазнающегося, превозносящегося перед другими, самодовольного. С положительной оценкой прилагательное *гордый* обычно употребляется в свадебном дискурсе: *гордые гости* – родственники жениха или невесты на свадьбе. *Женихова родня на девишнике* – это зовут *гордые гости*, а *невестина родня* – *плаксивые гости*. *У нас родню жениха на свадьбе называют поержжане, а родню невесты – гордые гости* [12, с. 114]. Положительная оценка в структуре лексических значений единиц данного поля при характеристике человека в тверских говорах единична. Так, позитивное отношение к гордому человеку содержит диалектное прилагательное *гóрдный* – ‘с уважением к себе, гордый’ [9, вып. 1, с. 188]. Как показывает контекст, это ‘уважение к себе» может проявляться в отношении к своему внешнему виду, к одежде.

Я гордая, мне чтоб к каждому празднику платье. [Там же]. Связь между внешним видом и гордостью находит выражение в пересечении микрополей «Гордый» и «Красивый», образованном лексемой *купова*, имеющей в тверских говорах значение ‘гордая, красивая, полная женщина’ [12, с. 57].

Однако в большинстве случаев гордость в тверских говорах осмысливается через другие черты характера, как правило, оценивающиеся носителями диалекта негативно – упрямство, капризность, наглость, нелюдимость. Так, полисемант *кóпырзá* (и фонетические варианты *кунпырзá*) в тверских говорах имеет значения ‘гордый, чванливый человек’, ‘шалун, проказник’ и ‘капризный, несговорчивый, упрямый человек’ [12, с. 56], образуя зоны пересечения соответствующих микрополей. В качестве интегральной в значениях полисеманта *копырза* можно выделить сему «с трудным характером». Смежность понятий гордость и вспыльчивость отражена в лексеме *заверняй*, функционирующей в тверских говорах в значениях ‘гордец’ [Там же, с. 49] и ‘буян’ [Там же].

Номинации с диффузным значением *гмы́ра, гмы́ря, гмыра́стый, гмыря́стый* – ‘необщительный, высокомерный человек’ [9, вып. 1, с. 176] образуют зону пересечения с микрополем «Речевая деятельность», демонстрируя корреляции гордости, высокомерия и некоммуникабельности человека. *Гмырястый внук, взбучится, как бык стоит, стоит, как гмыря. Гмырястая пошла, ни с кем не здороваются* [Там же]. Таким образом, гордость в тверских говорах осмысливается как качество, затрудняющее коммуникацию.

Смежность понятий гордость, высокомерие и эгоистичность, нелюбовь к людям отражена в семантике лексемы *некаса́емый* – ‘гордый, высокомерный, эгоистичный’ [Там же, вып. 4, с. 118], позволяющей интерпретировать гордость как отсутствие любви и сострадания к ближним. *Она о себе высококого мнения, уж умри – они кому что дадут, они некасаемые, они ненавистники* [Там же]

Мотивационный анализ микрополя позволил выделить основные мотивировочные признаки в номинациях. В основе большинства номинаций микрополя лежит действие, производимое гордым человеком. Так, лексическим мотиватором номинаций *гордый, гордец, гордный, гордёна, гордеха* является литературный глагол *гордиться*. Глагол *кичиться* – ‘выставлять свое превосходство перед другими, держаться высокомерно’ [11, т. 2, с. 52] является лексическим мотиватором лексемы *кичень*. Прилагательное *харзистый*, характеризующее гордого, заносчивого человека и его фонетический вариант *хозистый* мотивированы диалектным глаголом *харзиться, харзить*, т.е. ‘заснаваться, сердиться, горячиться’ [4, т. 4, с. 543].

Лексическим мотиватором прилагательного *лимонник* ‘человек, который важничает, ломается’ [12, с. 59] является диалектный глагол *лимониться*, имеющий в тверских говорах значения ‘важничать, чваниться’ [10, т. 17, с. 49] и ‘наряжаться, прихорашиваться’ [9, вып. 3, с. 211]. *Лимониться – это приводит себя в порядок.* [Там же]. Как видим, и здесь находит отражение представление диалектоносителей о связи между красотой внешнего вида и гордостью человека. Диалектные глаголы *лимонить, лимониться*, мотивированные в свою очередь существительным *лимон*, функционируют в русских говорах в разных значениях. Так, в псковских говорах глагол *лимонить* имеет значения ‘обманывать’, в нижегородских, рязанских, архангельских – ‘красть, воровать’, во владимирских – ‘вяло есть’, в вологодских – ‘колотить, бить’, в рязанских, архангельских – ‘мешать чему-либо, подговаривать, хлопотать в свою, а не в общую пользу’ [10, т. 17, с. 49]. Глагол *лимониться* в орловских и вятских говорах имеет значения ‘хитрить; подсмеиваться’, а также ‘краснеть лицом при употреблении спиртных напитков’ [Там же]. Можно предположить, что

актуализированный мотив кислоты характерен для выражения неодобрительного отношения к различным отрицательным качествам человека.

Мотив изолированности, оторванности от общества, от коллектива в номинациях гордого человека реализован в лексеме с прозрачной внутренней формой *некасаемый* [9, вып. 4, с. 118]. Этот сквозной мотив присутствует и в номинации *вылеток* – ‘гордый, высокомерный человек, выскочка’. *Вылеток – он как выскочка, вроде хвастуна. Игореха был вылеток, в городе пожил, а когда сюда приехал, гордый ходил, хвастался с утра до вечера.* [Там же, вып. 1, с. 149]. В тверских говорах *вылеток* означает ‘научившийся летать птенец’. *Вылеток про птенцов говорят, на крыло становится, улетает из гнезда* [Там же]. Гордый человек стремится отделиться, отбиться от коллектива, «вылететь из гнезда». Такое обособление от окружающих воспринимается обществом как отклонение от нормы.

Мотив кривизны, реализованный в номинации *заверняй*, – ‘гордец’ [12, с. 49], лексическим мотиватором которой является глагол *завернуть* – ‘придать чему-либо согнутое, изогнутое положение’ [11, т. 1, с. 500], содержит семантику изменения первоначальной естественной формы, что также отражает представление о гордости как «неправильном», отрицательном качестве человека.

Также актуальным для номинаций данного микрополя является мотив внешнего вида человека, в частности, мотив красоты, что подтверждает выявленную в ходе семантического анализа микрополя связь между красотой наружности и гордостью, высокомерием человека. Лексическим мотиватором лексемы *басило* ‘гордый человек’ [12, с. 34], является диалектное существительное *баса*, т.е. ‘красота’, функционирующее во многих русских говорах. *Баса приглядится, а ум пригодится. Сколько прибасов не надевай, а басы не прибудет, коли бог не дал.* [10, т. 2, с. 127]. Мотив красоты реализован и в лексеме *гарный* ‘гордый, форсистый’ [12, с. 43], употребляющейся в южнорусских говорах в значении ‘хороший, красивый’. *Девка гарная, замуж скоро пойдет.* [10, т. 6, с. 146]. Мотивировочный признак «шея», актуализирован в номинациях гордого человека *вийный*, *выяха* [12, с. 43]. *Выя* – устар. ‘шея’ [11, т. 1, с. 293]. Внешний вид гордого человека связан в представлении носителей диалекта с его осанкой и, прежде всего, с определенным положением головы.

Таким образом, в отличие от литературного языка, где наблюдается оценочная энантиосемия лексемы *гордый* с тенденцией к нарастанию положительной оценки [7, с. 10], в тверской диалектной лексике отмечается существенное преобладание лексем данного микрополя с отрицательным оценочным компонентом в значении. Гордость в сознании диалектоносителей, как правило, осмысливается через иные черты характера человека. В ходе анализа полисемантических связей лексем данного микрополя была установлена связь понятия гордость с такими негативными человеческими качествами, как несговорчивость, нелюдимость, эгоистичность, капризность, упрямство, сложность характера. Мотивировочные признаки, положенные в основу номинаций данного микрополя, также позволяют интерпретировать гордость как отрицательное качество. Поведение гордого человека представляется как неправильное, неестественное (мотив кривизны), нарушающее общественные нормы и отделяющее человека от социума (мотив изолированности). Очевидно, существовавшие не одно столетие общинные ценности, связанные с приоритетом коллективного над индивидуальным, общего над личным, продолжают находить отражение и в современной региональной языковой картине мира.

Список литературы

1. Блинова О.И. Русская мотивология: учебно-метод. пособ. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 66 с.

2. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика. Томск: Изд. Томского ун-та, 1984. 134 с.
3. Вендина Т.И. Диалектное слово в парадигме этнолингвистических исследований // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999. СПб., 2002. С. 3–15.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз. Медиа, 2005.
5. Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб., 2008.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
7. Кузнецова О.А. История и мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 10–17.
8. Русские / Отв. ред. В. А. Александров и др. М.: Наука, 2005. 828 с.
9. Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1–7. СПб.; Тверь, 2003–2017.
10. Словарь русских народных говоров: Т. 1–46. М.; Л.; СПб., 1965–2013.
11. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
12. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 4. Тверь: Золотая буква, 2005. 191 с.
13. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

TVER DIALECT WORDS DESCRIBING A PROUD MAN (SEMANTIC AND MOTIVATIONAL ASPECTS)

N. Yu. Gribovskaya

Military Academy of Aerospace Defense
the Department of Russian Language

The article is devoted to the Tver dialect lexicon characterizing the proud person. The results obtained in the course of semantic and motivational analysis of the lexico-semantic microfield “Proud” reflect the idea of dialect speakers about this human quality.
Keywords: *Russian dialect vocabulary, Tver dialects, dialect words, lexical-semantic field, proud*

Об авторе:

ГРИБОВСКАЯ Наталья Юрьевна – преподаватель кафедры русского языка Военной академии воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (170100, Тверь, ул. Жигарева, 50), e-mail: grinatal74@mail.ru.

About the author:

GRIBOVSKAYA Natalya Yurevna – Lecturer at the Department of Russian Language, Military Academy of Aerospace Defense named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov (170100, Tver, Zhigarev str., 50), e-mail: grinatal74@mail.ru.

УДК 81'22

**ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ****В. М. Мирзоева, А. Т. Аксенова, А. В. Некрасова**Тверской государственный медицинский университет
кафедра русского языка

Статья посвящена проблеме пополнения лексики русского языка новейшими заимствованиями из американского варианта английского языка, что обусловлено изменением русской национальной системы ценностей. Заимствования рассматриваются в аспекте их влияния на формирование современной языковой личности. Рассматриваются конкретные лексемы, их формальная и лексико-семантическая адаптация, определяются причины активизации процесса заимствования.

Ключевые слова: *заимствования, адаптация, языковая личность.*

«В последние десятилетия, – справедливо отмечает В. А. Гуреев, – в лингвистике при исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании в виде концептуальной картины окружающей действительности» [2, с. 57]. Антропоцентризм, антропологический принцип все больше признается в качестве методологической основы научных исследований языка. В центр современной антропоцентрической лингвистики ставится понятие «языковой личности», то есть человека в его способности совершать речевые поступки. В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением.

На наш взгляд, существенное влияние на формирование современной языковой личности оказывают СМИ путем введения и тиражирования новых иноязычных заимствований, главным образом из американского варианта английского языка. Поэтому изучение их функционирования представляется крайне важным.

Существенной характеристикой лингвокультурной ситуации в России конца XX – начала XXI века является тот факт, что заимствования из американского варианта английского языка носят массовый характер и стремительно адаптируются в русском языке. Поток заимствованной лексики настолько велик и интенсивен, что часто заимствованные лексемы являются семантически затемненными для определенной части носителей языка. Данная проблема обусловила создание большого количества словарей иностранных слов, в которые включаются слова на самом раннем этапе вхождения в русский язык. К подобным изданиям относятся, в частности: [3; 5].

В данной работе мы исследуем функционирование в газетно-публицистических текстах некоторых новейших заимствований из американского варианта английского языка. Это недостаточно освоенные для перехода в статус иноязыч-

ных заимствований слова, укрепление которых в языке формально отражается включением в толковые нормативные словари. Данные лексемы зафиксированы в современных словарях иностранных слов, некоторые пока только в «Викисловаре» – русском разделе международного онлайн-лексикографического проекта *Wiktionary*. Особенностью современных лексикографических пособий, в том числе электронных, фиксирующих и толкующих новые языковые единицы, является то, что в них включены не только широко распространенные иностранные заимствования, но и слова, которые были встречены авторами всего несколько раз, преимущественно в текстах газет, журналов, радио- и телепередач, а также лексемы, созданные путем окказионального словообразования на базе новейших заимствованных слов. Ассимиляция большинства из них в русском языке в дальнейшем представляется сомнительной, однако включение их в новые словари иностранных слов продиктовано необходимостью отражать стремительные изменения в жизни современного общества. Основная же масса англо-американских заимствований, представленных в лексикографических изданиях, активно используется носителями языка. Рассмотрим функционирование некоторых из них в средствах массовой информации.

Существительное *хайп* находится сейчас на гребне популярности, выступает в значении «искусственно создаваемый ажиотаж вокруг какой-либо темы». Данная лексема, по данным сайта «Год литературы», попала в тройку лидеров в номинации «Главные русские слова» [6]. Действительно, как бы это ни казалось странным, сущ. *хайп* бьет рекорды по количеству употреблений не только в Интернете и в речи молодежи, более склонной к употреблению новомодных заимствований, но и на страницах солидных изданий, таких как газеты «Труд», «Известия», «Комсомольская правда», звучит с экранов телевизоров. При этом чаще всего оно используется при прямом или косвенном цитировании, что говорит о самом начальном этапе вхождения его в речь, ср. (здесь и далее курсив наш. – *Авт.*): «РАН назвали *хайпом* пророчество о климатической катастрофе в России» (Труд. 28.06.18). Отметим, что данный пример иллюстрирует использование лексемы *хайп* официальными лицами.

Известно, что слабо адаптированное иноязычное слово в письменной речи, как правило, берется в кавычки и сопровождается пояснениями. И действительно, на страницах масс-медиа за 2017 год можно найти немало подобных примеров: «Что такое “*хайп*” в молодежном сленге: расшифровка модного термина». Так звучит заголовок одной из статей газеты «Комсомольская правда» за 2017 год, а в газете «Известия» за 1 сентября 2017 года читаем: «– Мы хотим лайков, мы хотим *хайпов* (создание ажиотажа по определенной теме. – “Известия”)! – сказал ведущий мероприятия певец Дмитрий Маликов». Однако уже в 2018 году количество пояснений к данной лексеме заметно снизилось, и она употребляется в письменной речи без кавычек и ремарок. Это указывает на то, что говорящий (пишущий) считает слово *хайп* известным и понятным собеседнику (читателю). Стремительной адаптации лексемы *хайп*, по нашему мнению, способствует также тот факт, что графемно-фонетическая передача этого иноязычного слова средствами русского языка не затруднена многовариативностью, а значит, не нужно ждать, пока в языке закрепится один из вариантов написания / произношения данной лексемы. Если же говорить о грамматической и лексико-семантической адаптации сущ. *хайп*, то и здесь наблюдается интенсификация процессов. Слово с первых дней употребления вошло в систему морфологических категорий русского языка (имя

существительное II склонения) и обладает словообразовательной активностью в системе русского языка. Так, например, активно используются дериваты *хайпнуть* (несовершенный вид) и *хайпануть* (совершенный вид), имеющие, согласно Викисловарю, значение «поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-то, подстёгивая интерес к чему-либо»: «Но в принципе *хайпануть* можно практически на всем» (Труд. 11.10.2018), «Кей обвинил своего коллегу в мошенничестве и “желании *хайпануть*”» (Известия. 17.03.2018). Кроме этого, от сущ. *хайп* в русском языке образовано прилагательное *хайповый*: «“Версус”, главная баттл-лига в России, с самого начала привлек к участию *хайповых* (кстати, вы тоже устали от этого слова?) персонажей из мира хип-хопа» (Известия. 25.12.2017). Примечательно, что ремарка к данной лексеме не поясняет ее смысл, что обычно характерно для слов, находящихся на начальном этапе заимствования, а демонстрирует повышенную частотность ее употребления.

Таким образом, учитывая стремительные темпы адаптации заимствованной лексемы *хайп*, а также отсутствие в русском языке точного аналога данному слову, можно предположить, что оно имеет все шансы закрепиться в системе русского языка, быть зафиксированным в словарях и справочниках и впоследствии обрести дополнительные значения. Так уже произошло со многими недавно вошедшими в русскую речь словами. Обратимся к некоторым из них.

Иноязычное слово, вошедшее в наш лексикон относительно недавно и зафиксированное в современных словарях иностранных слов, – сущ. *таунхауз* (англ. *town* – город и *house* – дом, то есть «городской дом»). Заимствование данного слова обусловлено необходимостью заполнения лакуны, появившейся в связи с изменением концепции градостроительства, появлением нового типа жилых зданий. Использование английского слова вместо русского словосочетания *городской дом* может объясняться, на наш взгляд, языковой экономией и тенденцией к новизне и экспрессивности наименования. Кроме того, немаловажную роль играет потребность в разграничении смысловых оттенков. Таунхаузы – это не просто городские дома, а малоэтажные (2–3 этажа) дома, похожие на коттеджи, но сблокированные друг с другом, возле которых есть небольшой (около трех соток) участок земли. Неосвоенность данного слова русским языком проявляется в отсутствии единой графической формы при написании. В различных текстах встречаем: *таунхауз*, *таун хауз*, *таун-хауз*, *таунхаус*, *таун-хаус*. Данные варианты написания отражены в словарях иностранных слов. Подобная вариативность формального плана является характерной для ранней стадии заимствования. Поскольку данное слово может быть непонятно носителям русского языка, его употребление часто сопровождается комментариями. Так, в журнале «Домой» (декабрь 2007) встречаем следующее пояснение: «Английское словцо “таунхауз” <...> обозначает малоэтажное строение с небольшим количеством квартир, каждая из которых имеет свой отдельный вход. Это промежуточный вариант между жильем городского и загородного типа». Данный пример иллюстрирует особое место иноязычного слова в языковом сознании говорящего. Лексема *таунхауз*, иронично характеризующаяся как «словцо», оказывается маркированной, осложненной авторской оценкой. Как правило, фиксация внимания носителей языка на иноязычном слове является характерной для начального этапа его вхождения в язык-реципиент.

Если же новейшее заимствование в средствах массовой коммуникации употребляется без комментариев, то стилистически это часто обозначает языковое доверие к читателю (слушателю), адресованность посвященным, избранным,

являющимся членами определенного сообщества. В этом смысле показательно появление новой формулы речевого этикета, использование которой отмечается преимущественно в молодежной аудитории, в среде студентов и активных пользователей интернетовских сайтов. Речь идет о лексеме *респект* (из англ. *respect* – «уважение»). В последнее время оно устойчиво вошло в узус, став частью речевого этикета, ср.: «Большой респект Рамзану Кадырову, респект этим девушкам, респект вам!». Заметим, что в словарях иностранных слов второй половины XX века данная лексема помечается как устаревшее слово, пришедшее из французского, а в словарях иностранных слов последних лет она трактуется как новейшее заимствование из английского. На наш взгляд, именно волна заимствований из американского варианта английского языка дала «вторую жизнь» сущ. *респект* в русском языке. Немаловажное значение для вхождения данной лексемы в речь является распространение через СМИ, в частности, через музыкальные радиостанции и молодежные программы. Приветствие «респект и уважуха», ставшее визитной карточкой одного из участников программы «Камеди клуб», уже вошло в речевой обиход определенного круга молодежи. Модное, несущее в своей семантике элемент престижности и новизны, сущ. *респект* употребляется не только для того, чтобы выразить уважение кому-либо, но и чтобы продемонстрировать свою принадлежность к определенной общности. Таким образом, выполняется конативная функция ориентации на адресата.

Лексема *респект* сохранила сочетаемость, присущую русскому слову *уважение*, ср.: *большой / огромный / глубокий респект* – *большое / огромное / глубокое уважение*; *выразить респект* – *выразить уважение*, *примите респект* – *примите заверения в уважении*. В то же время словосочетания типа *отдельный респект*, *особый респект* семантически приближают ее к сущ. *благодарность*. Об этом же свидетельствует использование конструкции *респект за...*, ср.: *Хочу выразить респект создателям за такой интересный сайт*; *Отдельный респект Земфире за новый альбом*; *Респект Датакому за снижение тарифов*. Использование данного слова в качестве приветствия, возможно, обусловлено его созвучием с привычным для носителей русского языка *привет*. Таким образом, можно заключить, что с появлением лексемы *респект* увеличились синонимические ряды в таких тематических группах русского речевого этикета, как «Приветствие» и «Благодарность». На наш взгляд, факт заимствования данной лексемы обусловлен не столько требованиями коммуникативной целесообразности, сколько социально-психологическими факторами.

Выводы. Процесс вхождения иноязычных слов в речь обусловлен не только необходимостью первичной номинации, но и социально-психологическими мотивами: большей престижностью и экспрессивностью иностранного слова по сравнению с русским, а также принадлежностью носителя языка к той или иной стране русского общества. Новейшие слова иноязычного происхождения становятся объектом активных процессов в области словообразования, стилистики, семантики. Часто семантические трансформации слова являются отражением национальной ментальности [1, с. 161].

Использование иноязычных слов преимущественно в речи молодых носителей языка, на наш взгляд, обусловлено рядом причин. Во-первых, знанием современной молодежью иностранных языков, в первую очередь английского. Во-вторых, как отмечают некоторые исследователи, молодежь в целом более лояльно от-

носится к фактам заимствования иностранных слов. И, наконец, большинство газет, журналов, радио- и телепередач, через которые тиражируются иноязычные слова, направлено на молодого читателя, зрителя или слушателя. Американизация языка, сильнее всего выражающаяся в речи молодежи, по мнению В. Г. Костомарова, выражает новую ментальность современного поколения [4]. В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности, с мировоззрением. Русский язык, в свою очередь, как средство языкового опредмечивания менталитета, подвергается изменениям, которые отражаются в современных словарях.

Список литературы

1. Аксенова А. Т., Мирзоева В. М., Михайлова Н. Д. Проблема влияния американской лингвокультуры на состояние русского языка в средствах массовой информации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 158–165.
2. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57–67.
3. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2008. 672 с.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 320 с.
5. Черкасова М. Н. Современный словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 469 с.
6. Названы главные русские слова 2017 года [Электронный ресурс] // Год литературы 2018. URL: <https://godliteratury.ru/events/renovaciya-bitkoin-i-khaup>. (Дата обращения: 15.08.2018.)

ENGLISH AMERICAN BORROWINGS AS THE CHARACTERISTIC FEATURE OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN LINGUISTIC PERSONALITY

V. M. Mirzoyeva, A. T. Aksenova, A. V. Nekrasova

Tver State Medical University
the Department of Russian Language

This article is devoted to the problem of accession of The Russian language vocabulary with the newest borrowings from American English, which is caused by the changing of the Russian national system of values. Borrowings are considered in the aspect of their influence on the forming of the modern linguistic personality. Specific lexical items, their formal and lexico-semantic adaptation are considered and the reasons of the borrowing process activation are assigned.

Keywords: *borrowings, adaptation, linguistic personality.*

Об авторах:

МИРЗОЕВА Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

АКСЕНОВА Анастасия Теймуразовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Тверского государственного

ного медицинского университета (170100, г. Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: labuchidze@mail.ru.

НЕКРАСОВА Анна Вячеславовна – ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, г. Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: nekrasova3004@yandex.ru.

About the authors:

MIRZOEVA Valentina Mikhailovna – Candidate of Philology, Head of the Department of Russian Language, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

AKSENOVA Anastasiya Teymurazovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Russian Language Department, Tver State Medical University (1700000, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: labuchidze@mail.ru.

NEKRASOVA Anna Vyacheslavovna – Lecturer at the Department of Russian Language, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: nekrasova3004@yandex.ru.

УДК 81'22

ОБРАЩЕНИЯ К ВОЗЛЮБЛЕННЫМ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Е. А. Непомнящих

Иркутский государственный университет
кафедра русского языка как иностранного

В статье обращения к возлюбленным (филонимы) выделяются в особый тип обращений, используемых близкими людьми в повседневном бытовом общении для именовании друг друга в отсутствии третьих лиц. Автор приходит к выводу, что обращения к возлюбленным обладают различной степенью вокативности, поскольку выбор номинации выражает субъективное отношение говорящего к слушающему. Обращения к возлюбленным представляют собой вербализованные оценки именуемого именующим и в современной молодежной среде эксплицируются различными типами номинаций: имена собственные и мутации антропонимов, обращения-сравнения (с животными, предметами, разными объектами действительности), атрибутивные обращения, прозвища, обращения-звукоподражания.

Ключевые слова: обращение, филоним, номинация, вокатив, имя собственное, антропоним, прозвище.

Речь всегда адресована, поэтому именование собеседника – обращение – «следует считать языковой универсалией» [5, с. 114]. Темой исследования являются обращения к возлюбленным в современной молодежной среде.

На сегодняшний день наиболее изученными являются обращения-антропонимы [11], а также обращения в семейном дискурсе [1; 2; 4; 6]. Науке известны следующие термины: **филоним** (греч. *philia*, любовь + *онима*, имя) – «ласковые имена, употребляемые при обращении к любимым», а также **эротонимика** – лингвистика и поэтика любовного имени, возникшая на стыке эротологии (науки о любви) и антропонимики [9, с. 153]. Поскольку филоним понимается как номинация, используемая при интимном речевом общении, а обращения к возлюбленным мы определяем как вид обращений, используемых близкими людьми (возлюбленными) в повседневном бытовом общении для именовании друг друга в отсутствии третьих лиц, можно сделать вывод о тождественности этих терминов.

Обращение как яркий этикетный знак, индикатор межличностных отношений и тональный регулятив выполняет следующие функции:

- номинативную (функция именования адресата речи, инициирования контакта);
- характеризующую (функция демонстрации личного отношения к адресату, поддержание контакта) [11, с. 239].

В.В. Голикова пришла к выводу, что «обращения, используемые в рамках семейного дискурса, характеризуются преобладанием в них оценочно-характеризующей и номинативной функций и в гораздо меньшей степени функции этикетно-регулятивной» [4, с. 44]. Это связано с тем, что «в быту происходит снижение

порога вежливости, многие этикетные формулы редуцируются или вообще не используются» [1, с. 7]. Влюбленные, находясь в отсутствии третьих лиц, могут вообще не использовать обращений (их речь адресована друг другу, нет необходимости обозначать адресата), поэтому обилие вариантов современных обращений к возлюбленным свидетельствует о доминировании именно их характеризующей функции.

Обращение как конструкт, имеющий открытую текстовую валентность, в языкознании традиционно также рассматривается с позиции вокативности. Известно, что различные семантические единицы обладают различным вокативным потенциалом. Обращения к возлюбленным актуализируют эмотивный категориальный признак вокативности, поскольку «при выражении особых чувств говорящего по отношению к слушающему релевантна символика и метафорика умиления, гнева, презрения, насмешки» [11, с. 241], то есть выражение эмоций говорящего. Следовательно, «в имени человек пытается закрепить результат познания объекта, свое отношение к нему» [6, с. 296].

Итак, поскольку «всякое высказывание может отразить индивидуальность говорящего» [3, с. 240], выбор формы обращения обусловлен личным отношением говорящего к адресату и его субъективной оценкой адресата в момент речи. Обращения к возлюбленным тем самым актуализируют не идентифицирующую, объективную семантику, а семантику субъективного типа и имеют предикатный компонент.

Важную роль при выборе формы обращения играет избранная регулятивная тактика – гармоничная или дисгармоничная [7, с. 309], а при интонационном оформлении обращения – анализ эмоционального фона диалога. Так, например, обращение по имени и отчеству в условиях интимного дискурса может являться «приемом речевого отчуждения» [2, с. 159] и использоваться в качестве «дисгармоничного “дистанционного” регулятива» [7, с. 307].

Традиционно обращения представляют собой большие лексико-семантические группы существительных. Т.Е. Янко выделяет пять основных семантических классов существительных, именующих людей: 1) таксономические классы людей, обладающих постоянным или устойчивым признаком (*узбек, студент*); 2) оценки (*предатель*); 3) роли людей в жизненных ситуациях (*докладчик*); 4) отношения родственные, социальные, профессиональные, возрастные (*мама, шеф, господин*); 5) имена собственные (*Вася*) [11, с. 246]. Очевидно, что обращения к возлюбленным могут представлять собой и оценку слушающего (*балбес / лапочка*), и роль человека в жизненных ситуациях (*хозяйюшка моя / мой защитник*), и отношение говорящего (*счастье мое / жена / любимая*), и имена собственные (*Ксюня / Хорошева*).

А.В. Занадворова исследует «языковые типы прозвищ» и под «наименованиями» понимает «и личные имена, и семейные прозвища, заменяющие имена или используемые наравне с ними, специфические ласковые или неласковые (пейоративные) обращения, названия родственных отношений и т. п.» [6, с. 294]. С нашей точки зрения, обращения к возлюбленным не всегда являются прозвищами. Прозвище актуализирует статичный единичный, как правило, вневременной признак (прозвище конгруэтно имени), а обращения к возлюбленным варьируются в зависимости от ситуации общения и различных субъективных факторов (например, настроения говорящего). Очевидно, что последние более динамичны, поскольку появляются в результате того, что коммуниканты – возлюбленные – часто испытывают потребность в обновлении экспрессивных разговорных номинаций.

В данном исследовании мы попытаемся проанализировать наиболее продуктивные формы обращений к возлюбленным в современной молодежной среде,

учитывая, что некоторые из них в конкретной ситуации общения могут иметь разные интонационные, а значит, и смысловые оттенки. Для выявления наиболее продуктивных форм обращений к возлюбленным в молодежной среде была составлена специальная анкета, включающая в себя следующие вопросы: 1) укажите Ваш пол; 2) укажите Ваш возраст; 3) укажите фамилию и имя Вашего возлюбленного (Вашей возлюбленной); 4) как Вы обращаетесь к своему возлюбленному (своей возлюбленной) в неофициальной обстановке (дайте несколько вариантов). Респондентам было предложено дать несколько вариантов, поскольку целью анализа было выявление не частотности дублирующихся лексических форм, а наиболее продуктивных **типов** обращений. Анкетирование проводилось на базе Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета среди студентов и сотрудников. В опросе приняли участие 100 человек (50 девушек и 50 юношей) в возрасте от 19 до 35 лет.

Анализ результатов позволил разделить обращения к возлюбленным на следующие типы.

1. Обращения, образованные от имен собственных. В русском языке продуктивными являются формы обращений, производные от имен, отчеств или фамилий возлюбленных. При этом исходные формы номинаций значительно трансформируются:

- антропонимы, в том числе с диминутивными суффиксами: *Серезжа, Серезенька; Леша, Алеша; Женя, Женечка; Катюша, Катюшка;*
- лаконичные обращения по имени-отчеству: *Сан Саныч;*
- стилизованные мутации имени: *Ник* (от *Николай*), *Иванес, Ванчик* (от *Иван*), *Вадюня* (от *Вадим*), *Динька* (от *Денис*), *Серго* (от *Сергей*), *Владка* (от *Владислав*), *Санчо, Алехандро* (от *Александр*);
- мутации фамилии: *Райкович* (от *Райков*), *Яшан* (от *Яшников*).

Некоторые респонденты указали в анкете, что называют своих возлюбленных «по имени». Возможно, они считают иные обращения излишними.

Отметим, что среди респондентов не встретились обращения к возлюбленным в простой форме фамилии. Хотя, на наш взгляд, среди людей старшего поколения в неофициальной обстановке такая форма обращения довольно распространена (*Трунов, Егоров; Иванова, Жукова*), при этом, как правило, мужчина путем данного обращения выражает интенцию принадлежности женщины ему (в значении «ты моя (жена)»).

2. Обращения-сравнения. Обращения, образованные путем сравнения возлюбленного с каким-либо животным, вызывающим положительные эмоции, приятные ассоциации. Популярно ласковое обращение к возлюбленным – *зайка, зая, зай* (последнее – к мужчинам). Также используются следующие номинации: *котик* (*киса, кыса*), *медвежонок, бегемотик, мурзик, тигрёнок, ласточка, кабанчик*. Семантика данных обращений расходится с традиционными лингвокультурными эквивалентами (*заяц* – трусливый, *медведь* – неуклюжий, *бегемот* – большой, толстый и т. д.). В основе сравнения возлюбленного с животными лежат не столько внешние признаки, сколько, вероятнее всего, субъективные ассоциации. Указанная семантика поддерживается использованием диминутивных суффиксов *-онок/-ик*. Возможно, в основе создания данных обращений лежат воспоминания детства. У многих в детстве были подобные игрушки: мишка, зайчик, бегемотик и т. п. Вероятно, в памяти закрепляются определенные ассоциации с самым любимым, самым дорогим, которые позже эксплицируются на основе повторяющейся ситуации

(самый любимый, дорогой человек) и образуют формы современных обращений к возлюбленным.

Нередко обращения в форме сравнения рождаются по аналогии с созвучием имени. Так, девушек с именем *Екатерина* называют *котик, котя, Котенок (Катенок)*; мужчин с именем Сергей – *Ёжик* (от *Сережа, Серёжик*); молодых людей по имени Ваня – *Ванч, Ванчоус, Одуванчик, Диванчик* (от *Ванчик*).

Помимо животных девушки и парни сравнивают своих возлюбленных с другими объектами: *солнышко, кроха, малыш (мальшуня, мася), пусик* (а также производные *пус, пуся, пупуся, пусичка*). На наш взгляд, подобные обращения также «родом из детства».

Женщины удостоиваются следующих номинаций от своих избранников: *принцесса, золото (золотце), ангел, нимфа*. К мужчинам современные девушки обращаются, используя забавные прозвища-сравнения: *пончик, вишенка, сахарок, морячок*.

Обращение *душа моя (душенька моя)* – архаичная форма, традиционно использовавшаяся на Руси в отношении жены. Примечательно, что данная форма объективируется в речи современных молодых людей (в единичном случае).

При формировании обращений возможны номинации в соответствии с органами человека: *сердечко*. Также встречаются и нелитературные обращения-жаргонизмы, имеющие ярко выраженный ироничный характер: *писюлечка, жопа*.

При образовании обращений к возлюбленным могут использоваться именования родства и брачных отношений. Так, муж может называть супругу *мать*, а жена мужа – *отец* (чаще всего при наличии детей в семье). Указанный вариант встретился в единичном случае у респондента в возрасте 35 лет.

3. Атрибутивные обращения. Продуктивны обращения, образованные от субстантивированных прилагательных с оценочной семантикой, например: *любимый (любимая), дорогой (дорогая), хороший (хорошая), родной (родная), милый (милая), сладкий (сладкая)*. Имена нарицательные, образованные от вышеуказанных прилагательных, интенсифицируют эмоциональную окрашенность типа умиления, ласки, симпатии: *роднуля, радость, любимка, милашка*. Встречаются также обращения, созданные на основе выделения отличительного признака партнера, например, *картавая*. Использование подобных обращений основано на манифестации одного из признаков возлюбленного, который кажется партнеру наиболее отличительным, индивидуальным.

В качестве обращений могут выступать абстрактные имена нарицательные, используемые в переносном значении (*душа, радость, счастье*). Через анализ обращений к возлюбленным прослеживается аксиологический компонент лингвокультуры: если человек сравнивает любимого с солнцем, называет его счастьем, радостью, можно предположить, что указанные понятия представляют для молодых людей наивысшую ценность.

4. Прозвища. «Обращение-прозвище может выступать как манипулятивный вокатив-экспрессив» [7, с. 309]. В качестве прозвищ к возлюбленным в современной молодежной среде выступает аксиологическая лексика, имеющая ярко выраженную пейоративную семантику: *балбес, придурок, чучундра*. Однако при использовании в качестве обращения к возлюбленному такие номинации получают интенцию иронии, придают диалогу шутливо-интимный эмоциональный тон.

Невозможность найти в языке подходящей номинации приводит к тому, что в качестве обращения используются выдуманные звуковые сочетания – окказиона-

лизмы типа *йозя, Баребух*, при этом их звучание никак не связано с именем или фамилией возлюбленного. Такие примеры являются единичными, хотя наиболее ярко персонализируют возлюбленного, подчеркивая не только индивидуальность именуемого, но и речевую креативность именуемого.

5. Обращения-звукоподражания. Один из респондентов указал следующие варианты обращения к возлюбленной: *ласточка, р-р-р-р, картавая*. Интересным представляется обращение-звукоподражание *р-р-р-р*. Избранница респондента обладает особенностью артикуляции звука «р» (*картавая*). Используя указанное звукоподражание в качестве обращения, молодой человек демонстрирует шутливо-ироничное отношение к своей возлюбленной и в частности к дефекту ее речи.

Итак, обращаясь к собеседнику-возлюбленному, адресант выражает исключительно субъективное отношение к нему, то есть выбирает номинацию, которая, с точки зрения самого говорящего, наиболее соответствует роли слушающего. Обращения к возлюбленным выделяются в особую группу обращений и используются в том случае, если именуемый позиционирует именуемого как любимого человека при минимизированной пространственной, психологической или социальной дистанции. Обращения к возлюбленным тем самым «отражают вкус и настроение именуемого» [10, с. 219], его речевую культуру, поскольку «словом мы обозначаем не саму вещь, а наше представление о ней, т. е. как мы ее видим, а не что она такое» [8, с. 44].

Список литературы

1. Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Н. Байкулова; Саратов. гос. ун-т. Саратов, 2006. 20 с.
2. Байкулова А. Н. Семейная беседа // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 151–163.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Голикова В. В. Функции обращения в семейном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. трудов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. № 1 (5). С. 38–45.
5. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 136 с.
6. Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277–340.
7. Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Нестерова; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1999. 395 с.
8. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996. № 6. С. 42–53.
9. Эпштейн М. Н. Любовные имени: введение в эротониимику // Октябрь. 2006. № 7. С. 153–173.
10. Юй Исин. Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 217–222.

11. Янко Т. Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. 2011. Т. 11. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та. С. 239–255.

APPEAL TO BELOVED IN A MODERN YOUTH ENVIRONMENT

Ye. A. Nepomnyashchikh

Irkutsk State University
the Department of Russian as a Foreign Language

In the article the addresses to beloved (philonyms) are allocated in the special type of the addresses used by close people in daily household communication for the name of each other in absence of the third parties. The author comes to the conclusion that the treatment of the loved ones possess varying degrees of valence, since the choice of the category expresses a subjective attitude of the speaker to the hearer. Appeals to lovers are verbalized evaluations of the so-called naming and in the modern youth environment they are explicated by different types of nominations: proper names and mutations of anthroponyms, appeals-comparison (with animals, objects, different objects of reality), attribute treatments, nicknames, onomatopoeia.

Keywords: *appeal, philonym, nomination, vocative, proper name, anthroponym, nickname.*

Об авторе:

НЕПОМНЯЩИХ Екатерина Александровна – доцент кафедры русского языка как иностранного Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета (664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1), e-mail: trunova.k_86@mail.ru.

About the author:

NEPOMNYASHCHIKH Ekaterina Aleksandrovna – Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, International Institute of Economics and Linguistics, Irkutsk State University (664003, Irkutsk, Karl Marks str., 1), e-mail: trunova.k_86@mail.ru.

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

УДК 070.33

БЮДЖЕТ ПЕЧАТНЫХ СМИ РОССИИ:
ИНТЕРНЕТ И ДРУГИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ¹А. А. Антонов-Овсеенко, ²Е. М. Шитикова¹Тверской государственный университет
*кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью*²Союз предприятий печатной индустрии «ГИПП»

В статье проанализирован комплекс факторов, формирующих тенденцию к уменьшению доходной части бюджета печатной периодики, таких, как конкуренция с интернет-СМИ, остаточный принцип расчета продуктовых сетей за продажи газет и журналов, а также политика местных администраций субъектов РФ, направленная на уменьшение точек розничных продаж печатных изданий. Описаны меры государственной поддержки печатной отрасли; приведены примеры взаимодействия отраслевых общественных организаций с региональными администрациями.

Ключевые слова: печать, распространение, реклама, Интернет.

Нам уже приходилось писать о государственной практике в формировании информационного потока [1] Проявившаяся в начале 2010-х гг. тенденция на уменьшение объемов рекламы, размещаемой на страницах печатных изданий, к 2018 г. оформилась в устойчивый тренд. При этом в целом, несмотря на негативные тенденции в экономике, объем российского рынка рекламы увеличивается: по данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), суммарный объем рекламы в средствах ее распространения в 2017 г. составил 417 млрд. руб. (за вычетом НДС), что на 14 % больше, чем годом ранее [2]. Рост доходов от рекламы наблюдается на всех носителях, кроме печати. Так, по данным АКАР, в 2017 г. объем рекламы, размещенной в российском сегменте Интернета, составил в денежном выражении 166,3 млрд. руб., обеспечив динамику в сторону увеличения к предыдущему периоду в 22 %. В то же самое время объем рекламы, размещенной в 2017 г. в газетах, составил в денежном выражении 8,7 млрд. руб., что соответствует уменьшению к предыдущему периоду в 12 %; объем рекламы, размещенной в 2017 г. в журналах, составил в денежном выражении 11,9 млрд. руб., что соответствует уменьшению к предыдущему периоду в 5 %.

Из приведенных данных и из наблюдений предыдущих лет становится очевидным, что реклама, размещаемая в печатной периодике, не просто уменьшается, но передислоцируется, «перетекает» из печатных СМИ на интернет-носители. Уменьшение объемов рекламы, размещаемой в печати, и ранее происходило за счет ее передислокации на страницы интернет-ресурсов: так, в период 2006–2009 гг. доля интернет-рекламы увеличилась с 3,2 % до 9,3 %, а объем рекламы в печати снизился с 24,4 % до 16,1 % [Там же].

Разумеется, следует учитывать, что не всякая реклама, размещаемая в российском сегменте мировой сети, публикуется именно на страницах интернет-СМИ:

значительный объем рекламы размещается в социальных сетях, на страницах поисковых сервисов, которые отнюдь не всегда следует причислять к СМИ. Однако это никак не влияет на тренд передислокации в Интернет объемов рекламы, размещавшейся ранее в других видах СМИ и особенно в печати. В Интернет «перетекает» также реклама из такого популярного носителя, каким было до сих пор телевидение: по данным АКАР, объем поступлений от рекламы на российском телевидении составил в 2017 г. в денежном выражении 170,9 млрд. руб. (рост на 13 % к предыдущему периоду), в то время как реклама, размещенная в Интернете, достигла, напомним, показателя в 166,3 млрд. руб. [3].

Тренд на уменьшение поступлений от рекламы, размещаемой в печатных СМИ, продолжился и в 2018 г. По данным АКАР, за период января-марта 2018 г. объем рекламы, опубликованной в печатной периодике, составил в денежном выражении 3,9–4,1 млрд. руб. (минус 12 % в сравнении с предыдущим периодом) [4].

Помимо конкуренции с интернет-СМИ и другими носителями рекламы, на динамику доходной части печатной прессы негативно влияют и другие факторы – такие, как остаточный принцип расчета продуктовых сетей за продажи газет и журналов и политика местных администраций субъектов РФ.

В декабре 2017 г. большая группа издателей печатных СМИ федерального уровня, в том числе издательские дома «Комсомольская правда», «Коммерсантъ» и другие, обратились в Ассоциацию распространителей печатной продукции (АРПП) и Союз издателей «ГИПП» с претензиями, касавшимися серьезных сумм задолженностей компаний «Медиа Дистрибушен» и «Пресс-логистик» по расчетам за распространение газет и журналов в торговых сетях. В свою очередь накопление долгов было связано с тем, что по условиям договоров с торговыми сетями их расчеты за реализацию печатных изданий с их издателями производились по истечении 120 дней (как за нескоропортящуюся продукцию). Компромисса по урегулированию задолженностей достичь не удалось, в результате чего АРПП прекратила свое существование и к марту 2018 г. ее бывшие члены приняли решение о вхождении в Союз издателей «ГИПП». В задачу новой организации, получившей название «Союз предприятий печатной индустрии «ТИПП»» (СППИ «ГИПП») и объединившей в своем составе издателей, распространителей печатных СМИ, полиграфические предприятия и поставщиков бумаги, входит отстаивание интересов печатных СМИ в условиях нарастающей конкуренции с интернет-изданиями и другими видами СМИ. Однако появление новой организации пока не оказало положительного результата в части ускорения расчетов торговых сетей за реализацию печатной продукции.

Что касается политики государства в отношении печатных СМИ, то в ряде случаев, например, в Москве, местные власти формируют такие условия для реализации печатной продукции, которые уравнивают их производителей и продавцов в правах и обязанностях с производителями и продавцами более доходных товаров – в том числе продуктов, алкоголя, табака, продажа которых в киосках и на прилавках, занятых реализацией печатной продукции, запрещена. В результате производители и продавцы газет и журналов оказываются не в состоянии конкурировать с более доходными товарами и обеспечить своевременную (и в полном объеме) оплату аренды торговых площадей; количество киосков и прилавков, занятых реализацией печати, неуклонно снижается, уменьшая и без того ограниченные конкурентные возможности периодики на рынке рекламы в сравнении с другими видами СМИ и Интернетом.

В этих условиях по инициативе отраслевых организаций в 2016 г. было подготовлено и вступило в силу постановление правительства РФ № 291 «Об утвержде-

дении Правил установления субъектами Российской Федерации нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов и методики расчета минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов». До того, в 2013 г., вышел и вступил в силу приказ Минкомсвязи РФ № 197 «Об утверждении рекомендаций по поддержке и развитию системы розничного распространения периодических печатных изданий и иной печатной продукции в субъектах Российской Федерации».

Однако в ряде регионов РФ эти правоустанавливающие документы исполняются частично. Так, по данным мониторинга, проведенного АРПП, в 2017 г. в Тверской области насчитывалось всего 139 киосков прессы; показатель обеспеченности населения киосками прессы составил, соответственно, 9 329 жителей на один киоск прессы. При этом за год до приведенного подсчета, в 2016 г., в Тверской области функционировало 229 киосков прессы, а показатель обеспеченности составлял, соответственно, 5 743 жителя на один киоск прессы. Таким образом, к 2017 г. количество киосков прессы в регионе сократилось на 39 %. При нормативе в 200 киосков в области необходимо дополнительно установить 61 киоск прессы. Руководство СППИ «ГИПП» обратилось с письмом о необходимости исполнения правоустанавливающих документов к администрации региона, однако для того, чтобы изменить ситуацию с распространением печатной периодики в целом по стране, потребуются дополнительные совокупные усилия ряда отраслевых организаций и государственных контролирующих органов.

Список литературы

1. Антонов-Овseenко А. А. Государственные практики в обеспечении безопасности информационных ресурсов в сети Интернет // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 107–112.
2. Брюлл А., Терлеп III. P&G экономит на рекламе в сети // The Wall Street Journal – Ведомости. 31.07.2017. С. 18.
3. Объем рекламы в средствах ее распространения в 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР). URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id8180. (Дата обращения: 13.05.2018.)
4. Объем рекламы в средствах ее распространения в январе – марте 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР). URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id8293. (Дата обращения: 13.05.2018.)

BUDGET IN RUSSIAN PRINTED MEDIA: INTERNET AND OTHERS INFLUENCE FACTORS

¹A. A. Antonov-Ovseenko, ²E. M. Shitikova

¹Tver State University

the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

²The Union of the enterprises of the printing industry “GIPP”

The article analyses set of factors which generate tendention for reduction revenue budget in printed periodical, such as, competition with Internet media, the residual principle of calculation in grocery chains by sales of newspapers and magazines and

local administration's policy of territorial subjects in Russian Federation, directed for reduction of retail outlets of printed editions. In the article describes measures of state support in the printing industry; given examples of interaction between public organizations and local administrations.

Keywords: *print, distribution, advertising, Internet.*

Об авторах:

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Антон Антонович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (171100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: anton-ov-ovseenko@mail.ru.

ШИТИКОВА Елена Маратовна – исполнительный директор Союза предприятий печатной индустрии «ГИПП» (127994, Москва, Бумажный пр., 14, строение 2), e-mail: director@gipp.ru.

About the authors:

ANTONOV-OVSEENKO Anton Antonovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: anton.antonov.ovseenko@gmail.com.

SHITIKOVA Elena Maratovna – Executive Director of the Union of Printing Industry Enterprises “GIPP” (127994, Moscow, Paper Ave. 14, building 2), e-mail: director@gipp.ru.

УДК 81'42:82-92

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРЕССА В 1905 ГОДУ: ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО**Е. Н. Брызгалова, И. Е. Иванова**Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье дан анализ мемуарной книги С.Р. Минцлова «Петербург в 1903–1910 годах». Автор мемуаров не только описывает происходившие события, но и рассказывает о том, как они отразились в публикациях прессы. Это и стало предметом изучения в данной работе.

Ключевые слова: мемуары, революция 1905–1907 гг., газета, журнал, С.Р. Минцлов.

Серебряный век вошел в историю русской культуры как время расцвета мемуаристики. Множество воспоминаний литераторов, ученых, революционеров всех мастей, государственных деятелей, артистов – список можно продолжать бесконечно – сегодня позволяет увидеть эпоху как бы изнутри, глазами участников событий. Одни из них описывают себя, другие – события, третьи постарались запечатлеть течение самой жизни. В этом динамичном, порой субъективном, часто противоречивом повествовании можно рассмотреть ту или иную сторону общественной жизни и составить собственное представление о ней.

В данной статье речь пойдет о петербургской журналистике первых лет прошлого столетия. О российской печати того времени написано немало: существуют монографии, учебники, учебные пособия, диссертации и статьи. Но русская пресса первого десятилетия прошлого века была столь же многообразной и динамичной, как и сама эпоха. Поэтому, несмотря на обилие научной и популярной литературы, всегда остаются какие-то непроясненные моменты, требующие уточнения.

Нам показалось интересным и продуктивным взглянуть на состояние русской журналистики первого десятилетия прошлого века как бы изнутри – глазами современника, свидетеля, а в чем-то и участника происходящего, чьи мемуары были изданы в 1931 г. в Риге и переизданы в России уже в 2012 г. Герой, чьими глазами нам предстоит увидеть происходящее в Петербурге начала XX в., – Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1933), археолог по образованию, страстный собиратель книг по призванию, писатель – автор многочисленных авантюрно-приключенческих романов, библиограф, журналист, сотрудничавший со многими изданиями, и мемуарист, оставивший интереснейшее свидетельство эпохи – книгу «Петербург в 1903–1910 годах» [8], имеющую непосредственное отношение к затронутой нами теме. Он приветствовал Высочайший Манифест от 17 октября 1905 г., провозгласивший свободу слова, и опубликовал статью «14 месяцев "свободы печати". 17 октября 1905 г. – 1 января 1907. Заметки библиографа» [9].

Отличительной чертой мемуаров С.Р. Минцлова является то, что, во-первых, он делает акцент на изображении происходящего, а не на собственной персоне. Конечно, личностный взгляд присутствует, но в виде скупых комментариев, передачи собственных впечатлений и оценок. Для читателя остается «за кадром» частная жизнь мемуариста, его близкие и прочее.

А во-вторых, будучи журналистом, мемуарист не просто рассказывает о событиях, а постоянно апеллирует к газетам и журналам, писавшим об этих событиях.

Не только происходящее, но и его отражение в прессе – вот что составляет содержание мемуарной книги. Можно сказать, что С.Р. Минцлов выразил мироощущение интеллигенции тех лет, скептически относившейся к государственным институтам, сочувствовавшей народу и с недоверием воспринимавшей официальное видение происходящего. В небольшом предисловии к книге он писал, что записи «являются точным отражением того, что совершалось перед (его – *Е. Б., И. И.*) глазами, и тех настроений, которые с каждым днем всё глубже и шире захватывали все слои общества и революционировали его» [8].

Перед читателем проходят дни, начиная с январских записей 1903 г., предшествовавшие первой русской революции. Здесь и петербургские будни, полные текущих событий и тревожных ощущений, носившихся в воздухе, и предчувствие войны, а потом и её течение; социальный взрыв, вызванный событиями 9 января 1905 г., и многое другое. Мемуары написаны легко и талантливо, с чувством юмора и точными характеристиками событий и лиц. Они заслуживают особого внимания и отдельного разговора. Обратимся непосредственно к теме печати.

В записях мелькают названия газет: «Петербургская газета» (1867–1917, с 1884 г. ежедневная газета «с бульварным уклоном» [Там же]; «Правительственный вестник» (1869–1917, ежедневная официальная правительственная газета); «Новое время» (1868–1917, влиятельная ежедневная литературно-политическая газета); «Русь» (1903–1905, ежедневная либеральная газета); «Биржевые ведомости» (1861–1879 и 1880–1917, ежедневная политическая, экономическая и литературная газета); «Русские ведомости» (1863–1918, либерально-оппозиционная общественно-политическая ежедневная газета); «Освобождение» (1902–1905, влиятельный нелегальный оппозиционный журнал, издававшийся за границей П.Б. Струве) и многие другие. С последним из перечисленных изданий в мемуарах связаны истории с арестами тех, кто его провозил через границу: учительница гимназии, профессор университета, писательница и др. В записи от 6 декабря 1903 г. рассказано, что министр Плеве организовал обыск в заграничной редакции журнала, но ничего не нашел.

Пресса, судя по тексту записей, составляла важную часть жизни петербуржца-интеллигента в первые годы нового века: именно из газет и журналов он узнавал все новости, хотя и не всегда им доверял. Поэтому по тексту рассыпаны такие фразы, относящиеся к разным годам: «В 39 № журнала "Право" помещена сильная статья о...» (12 октября 1904 г.); «На три месяца приостановлен "Сын Отечества"» (1 декабря 1904 г.); «Хотел купить новую газету "Наши дни", оказывается, вчера ей запретили розничную продажу» (23 декабря 1904 г.); «Из газет узнал, что вчера государем была принята какая-то подозрительная депутация рабочих...» (20 января 1905 г.) [Там же].

До поворотного момента, когда Высочайшим Манифестом от 17 октября 1905 г. была провозглашена свобода слова, автор в целом не жаловал российские газеты и не очень доверял им. Например, запись от 7 мая 1903 г. рассказывает о том, что пришло известие об убийстве «уфимского губернатора». И известие это было принято публикой без особого трагизма, поскольку губернатор Богданович не пользовался популярностью. Недоверие и скепсис по отношению к газетам выражается в такой фразе: «В газетах, конечно, помещены трогательные некрологи, где он выставился в некоторого рода ореоле, но... чего не печатают в наших газетах!» [Там же].

Мемуарист обвиняет газеты во лжи и в ситуации подготовки и проведения празднования 200-летия Петербурга. Издания явно приукрасили оформление праздника: «Неизвестно зачем и для кого – для провинции, что ли – газеты врут об этих украшениях. Прочитаешь их – кажется, сейчас выйдешь из дома – увидишь какую-нибудь сказку из 1001 ночи, а выйдешь – полное разочарование!» [Там же]. Это запись от 15 мая. На следующий день прошел праздник, а 17-го автор записал:

«“Все врут календари”, сказал еще Фамусов; “все врут газеты”, скажу и я вместе со всеми очевидцами этого торжества, на которое убили сотни тысяч (рублей – *Е. Б., И. И.*)!» [Там же]. Исходя из приведенных здесь и других записей, можно сделать вывод, что газеты имели ненадежную репутацию и не пользовались доверием просвещенной публики, хотя и служили источником информации.

Интересное наблюдение: по реакции газет на то или иное происшествие люди судили о его важности. По мере усиления социальной напряженности цензура всё чаще стала вымарывать неугодные статьи и применять репрессивные меры по отношению к редакторам и самим изданиям. Происходила своеобразная цепная реакция: полиция с подачи цензурного комитета преследовала издание, вызывая интерес со стороны читающей публики и привлекая внимание к конкретному событию. В записи от 1 апреля 1904 г. читаем:

«...Полиция сегодня утром отбирала у всех газетчиков №№ “Петербургского листка” и каких-то еще газет; сопротивлявшихся тащили в участок; в газетную экспедицию почтамта полиция явилась тоже и конфисковала все названные №№. Тем не менее, я раздобыл “Петербургский листок” и успел наскоро пробежать его; особенного ничего не заметил; в отделе происшествий наткнулся только на заметку о том, что этой ночью в “Северной гостинице” произошел сильный взрыв, исковеркавший много номеров, полы и потолки; в одной из комнат найдены куски человеческого тела, разорванного бомбой. Что это за бомба, и кто был владельцем ее – загадка; по всей вероятности, здесь кроется что-либо анархическое, сыщики зачуяли следы и потому поспешили всякие сведения о происшедшем изъять.

В два часа дня на улицах снова продавался “Петербургский листок”; купил № – на месте заметки о взрыве белая полоса. Заметку выкинули, и газету отпечатали снова» [Там же].

Особую часть мемуаров составляет история русско-японской войны 1904 г. и роль прессы в формировании общественного мнения по этому поводу. Всё начинается с того, что 28 января 1904 года, утром «в “Правительственном вестнике” появился манифест о войне; расхватывали номера, платя по 30–40 коп. На углах улиц вывешены телеграммы о ходе военных действий; простонародье, военные и дамы теснятся и жадно слушают чтение их» [Там же].

Именно с газетами С.Р. Минцлов связывает ура-патриотическую истерию в обществе: «Только одна “Петербургская газета” выпустила прибавления под громкими названиями: “Победа. Разгром японского флота” и т. д. <...> Перед телеграммами крупными буквами была набрана дико кликушествовавшая статья о “желтолицых и рыжеволосых” врагах, о мощи России, – словом, так и виднелись из строк пьяные глаза и засученные кулаки савраса, вызывающего “удариться” с ним весь мир. Номера эти расхватывались по полтиннику и несколько подняли дух в публике» (28 января 1904 г.) [Там же]. Автор вместе с другими петербуржцами переживает за успехи и поражения русской армии и флота. В отличие от «простонародья, военных и дам», он умеет читать между строк и быстро распознает очередную газетную ложь. Его искреннее желание знать правду часто прорывается в восклицаниях: «Чего ради молчит “Правительственный вестник”? Лучше знать самую скверную правду, чем слушать и верить – как делает публика – в десять раз преувеличенному вранью о чем бы то ни было!» (29 января 1904 г.) [Там же].

Постепенно военные поражения становятся всё более привычными. Цензура вымарывает неугодные сообщения, но это ничего не меняет: официальный патриотизм сменяется унынием: «...слишком уж привыкли мы читать каждый день: “японцы нас обошли и мы отступили” <...> “под натиском значительных сил противника мы отошли” и т. д.» [Там же]. «Груда противоречий и сплошного вранья» в газетах относительно войны, происходящей далеко на востоке, удручает мемуариста.

Одной из примечательных черт мемуаров С.Р. Минцлова является умение выделить из череды происходящего то, что впоследствии оказалось наиболее значимым и повлияло на дальнейший ход событий. Несомненно, автор был не только умным, но и прозорливым человеком: он сумел передать читателю, как менялось восприятие войны в обществе, как незаметно накалялась атмосфера, как неумелое командование и военные неудачи обернулись социальным неприятием правительства. Скепсис и недоверие к делам правительства привели к недоверию к печатному слову. Умный читатель (каков, несомненно, автор мемуаров) просто не верит газетам: «Все эти газетные дифирамбы – вздор: за почтаamt взялась энергичная рука товарища министра Дурново, и все делается по его инициативе» [Там же]. «Газетная вакханалия» [Там же] может обмануть лишь неискушенных читателей.

Идейным, сюжетным и эмоциональным центром книги С. Р. Минцлова, конечно же, является революция 1905 г., которая, как известно, началась с «Кровавого воскресения», произошедшего 9 января. Для мемуариста показателем чрезвычайности происходящего становятся газеты: «8 января. Сегодня не вышло ни одной газеты – всё забастовало. 9 января. Из газет вышел только “Правительственный вестник”, такой же пустой, как и само правительство» [Там же].

Единственным источником информации о произошедшем становится «Правительственный вестник», которому никто не доверяет, поскольку он выражает точку зрения правительства. Другим газетам слова не дают: «16 января. В редакциях газет “Наши дни” и “Наша жизнь” и у сотрудников их произведены были усиленные обыски <...>. Газеты эти не выходили до сих пор, так как забраны все статьи и все материалы из редакций» [Там же]. С усилением напряженности газеты начинают обретать социальную смелость: «Вероятно, Трепов прослышал, что названные газеты решили пойти на закрытие и собирались подробно описать события этих дней, и напечататься притом в огромном количестве экземпляров для возможно широкого оповещения России» [Там же].

Создается впечатление, что одно из основных желаний общества касается именно свободы слова. Судя по тому, что мемуарист ничего не говорит о своих политических взглядах и предпочтениях, можно сказать, что он ими вряд ли обладал, но при этом выражал мнение большинства интеллигентов, выступавших за демократизацию строя. По его мнению, не слухи, а именно газеты должны служить источником правдивой информации: «Имеем газеты, “гласность”, а живем, как в лесу. В газетах в изобилии имеются сведения о том, что делает король на Сандвичевых островах, и ровно ничего о том, что творится у нас кругом. Москва и дальнейшие города правду о нас узнают только с “оказией”» (18 января 1905 г.).

Высочайший Манифест от 17 октября 1905 г. в числе прочих свобод провозгласил и свободу слова. Если в начале года мемуарист свое негативное мнение о газетах высказывал несколько раз: «<...> Впрочем, разве можно в наше время узнать правду из газет??» (21 января 1905 г.), то к концу он уверен в обратном: «Высыпали как грибы все газеты и раскупаются нарасхват. Первые, действительно свободные №№!...» (22 октября 1905 г.) [Там же]. Анализ прессы конца 1905 – начала 1907 гг., представленный в мемуарах и статье, опубликованной в 1907 г. в журнале «Былое» [9], содержит интереснейший и очень подробный фактический материал.

Свобода слова, как известно, способствовала бурному росту числа периодических изданий. По свидетельству одного из современников, особенно популярным видом СМИ в это время стал «тонкий еженедельник», сочетавший в себе «подвижную энергию газеты» [7, с. 55] с аналитикой традиционного ежемесячного журнала. Из всего многообразия «мелких журналов» С.Р. Минцлов выделил сатирические еженедельники: «В декабре начался ливень из сатирических журналов.

Они сыпались один за другим, как звёзды в августовскую ночь, одни остроумные и язвительные, другие пошлые и тупые; их ловили на улицах, кромсали на куски в типографиях, но они, как “неизвестные” в былине, всё росли и росли в числе и на “витязей” с боем шли» [9].

Многие современники также отреагировали на это явление [1; 4; 5], отмечая политическую насыщенность сатиры. Например, В.Г. Короленко в газете «Полтавщина» писал: «Сатира вся сплошь превратилась в политическую» [4]. В записях Минцлова тоже есть упоминание о подобном: «Трепов скоро станет чем-то вроде тёщи юмористических журналов прошлых лет» (2 декабря 1905 г.) [8].

В современной науке о русских сатирических изданиях начала XX в. написано много [2; 3; 6; 11], поэтому не будем останавливаться на этой теме, отметим лишь, что именно в сатирических еженедельниках 1905–1907 гг. сложилась целая система символов, позволявших авторам высмеивать царя, правительство, чиновников и прочее, а читателям понимать, о чем идет речь.

С.Р. Минцлов опубликовал сведения о 84 сатирических изданиях, выходящих только в Петербурге в это время, пояснив, какие выпуски из них были запрещены и конфискованы властями [10]. Библиограф отмечает, что большинство еженедельников и сатирических листков успевало выпустить всего по несколько, а некоторые – по одному номеру («Деятели», «Паяцы», «Яд» и др.) При этом он уточнил, что в северной столице выходили сатирические журналы и на других языках, например, на еврейском: «Из них отмечу “Дер Шейгец” («Сорванец» – *Е. Б., И. И.*), единственный первый № которого был конфискован и в настоящее время редок» [10].

Обилие сатирических изданий привлекло внимание мемуариста: «На Невском проспекте буквально нет прохода от всякого возраста субъектов, выкрикивающих и предлагающих каждый день все новые и новые юмористические журналы и газеты. Плодятся, как грибы, теперь!» (2 декабря 1905 г.) [8].

В записях, относящихся к последующим 1907–1909 гг., речь в основном идет о закрытии тех или иных изданий и об усилении цензурного надзора: «Новый год ознаменуется смертью нескольких заслуженных журналов: прекращаются “Минувшие годы”, “Юный читатель”, умрут, вероятно, “Всходы”, “Родник” и др.» (22 декабря 1908 г.); «Прекратилось продолжение “Товарища”, “Нашей газеты”; вообще всюду дела идут плохо» (10 мая 1909 г.) [Там же].

Таким образом, проанализировав мемуары С.Р. Минцлова, можно сделать вывод о том, что пресса играла важную роль в жизни общества первого десятилетия XX века. Она во многом отражала состояние государства, поскольку вынуждена была следовать его политике в данной области. Её зависимость от государственных институтов приводила к утрате доверия и к насмешкам со стороны интеллигенции. Но всё же газеты и журналы были спутниками просвещенных людей, поскольку, даже не веря публикациям, они обращались к печати за новостями.

Эпоха, предшествовавшая революционным потрясениям 1917 г., оставила множество мемуаров, авторы которых донесли до нас атмосферу тех лет, надежды и страхи, переживания и радости современников. Мемуарная книга С.Р. Минцлова – важный штрих в картине жизни тех лет и в истории отечественной журналистики.

Список литературы

1. Аверченко А. Т. Мы за пять лет. Материалы [к биографии]. 1913 [Электронный ресурс] // Русская литература. URL: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_1913_my_za_ruat_let.shtml. (Дата обращения: 13.06.2017.)
2. Брызгалова Е. Н. Сатирические «тонкие еженедельники» в дореволюционной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 113–119.

3. Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917): уч.-мет. комплекс. М.: Флинта; Наука, 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://journ.brusov.am/wp-content/uploads/2010/09/7.pdf>. (Дата обращения: 09.06.2017.)
4. Короленко В. Г. Петербург смеется // Полтавщина. 1906. № 1.
5. Кранихфельд В. О. О русской сатирической журналистике // Мир Божий. 1905. № 12. Отд. 2. С. 118–119.
6. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: уч. пособие. М.: Флинта, 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://evartist.narod.ru/text1/84.htm>. (Дата обращения: 09.05.2017.)
7. Мачинский В. Мелкие журналы // Современная жизнь. 1906. № 5. С. 55–68.
8. Минцлов С. Р. Петербург в 1903–1910 годах. М.: Salamandra P.V.V., 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1031068/Minclov_-_Peterburg_v_1903-1910_godah.html. (Дата обращения: 12.06.2017.)
9. Минцлов С. Р. 14 месяцев «свободы печати». 17 октября 1905 г. – 1 января 1907. Заметки библиографа [Электронный ресурс] // Былое. 1907. № 3. Март. С. 122–134. URL: <https://history.wikireading.ru/286391>. (Дата обращения: 23.05.2017.)
10. Минцлов С. Р. Сатирические журналы // Книгохранилище С. Р. Минцлова. СПб.: Тип. Л. Я. Гинзбурга, 1913. С. 128–235.
11. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. 304 с.

ST. PETERSBURG PRESS IN 1905: THE EYES OF A CONTEMPORARY

E. N. Bryzgalova, I. E. Ivanova

Tver State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

An analysis of the memoirs of S. R. Mintslov “Petersburg in 1903–1910 years” is given in the article. The author of the memoirs not only describes the events that took place, but also tells how they were reflected in the press publications. This became the subject of study in this paper.

Keywords: *memoirs, revolution 1905 – 1907, newspaper, magazine, S. R. Mintslov.*

Об авторах:

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.

ИВАНОВА Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ivvairina@mail.ru.

About the authors:

BRYZGALOVA Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.

IVANOVA Irina Evgenjevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ivvairina@mail.ru.

УДК 070:654.197

**ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ:
РОССИЙСКАЯ ВЕЩАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕКАНАЛА «РОССИЯ-1»**

М. Б. Бычкова

Тверской государственной университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье на примере программной политики телеканала «Россия-1» выявляются функции телевидения, ставшие приоритетными на современном этапе развития журналистики. Указывается на то, что в настоящий момент самыми востребованными функциями российского телевидения становятся развлекательная и пропагандистская, в то время как информационная, просветительская и др. функции либо подменяются вышеуказанными, либо реализуются в небольшом объеме.

Ключевые слова: журналистика, телевидение, функции журналистики, телеканал «Россия-1».

Телевидение «может учить, просвещать, даже вдохновлять. Но только при условии, что люди хотят использовать его в этих целях. В противном случае телевидение – это просто куча ящиков, начиненных лампами и проводами» [4], – так о телевидении высказался Эдвард Мэроу, один из крупнейших журналистов в истории. Фраза эта подчеркивает прямую зависимость социальных функций телевидения от потребностей людей.

С другой стороны, на телевидение возлагается большая ответственность, ибо оно обладает огромным влиянием на формирование представлений о мироустройстве в сознании потребителя. Уже в 1940-х годах в США была сформулирована теория социальной ответственности журналистики, центральная мысль которой заключалась в том, что «медиа должны соотносить свою независимость с долгом перед обществом... Медиа играют важную роль в жизни общества, особенно в отношении демократической политики, принимая на себя обязательства по обеспечению условий для выражения разных точек зрения (в том числе в вопросах культуры), сочетая максимальную самостоятельность с обязательствами перед обществом» [1, с. 18].

Несмотря на развитие новых технологий, повсеместное распространение интернета с безграничными возможностями поиска ответов на всевозможные вопросы, телевидение в России остается основным источником информации. Это следует из опроса «Левада-центр», согласно которому 85 % респондентов о событиях в стране и мире узнают именно по телевизору [8]. На столь высокий процент не смог повлиять даже тот факт, что в последние годы значительная часть аудитории, не удовлетворенной качеством выдаваемого на экран продукта и подачей новостных материалов, полностью отказывается от просмотра отечественного телевидения, предпочитая ему альтернативные источники информации, такие как интернет-СМИ и независимые от государственного финансирования печатные издания.

Возникает интересная тенденция: с одной стороны, телевидение перестает удовлетворять привычные потребности телезрителя, сформированные долгими го-

дами и всей историей своего существования, с другой стороны, этот факт не является решающим в предпочтениях или не-предпочтениях зрителя, потому что на смену привычной информационной приходят иные функции, ранее второстепенные, но в угоду времени ставшие востребованными и, как следствие, приоритетными.

Трансформация традиционных функций журналистики, их приоритетность рассматривались на примере крупнейшего российского телеканала «Россия-1». Данный телеканал был выбран в качестве объекта неслучайно: он является обязательным, общедоступным, вторым по популярности после «Первого» и официально считается российским государственным телеканалом. Он входит в состав Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) и является ее основным каналом. В настоящее время его аудиторию составляет 98,5 % населения России и более 50 миллионов телезрителей в странах СНГ и Балтии [5]. Все это позволяет говорить о канале «Россия-1» как о площадке для продвижения идей государственного масштаба.

При анализе программной политики канала «Россия-1» с целью выявления приоритетных функций был использован классификатор программ, разработанный при участии кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ [3, с. 214].

С нашей точки зрения, все телепередачи «России-1» можно распределить по нескольким группам. Первый тип программ – это информационные (новостные) программы, регулярно сообщающие о текущих событиях и содержащие от 8 до 20 эпизодов («сюжетов», репортажей, устных сообщений). На «России-1» это «Вести» и «Вести. Местное время», «Вести в 20.00», «Вести недели», «Вести в субботу» [6]. Новостные программы являются прямыми носителями информационной функции. Влияние на общество, на формирование приоритетов и идеалов средства массовой информации осуществляют прежде всего посредством инициирования информационного процесса, что, в свою очередь, позволяет определенным образом координировать общественное мнение [7, с. 105].

Тематика новостных программ на «России-1», традиционная для любых новостных передач, – это текущие события внутри страны и за ее пределами. Обращает на себя внимание пафос подачи материалов. Если речь идет о ЧС, то непременно подчеркивается слаженность всех служб по борьбе с бедствием, личный контроль президента. Новости из других стран в подаче «России-1» выглядят примерно так: за рубежом неспокойно, опасно для жизни, люди выходят на митинги протеста, а природа то и дело угрожает очередным катаклизмом.

Неотъемлемой частью новостных выпусков является освещение деятельности главы государства, премьер-министра и других лояльных к власти политиков. Анализ программы «Вести» позволяет сделать предположение, что даже информационная функция для нее является вторичной и уступает место пропагандисткой. Журналисты в новостных материалах позволяют себе довольно жесткие оценки в том, что касается европейских стран и Украины. Деятельность России преподносится в исключительно позитивных тонах, а Запад в подаче «Вестей» выглядит перманентно гибнущей цивилизацией.

Следует заметить, что канал «Россия-1» является единственным в нашей стране, под логотипом которого в постоянный эфир выходят не только федеральные, но и региональные выпуски. В Тверском регионе это «Вести. Местное время». Приоритетными в данном случае являются вопросы города Твери и области. В подаче новостных материалов выпуски стараются следовать традициям программы «Вести».

«Вести недели» – еженедельная итоговая информационно-аналитическая программа с Дмитрием Киселевым. Она выходит по воскресеньям в 20.00. Программа известна жесткими высказываниями ее ведущего в адрес Европы, США и западных ценностей. Программа реализует пропагандистскую функцию. «Вести в субботу» – программа во многом следует традициям «Вестей недели», но уже с Сергеем Брилёвым в роли ведущего. Отличается несколько большей сдержанностью в высказываниях, но также реализует пропагандистскую функцию.

Второй тип программ – это публицистические программы: очерки, ток-шоу, репортажи, освещающие социальные проблемы, проиллюстрированные конкретными примерами, призывающее к их решению и открыто апеллирующие к общественному мнению. На канале «Россия-1» это «Андрей Малахов. Прямой эфир», «60 минут», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Вечер с Владимиром Соловьевым» [6].

Общественное ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир» с ведущим Андреем Малаховым, выходящее на телеканале «Россия-1» с понедельника по пятницу в 18:00, является прямым аналогом программы «Пусть говорят» «Первого» канала. Самыми частыми темами для обсуждения в студии являются скандалы и другие события из жизни «звёзд» шоу-бизнеса: разводы, попавшие в СМИ пикантные снимки, обвинения в занятиях проституцией, избиения и т. д. Кроме того, периодически в передаче рассматриваются нашумевшие истории о подростковой жестокости, громкие преступления, вопрос лишения материнства и другие события, вызывающие общественный резонанс. Это эмоциональное ток-шоу, призванное развлечь и отвлечь. Выполняет рекреативную и манипулятивную функции.

В ток-шоу «60 минут» обсуждаются социально-политические темы. Ведущий ток-шоу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» заявляет, что в ней уже не сталкиваются две полярные точки зрения, как это было ранее в «Поединке», а представлен более широкий круг мнений [Там же]. Программа реализует как социально-пропагандистскую тему (по-прежнему звучат все те же штампы в адрес Европы, США и Украины), так и социально-педагогическую.

Анализ реализуемых данными программами функций оказался непростой задачей. Некоторые передачи формируют общественное мнение и в разной степени реализуют социально-педагогическую функцию, другие несут культурно-просветительскую функцию, а иные, хотя и берут за основу социальные проблемы, апеллируют к эмоциям и являются по большей части рекреативными.

Третий вид программ – познавательные-развлекательные. К такому типу программ относятся ток-шоу, обозрения текущих событий, транслирующиеся преимущественно по утрам. Это «коктейль» из интервью со знаменитостями, информации, полезных советов и пр. На канале «Россия-1» это «Утро России», «О самом главном», «Удивительные люди-3» [Там же]. На канале «Россия-1» есть прямой аналог передачи «Доброе утро», выходящей на «Первом». В отличие от своего прямого наследника, программа «Утро России» выходит в более строгом и сдержанном формате, и здесь уже можно говорить о том, что наряду с развлекательной она действительно качественно воплощает и информационную функцию. Также в обозреваемый период можно было наблюдать программу о здоровье – «О самом главном».

Существенным же отличием от «Первого» канала является большое число передач, которые могли бы стать культурно-просветительскими и популяризировать интерес к науке, но ввиду своего формата, сдвигающего акценты в сторону сенсационности и чрезмерных упрощений, они являются скорее развлекательными и реали-

зуют рекреативную функцию. Это такие программы, как, например, «Удивительные люди-3».

Четвертый вид программ – культурно-просветительские – драматургически выстроенный рассказ и показ духовных ценностей, созданных человечеством. На канале «Россия-1» выходит от двух до пяти культурно-просветительских программ в неделю. На экране их можно увидеть либо рано утром, либо поздно ночью. Это, например, «Москва. Кремль. Путин», «Святой Спиридон», «Судьба человека с Борисом Корчевниковым» и другие [Там же]. На канале «Россия-1» выходит довольно много документальных фильмов, но далеко не все они реализуют культурно-просветительскую функцию. В этом отношении выгодно отличается цикл передач «Судьба человека с Борисом Корчевниковым». Каждый фильм представляет собой личную историю известного актера, политика или «простого человека с непростой судьбой» [Там же]. Это рассказ о пережитых испытаниях, неожиданных поворотах судьбы, успехах и неудачах.

Пятый вид – детские программы – система направленных программ, адресованных зрителям дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста. Цель – всестороннее воспитание и образование, социализация подрастающего поколения. Детских программ на канале «Россия-1» нет, вероятно, потому что все они были перенесены на канал ВГТРК «Карусель».

Шестой вид – спортивные программы – это информация о результатах соревнований и комментарии к ним, полные трансляции матчей или подробные репортажи о спортивных мероприятиях. Однако «Россия-1» транслирует данный тип программ не каждую неделю.

Седьмой вид – художественные (игровые) кинофильмы от 1 до 12 серий. Они могут являться самостоятельным элементом телевизионного дня либо сопровождаться культурно-просветительной беседой, рассказом об обстоятельствах создания фильма, об историческом контексте в соотнесении с сегодняшним днем. На телеканале «Россия-1» в период с 17 по 23 сентября 2018 года транслировались такие художественные фильмы, как «Пока смерть не разлучит нас», «Теща-командир», «Это моя собака», «Под дождем не видно слез», «Мое сердце с тобой», «Ожерелье» [Там же]. Значительная часть фильмов по содержанию скорее напоминает малобюджетные сериалы: плохо проработанные сюжеты, неинтересные диалоги, слабая игра исполнителей ролей. Тематами таких «проходных фильмов» чаще всего являются бытовые истории: об изменах, несчастных судьбах, детективных приключениях с криминальной подоплёкой и т. д. Их мало что отличает от многосерийных аналогов, которые принято называть «мыльными операми», по своему содержанию они являются их наследниками. Художественные фильмы и сериалы реализуют множество функций. Кино может просвещать, воспитывать, давать новую информацию, формировать мировоззрение, но в данном случае главной все же является рекреативная функция.

Восьмой вид – многосерийные телефильмы (сериалы, «мыльные оперы»). Данный тип фильмов необходимо отделять от художественного кино. Функция такого продукта – дешевое (в прямом и переносном смысле) развлечение. В одних и тех же декорациях разыгрываются стандартные ситуации. На канале «Россия-1» это «Пыльная работа», «Лорд. Пес-полицейский», «Сваты-2012», «Морозова», «Аква-рели», «Принцип Хабарова», «Личное дело» [Там же]. На канале выходит много сериалов, и это отличает «Россию-1» от «Первого» канала. Данный тип программ реализует рекреативную функцию.

Девятый вид – развлекательные программы – эстрада, цирк, легкая музыка, игры. На канале «Россия-1» под данный вид подпадают «Субботний вечер с Николаем Басковым», «Юморина», «Смеяться разрешается», «Сам себе режиссер», «Смехопанорама Евгения Петросяна», «Утренняя почта», «Сто к одному», «Пятеро на одного», «Когда все дома с Тимуром Кизяковым», «Привет, Андрей!» [Там же]. На канале «Россия-1» практически нет развлекательных программ, которые бы отвечали требованиям зрителей. Об этом свидетельствует рейтинг ста наиболее популярных программ [2]. В первую десятку вошла лишь одна программа данного канала – «Вести недели». И все же названные выше развлекательные программы направлены на реализацию рекреативной функции.

Обзор телепередач канала «Россия-1» позволил сделать следующие выводы. В части информирования населения, создания общественного мнения и мировоззрения «Россия-1» работает как проводник государственной политики и активно реализует пропагандистскую функцию.

Значительное число развлекательных программ, вероятнее всего, нацелено на сознание сильно усредненного зрителя, часто неспособного критически оценить ситуацию. Об этом можно судить по наполненности канала сериалами, зачастую низкого качества, а также фильмами, которые практически лишены художественной составляющей. О том, что канал мало заботится о повышении интеллектуального и культурного уровня зрителя, а также уровня образования подрастающего поколения, можно судить по практически полному отсутствию образовательных и культурно-просветительских программ. Вместо них зрителю предложены сенсационные псевдонаучные передачи и документальные фильмы, выстроенные по принципу бульварных детективов.

На канале «Россия-1» практически невозможно услышать реальную дискуссию, а альтернативная точка зрения подается лишь для публичного осуждения.

Краткий анализ программ и реализуемых ими функций показал, что современное отечественное телевидение по своей сути не является общественным институтом, направляющим свою деятельность на воспитание граждан, повышение интеллектуального и культурного уровня аудитории. Кроме того, он показал, что телевидение редко создает объективное представление о реальности и вместо информирования часто занимается пропагандой. Тотальное доминирование на экране программ рекреативной направленности позволяет сделать вывод: телевидение в России чаще всего служит средством развлечения населения, а также реализует манипулятивную функцию, отвлекая аудиторию от реальных проблем.

Список литературы

1. Бакулев Г.П. Основные концепции массовой коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002. 176 с.
2. Данные исследований аудитории СМИ [Электронный ресурс] // TNS Россия. URL: <http://www.tns-global.ru/>. (Дата обращения: 25.08.2018.)
3. Кузнецов Г.В., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика. М.: Изд-во Московского университета, 2002. 304 с.
4. Мэроу Эдвард [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=77662421>. (Дата обращения: 09.09.2018.)
5. Официальный продавец рекламы на каналах ВГТРК [Электронный ресурс] // URL: <http://rtr-mediav.ru/en/russia1>. (Дата обращения: 20.08.2018.)

6. Официальный сайт телеканала «Россия-1» [Электронный ресурс] // Россия-1. URL: <https://russia.tv/>. (Дата обращения: 23.09.2018.)
7. Поберезникова Е. В. Телевидение взаимодействия. Интерактивное поле общения. М.: Аспект-Пресс, 2004. 224 с.
8. Телевидение выходит из поля зрения [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/2015/12/16/televidenie-vyhodit-iz-polya-zreniya/>. (Дата обращения: 27.08.2018.)

**FUNCTIONS OF MODERN TELEVISION:
BROADCASTING OF THE RUSSIAN MODEL
ON THE EXAMPLE OF THE TV CHANNEL «RUSSIA-1»**

M. B. Vyckova

Tver State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article on the example of the program policy of the TV channel “Russia-1” reveals the functions of television, which have become a priority at the present stage of development of journalism. It is pointed out that currently the most popular functions of the Russian television are entertainment and propaganda, while information, educational and other functions are either replaced by the above or are implemented in a small volume.

Keywords: *journalism, television, functions of journalism, TV channel “Russia-1”.*

Об авторе:

БЫЧКОВА Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: marby@yandex.ru.

About the author:

BYCHKOVA Mariya Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zheluabov str., 33), e-mail: marby@yandex.ru.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 378.1

ЯЗЫК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

А. О. Велижанина, И. Е. Волков, В. О. Волкова

Нижегородский государственный технический университет
кафедра методологии, истории и философии науки

Данная работа представляет собой исследование языка как социокультурной конструкции. В образовательной деятельности проблема общекультурного устройства человека сталкивается с воздействием на него технологизации, которая предполагает упаковывание человеческой природы в заранее установленные рамки, что проявляется и в речи, в том числе в замене русских выражений иностранными словами. В современной ситуации назрела потребность в определении важнейших основ образовательной деятельности, связанных с культурой и нравственностью, источником которых в сознании индивидов является язык.

Ключевые слова: язык, социокультурная конструкция, образовательная деятельность, высшая школа.

В современной ситуации назрела потребность в определении важнейших основ образовательной деятельности, связанных с культурой и нравственностью, источником которых в сознании индивидов является язык, обладающий неограниченными возможностями воспроизведения как культурных, так и нравственных содержаний. В гуманитарных науках данная позиция находит свое выражение в проблеме языка как источника мысли [6, с. 399].

Язык как источник мысли является основой генерализации направленности человека на производство идей, скрытых смыслов, мифологической действительности, «поскольку эмпирические процессы мышления крайне сложны и представляют собой переплетение массы разнородных явлений» [8, с. 188]. Принципиальная направленность на производство идей связана с историей мышления. Вначале она зависела от практической необходимости осуществлять вещественную деятельность, результаты которой, много раз повторяемые, фиксировали в сознании необходимую связь между предметами «как необходимый результат изменений», производимых этой деятельностью [Там же, с. 189–190]. Затем получаемый опыт координации предметов переносился в условия, когда предметы не зависят от практики. Человек обучается способности устанавливать координации в мышлении, отображая для себя обобщенные мысленные содержания этой деятельности как логические формы, но с условием некоторого обобщения, которое переключает сферу логического процесса в методологическую сферу образовательной деятельности. Собственно, в области методологии возможно включение в образование духовной практики, которая оформляет образ культурно-исторического устройства человека на основе углубленного «отождествления особенностей психического с сущностью космического» [7, с. 115].

В образовательной деятельности проблема социокультурного устройства человека сталкивается с воздействием на него технологизации, которая предполагает бесконечность власти над человеческой природой, ее упаковывание в заранее установленные рамки, а главное – подчинение целям, привнесенным со стороны во внутренний мир человека. Технологическое воздействие на человека проявляется в том числе и в литературном языке, в его смысловом свертывании, что видно, например, при замене русских языковых выражений иностранными словами.

Особое значение технологизация обретает в высшей школе. Студенческая среда уже интеллектуально переструктурирована на технологический язык, преобразующий сознание в виртуальное инобытие. Среда преподавателей высшей школы консервативна, что с трудом позволяет налаживать связи взаимного понимания этих двух сред. Самое главное – расхождение в языках. Язык виртуальной действительности агрессивен в отношении традиционных речевых операций формирования смысла. Противоречие усугубляется тем, что язык информационных технологий уничтожает традиционную речь, а с ней и духовное содержание достижимого с ее помощью смысла, прагматическим умонастроением, сопровождающим общее обесмысливание когнитивного развития личности в условиях высшего профессионального образования. Возрождается старая модель бихевиоризма – один стимул равно одна скудная фраза.

Вместе с тем концепция культурного наполнения языка и его действительность не является новой в истории культуры. В современных условиях открывается инновационный ресурс, скрытый в способности языка выражать смысл оптимально точным образом, генерируя социокультурную направленность человека в схемах, моделях, символах при любой технологической репрезентации. Жизненная сфера языка, несмотря на структурно-технологические трансформации, остается сферой гуманитарной безопасности человека.

В гуманитарных науках создана специальная «зона обороны», называемая поэтикой, которая остается прибежищем смысла и конкретным выражением духовного конструирования, в которой разделы языкознания «расходятся от слова и сходятся к слову» не только в научной, но и интуитивно данной, первичной категории языка [13, с. 471]. Современные ученые так раскрывают эту мысль: язык «самым интимнейшим образом участвует в образовании понятий» [10, с. 24].

Следует отметить, что особый статус языка проявляется в соединенности с русским мировосприятием, ментальностью, склонностью русского человека и его философии к встрече с неожиданным и завораживающим на первых подступах к самой возможности помыслить обстоятельства, которые раскрываются в странности, чудотворчестве, отдалении от привычек и банальности. А.Ф. Лосев говорил о «тайне первого зачатия мысли», когда выведение категорий разума из до-категориальной основы «несет с собою неразрешимую тайну, отбросить которую нельзя» и «превратить ее в ясно и отдельно решаемую задачу тоже нельзя». Тайна первого зачатия мысли, как утверждал А.Ф. Лосев, происходит в таинственной и «волшебной» обстановке, когда откуда-то возникает «светящаяся точка бытия», вокруг которой «закопошилась», заволновалась бездна и «хаос бытийных возможностей», превращаясь во «вселенское игрище воспламененного разума» [6, с. 402–408]. Следовательно, по-настоящему мыслить, развиваться человек может только при условии своего включения в общечеловеческое единение, скрытое в культуре, искусстве и, главное, – в данности ему родовым образом языка, открывающего в образовательной деятельности человеку образ своего «Я» [4].

Современная ситуация, сложившаяся в образовании, все более напоминает интервенцию западной ментальности в отечественное умонастроение. Мы не будем углубляться в эту проблематику, которая на уровне первичных интуиций известна всем профессионалам-педагогам, выращенным в советской образовательной системе и упорно сохраняющим традиции отечественной культуры в передаче собственного настроения ума, что пока ещё сопровождает образовательную деятельность, которая предстает священным, хотя и виртуальным феноменом воздействия на внутренний мир человека [2].

Под социокультурными конструкциями образовательной деятельности понимаются те ее области, для понимания которых требуется усилие отстранения от повседневности внешних обстоятельств, обращение к метапредметности, размышлению, углубленному восприятию действительности, превращенному в выразительные формы языка, неотделимые от мыслительного творчества, с одной стороны, и чувственной выразительности речи, с другой.

Разнообразие средств языка человека выступает в исследовательском пространстве педагогики в роли *личностного центра сознания* [12, с. 102], сохраняющего в себе лучшее, что дано человечеству в целом.

Социокультурное бытие личности выражается в сложном структурировании духовно-практической компетенции, следствием которого является многогранное личностное образование как созвучие регистров человеческой природы – физических, психических, чувственных, рациональных [3]. При этом представление о «созвучности регистров» можно раскрыть, например, с помощью современной «фрактальной семантики» – концепции XXI века, где лингвистические идеи синтезируются с идеями естествознания и философии. Фрактал в лингвистике – образование, подобное монаде Лейбница, когда множественность смыслов составляет источник их внутреннего действия [9].

Образовательная деятельность – обобщенное понятие, включающее действия педагогов и учащихся во всем комплексе, как во внешнем контуре, так и в контуре внутреннем. Она сложна, ее состав может быть представлен формализованными критериями (внешний контур), сущностными критериями (внутренний контур) и критериями перехода (феноменологический уровень бытия личности) из внешнего контура во внутренний.

Внешний контур составляет набор процедур, которые мы видим в аудитории, студенческих работах, контролирующих процедурах. Внутренний контур складывается благодаря размышлениям, философствованию, рефлексии о том, что реально происходит в жизни педагогов и учащихся в моменты их встречи и ее педагогической подготовки, что ведет к необходимости отдельной проработки уровня феноменологии.

Педагогика высшей школы должна утверждаться как общегуманитарная дисциплина, так как источник ее внешнего контура закладывается во внутренней лаборатории педагога, в ее методологии как метапредметного педагогического фундамента. Внешний контур будет эффективным для развития человека, а тем более для становления профессионала, только при вложении социокультурных усилий в контур внутренний. Именно тогда смысл образования – нахождение человеком своего «образа» – совпадет с целью образовательной деятельности.

Смысл и «ткань» общения студентов и педагогов опознается не в телесном опыте созерцания внешних обстоятельств (пришли, поздоровались, сидим, рассказываем, отвечаем, учимся), а в опыте усмотрения и переживания того, что происходит в движении от внешнего к внутреннему.

Взаимоотношения «студенческой среды» с сознанием, технологически преобразованным в виртуальное инобытие, предъявляет к преподавательской среде императивные требования к внутреннему изменению. Пространством углубленного диалога двух «сред» становится язык, предрасположенный к пониманию и выражению скрытых потенций взаимодействия «личностных центров сознания» как студентов, так и педагогов. Каждый шаг «внешней встречи» связан с появлением феноменологического уровня, когда восприятие переходит от внешнего очевидного обстоятельства к внутреннему углубленному, где формируются способности рассуждать, входить в состояния размышления, умственного рассмотрения предмета.

Феноменологический уровень связан с операциями поиска смысла, его нахождения и воздействия на развитие человека и создается в процессе познания особой действительности, которая отличается как от объективной, так и от субъективной представленности обстоятельств. На этом уровне язык составляет остов живой речи, опосредует собой психические содержания, упорядочивает вербальное общение, наполняя его знаковой, образностью, символическими паттернами. Именно при включении феноменологического уровня традиционный язык преподавательской среды «врезается» в язык виртуальной действительности сознания студентов, начинает суггестивное переформулирование мыслительной направленности, восстанавливает связь поколений не передачей информации, а обоюдным умственным возвращением «зачатий мысли» в совместном размышлении над предметами изучения.

Соприкоснувшись с феноменологическим уровнем образовательной деятельности, человек обретает возможность сделать личное «открытие» как результат собственных рассуждений, сосредоточенного осмысления, озарения. Любой предмет изучения при включении феноменологического уровня становится предметом исследования.

Западная философия интерпретирует эту возможность как «событие». Французский феноменолог Клод Романо утверждает новый тип реальности, исключая деление на субъект, объект и отношения между ними. Следуя идеям М. Хайдеггера и Э. Левинаса, он говорит, что в существовании человека особое значение обретает глагол «быть» не как самостоятельная сущность, но как бытие-событие [11, с. 53], в котором открываются чувства и приходит понимание смысла существования, становящиеся действующими персонажами образовательного тренда, проявляющиеся в языке и в слове как в его выразительной стихии.

Русская философия дает свою интерпретацию этого типа реальности как символической, где слово – символ, означающий соединение внутренних феноменов (переживания, чувства) с когнитивной деятельностью осознания событий внешней действительности и его трансформации, в нашем случае, в педагогические действия.

Конструкция языка опирается на два взаимозависимых основания: языка как когнитивной системы и языка как живого творчества. Связь этих двух оснований создает базу аналитического управления не только речью, но и сферой воздействия на психику учащегося. При этом сохраняется одна сокровенная черта языка: язык воплощает в себе определенность человеческого бытия как «наличности» [5, с. 127]. Но мир не сводится к наличности. Он много больше того, что мы видим и слышим вокруг. Следовательно, язык является формой проецирования в мир Всеединства, а также собирания людей как саморазвивающихся через язык личностей.

Язык, в отличие от акустически и визуально материализованной речи, «зрится умом», готовым или не готовым к этой «встрече». Можно предположить:

насколько готов наш ум, наше сознание воспринять «мысли» языка, настолько он их качественно и столько количественно получит. «Вот неожиданная кибераналогия: родной язык – *пользователь*, а сам человек – его *компьютер*» [14, с. 4].

Язык, существующий скрытно, способен или/и должен проявиться при определённых условиях. Каковы эти условия проявления языка? Предполагаем, что опять-таки это – степень готовности и необходимости человеческого сознания воспринять исконные смыслы родного языка [1]. Язык не зависит от внешних, а существует и развивается по своим, то есть объективным законам, как, собственно, и всё окружающее человека и не созданное его интеллектом. В языке не существует ни архаизмов, ни историзмов, ни неологизмов (вот такое парадоксальное утверждение), язык – система с безграничным потенциалом, возможностями, которые, скажем так, «даются просящему».

Получается, что по сути единственное действие, которое имеет право человек совершать по отношению к языку, если, конечно, мы хотим жить и развиваться, самореализовываться гармонично, не нарушая, а созидая, изживая из себя горделиво-несозидательную позицию по отношению к окружающему миру, в том числе и к языку, – познавать, осваивать, вертикально подниматься к сути объективного явления.

Понимание в отношении своего выражения в языке создает пространство когнитивного моделирования культурного содержания знания. Оно обозначает духовную реконструкцию знания путем «попадания», «погружения» в сознание человека. Собственно «образование» опирается на этот факт сопричастности человека современному ему социуму и жизни в нем (социуме) культуры как таковой. Без этого погружения знание формализуется, а человек не будет иметь потребности в его реализации. Тогда и понимание будет частичным, временным и не будет соответствовать образовательной миссии.

Сообщение, попадающее в поле образовательной коммуникации, должно содержать в себе возможность понимания, что необязательно определяет факт реализации этой возможности. Возможность понимания предполагает «схватываемость» порождающего знания начала и способы его развертывания. Конструкция языка позволяет выделить образные и схематические когнитивные модели как естественные выразительные описания конкретных концептуальных форм знания, трансформирующих понимание событий внутреннего (сущностного) образовательного контура.

Данный образовательный контур должен выражать стремление к профессии, которая осваивается в понимании профильных текстов, являющихся также результатом естественной обработки языковых данных, относящихся к конкретной профессиональной деятельности. Наряду с понятийным аппаратом науки, на базе которой сформирована профессия, будущий специалист вынужден осваивать в вузе навыки построения когнитивных моделей отдельных профессиональных ситуаций. К сожалению, этот аспект в современной педагогике высшей школы представлен недостаточно.

Вместе с тем профессиональные когнитивные модели речевой активности составляют архитектуру феноменологического уровня при овладении любой профессией. В образовательную деятельность необходимо вводить методологию разработки этой архитектуры, так как именно на этой базе мышление человека оформляет личностный центр сознания посредством концептуальных систем языка как форм единой духовной конструкции человека. Профессионалом человек стано-

вится тогда, когда вживание в профессиональный язык совмещается с когнитивным моделированием схематизмов осознания материала обучения конкретной деятельности.

В итоге отметим, что основными чертами образовательной деятельности в вузе могут быть признаны те, которые своим источником имеют соединение когнитивных способностей людей с переживанием непознанного интимного характера языка, а именно: 1) направленность человека на идеи, скрытые смыслы, образы, метафоры и т. д.; 2) соединенность с русским мировосприятием, ментальностью, первичной данностью языка в составе культурно-исторической и социокультурной реальностей жизни народа, удерживающего свое национальное единство при помощи своих, а не чужих слов; 3) разнообразие способов (средств) применения языка, интерпретации, обуславливаемое личной потребностью, интересом как жизненной ситуации, так и конкретной личности; 4) возможность сделать личное «открытие» как результат собственных рассуждений, сосредоточенного осмысления, озарения.

Список литературы

1. Велижанина А. О. Духовно-воспитательный компонент житийной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 140–146.
2. Волков И. Е. Социокультурное оформление воздействия виртуальной реальности на духовный мир человека // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 4. С. 50–54.
3. Волкова В. О. Духовная симфония человека: неклассический смысл. СПб.: Алетейя, 2014. 184 с.
4. Волкова В. О. Онтологическая категория «Я» в образах прошлого, настоящего, будущего // Антропологическая аналитика: сб. науч. тр. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т, 2015. С. 5–14.
5. Деррида Ж. О грамматологии. М.: AdMarginem, 2000. 511 с.
6. Лосев А. Ф. Самое самó // Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 299–526.
7. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
8. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
9. Петряков Л. Д. Методологические перспективы фрактальной семантики // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2017, № 8 (2). С. 148–153.
10. Портнов А. Н. Роль языка в осознании действительности // Уч. зап Ивановского гос. ун-та. Т. 131. Диалектика сознания и познания. Иваново, 1974. С. 19–27.
11. Романо К. Авантюра времени. М.: РИПОЛ классик, 2017. 220 с.
12. Смирнов Г. С. Философия языка: парадигмальная транзитивность в творчестве А. Н. Портнова // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 8 (2). С. 98–105.
13. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 616 с.
14. Язык наш: поводырь наш в рай или в ад. СПб.: Изд-во Л. С. Яковлевой, 2001. 335 с.

**LANGUAGE AS A SPIRITUAL DESIGN OF EDUCATIONAL ACTIVITY
IN THE HIGH SCHOOL**

A. O. Velizhanina, I. E. Volkov, V. O. Volkova

Nizhny Novgorod State Technician University
the Department of Methodology, History and Philosophy of Science

This work studies language as a sociocultural structure. The problem of the general cultural organization of a person is faced in educational activity with the impact of technologicalization that involves packaging human nature in a pre-established framework, which is evident in speech, including the replacement of russian language expressions by foreign words. In the current situation, there is a need to define the most important foundations of educational activity related to culture and morality, the source of which in the minds of individuals is language.

Keywords: *language, sociocultural structure, educational activity, higher school.*

Об авторах:

ВЕЛИЖАНИНА Анна Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета (603950, Нижний Новгород, ул. Минина, 24), e-mail: velijanina.anna@yandex.ru.

ВОЛКОВ Илья Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета (603950, Нижний Новгород, ул. Минина, 24), e-mail: vremyanaprokat@gmail.com.

ВОЛКОВА Вера Олеговна – доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета (603950, Нижний Новгород, ул. Минина, 24), e-mail: veravolkova@mail.ru.

About the authors:

VELIZHANINA Anna Olegovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor at the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University (603950, Nizhny Novgorod, Minin str., 24), e-mail: velijanina.anna@yandex.ru.

VOLKOV Ilya Evgenievich – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University (603950, Nizhny Novgorod, Minin str., 24), e-mail: vremyanaprokat@gmail.com.

VOLKOVA Vera Olegovna – Doctor of of Philosophy, Professor at the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University (603950, Nizhny Novgorod, Minin str., 24), e-mail: veravolkova@mail.ru.

УДК 821.161.1-1

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕМЫ В РОМАНЕ
М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ
(М. ПУШКИНА. «БАЛ У КНЯЗЯ ТЬМЫ»)**

М. Н. Капрусова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
кафедра филологических дисциплин и методики их преподавания

В статье анализируются некоторые аспекты музыкальной темы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Рассматривается связь музыкальных фраз с образами булгаковских героев. Особое внимание уделяется теме вальса в связи с образом Маргариты. В связи с этим аспектом темы рассматривается случай аллюзии на булгаковское решение темы вальса в стихотворении М. Пушкиной «Бал у Князя Тьмы».

Ключевые слова: тема, музыка, аллюзия, персонаж, анализ, образ, мотив, рок-поэзия, диалог.

Музыкальная тема представлена в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» достаточно широко, и об этом немало писалось [16; 13, с. 286–289, 300–302; 4, с. 37, 39–41, 42, 47 и др.; 1, с. 127–128, 198–199, 210–211 и др.; 14, с. 285–288; 9, с. 133–137; 10; 5; 12; др.]. Мы остановимся лишь на нескольких моментах и постараемся определить, какую функцию в романе выполняет та или иная музыкальная тема или сцена, затем рассмотрим случай присутствия булгаковской музыкальной темы в «чужом» тексте в виде аллюзии.

В музыкальных произведениях (операх, опереттах и пр.) с каждым персонажем связаны свои музыкальные темы. Как показал анализ, так же построен роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Музыкальная тема Иванушки Бездомного – ария Гремина из оперы «Евгений Онегин», которая сопровождала его во время погони за Воландом и компанией: «Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну». Исполняя эту арию, артисты всегда ставят логическое ударение на слово *безумно*. Не пройдет и часа, как Ивана Бездомного объявят безумным, он попадет в сумасшедший дом.

Музыка Франца Шуберта («Скалы, мой приют...») связана с образом Воланда [5].

Композиция «Аллилуйя» ассоциируется с темой зла в романе, а зло, по Булгакову, как отмечали многие исследователи, коренится не в Воланде, а в самих людях, пишущих доносы, берущих взятки, подозревающих друг друга, не верящих ни в Бога, ни в черта, переставших верить в бессмертие души, зато верящих, что человек произошел от обезьяны. Недаром на Весеннем бале полнолуния выступает не только обыкновенный джаз-оркестр, но и обезьяний джаз.

«На эстраде за тюльпанами, где играл оркестр короля вальсов, теперь бесновался обезьяний джаз. Громадная, в лохматых бакенбардах горилла с трубой в руке, тяжело приплясывая, дирижировала. В один ряд сидели орангутанги, дули в блестящие трубы. На плечах у них верхом поместились веселые шимпанзе с гармониями.

<...> На зеркальном полу несчитанное количество пар, словно слившись, поражая ловкостью и чистотой движений, вертясь в одном направлении, стеною шло, угрожая все смести на своем пути» [2, с. 263].

Эта сцена, по нашему мнению, не столько выражает музыкальные предпочтения автора, сколько, как и в «Собаьем сердце», его отношение к маргиналам, дорвавшимся до власти, к тем, кто, идеологически «слившись», «вертясь в одном направлении», идет «стеною», «угрожая все смести на своем пути».

Полонез связан с Весенним балом полнолуния, его величием. Полонез здесь символизирует торжество вечного бытия (внимание не акцентируется на том, что гости – грешники (для этого звучит «Аллилуйя»), акцент сделан на том, что гости Воюнда – *те*, кто верил в посмертное существование).

Если описание игры оркестра Штрауса выполнено торжественно, приподнято, романтично и благородно, то сцена с джаз-оркестром – сниженно и пародийно (джазбанд «кипятится» в «проломе», а дирижер то и дело хлопает себя по коленкам). Эти сцены противостоят друг другу как духовное и телесное.

Интересно и то, что эти две музыкальные темы в романе борются друг с другом. «Улетая, Маргарита видела только, что виртуоз-джазбандист, борясь с полонезом, который дул Маргарите в спину, бьет по головам джазбандистов своей тарелкой и те приседают в комическом ужасе» [2, с. 255].

Можно согласиться с Т.А. Середухиной, которая считает, что, «в противоположность джазу, лексема *оркестр* поднимает историю *интеллигенции* через упомянутые онимы *Штраус* и *Вьётан*» [18, с. 114].

Следующая важная музыкальная тема – тема вальса. Это музыка, которая ассоциируется с образом Маргариты.

На этой теме мы остановимся особо. С темы вальса начинается у Булгакова мотив внутреннего преображения Маргариты.

Обратимся к главе 20 «Крем Аззелло». Ощувив невесомость тела, Маргарита по сути делает первое танцевальное па – подпрыгивает и на мгновение повисает в воздухе, как будто ее поддерживают руки невидимого партнера, танцующего с ней вольту – танец, предшествующий вальсу [3]. Затем все ее действия в особняке сопровождается музыка, увлекая, не давая задуматься, опомниться: «В это время откуда-то с другой стороны переулка, из открытого окна, вырвался и полетел громовой виртуозный вальс...» [2, с. 225]. «– Сейчас позвонит Аззелло! – воскликнула Маргарита, слушая сыплющийся в переулке вальс. – Он позвонит! А иностранец безопасен. Да, теперь я понимаю, что он безопасен!» [2, с. 225]. «Взмахнув ею (голубой сорочкой – *М. К.*), как штандартом, она вылетела в окно. И вальс над садом ударил сильнее» [2, с. 226]. «– Прощай, Наташа! – прокричала Маргарита и вздернула щетку. – Невидима! Невидима! – еще громче крикнула она и между ветвями клена, хлестнувшими ее по лицу, перелетев ворота, вылетела в переулок. И вслед ей полетел совершенно безумевший вальс» [2, с. 227]. Как видим, вальс у Булгакова – такое же действующее лицо в этой сцене, как, например, Аззелло. Вальс лишает Маргариту страха, вальс зовет ее на безумства. Музыка олицетворяет Маргариту: она, как и вальс, вырывается на волю, прочь из комнаты, из плена старой жизни. И музыка направляет ее. Откуда прилетел этот вальс? Из обычной комнаты? А может быть, из квартиры № 50, где «король вальсов» уже дирижирует своим удивительным оркестром?

После 20-й главы больше вальс в романе упоминаться не будет. Но он продолжает звучать в душе Маргариты, заглушая реальную музыку. Маргарита, образно говоря, слышит свой «Мефисто-вальс». Ф. Лист и его «Мефисто-вальс» упоминаются в черновиках романа [15, с. 533].

Итак, именно вальс является преддверием Весеннего бала полнолуния и голосом души Маргариты.

В «звучащей» поэзии – текстах бардовских песен, текстах рок-композиций – нередко присутствуют аллюзии на те произведения, которые стали культовыми для нескольких поколений, причем это чаще всего отсылки к ключевым темам, мотивам, образам произведения. Ведь аллюзия должна улавливаться на слух.

Маргарита Пушкина (автор многих текстов рок-группы «Ария») в своих произведениях неоднократно обращалась к образам и мотивам романа М. Булгакова (например, в композициях «Кровь за кровь», «Равновесие сил», «Песня Аннушки», «Смерть Берлиоза») [8; 11]. В рамках этой статьи мы рассмотрим некоторые аспекты стихотворения «Бал у Князя Тьмы» [17].

Сразу отметим, что создание произведения по мотивам другого (культового) текста – это особый вид творчества: это и реализация в оригинальном тексте собственного читательского восприятия текста-первоисточника, и его исследование, и диалог с автором прецедентного текста, диалог, который может вылиться в соответствие, в спор или в повтор уже сказанного.

Как следует из названия композиции, ключевое понятие в анализируемом тексте – «бал», а главным героем стихотворения является Воланд. Однако вскоре читатель-слушатель понимает, что не менее важны здесь образы гостей бала, вальса и неназванной Маргариты.

Воланд-господин,
Всетемянший князь,
Приказал играть
Свой безумный вальс,
Свой безумный вальс!

И гости из могил прилетели именно на вальс. Вообще в стихотворении слово *вальс* употребляется шесть раз, оно здесь самое частотное и, значит, особо значимое.

О гостях бала-шабаша в стихотворении прямо говорится: «каждый здесь нечист, каждый обнажен», – то есть неприкрыто, откровенно, вызывая грешен.

Следующие четыре строки переключают внимание читателя на следующего персонажа: «Бал у Князя Тьмы, / Полночь без пяти, / Пять минут, И душу не спасти...»

Читатель понимает, что речь здесь идет о Маргарите (она здесь единственная, кто может потерять душу), но переданы не ее переживания, а восприятие автора стихотворения. Булгаковская Маргарита на балу совсем не думает о возможной гибели души.

Тень... свет... темп убыстряется,
Жизнь, смерть... перекликаются,
Жар, бред, пытка надеждой и злостью.

Гибель Маргариты дана М. Пушкиной в ритме вальса, и это неслучайно. Как отмечают музыковеды, «на фоне танцевальной культуры прошлого вальс выделяется загадочностью, почти мистичностью», «запечатлев в своих генах дух творчества, игры и свободы» [6].

Это определение вальса созвучно определению природы романа Булгакова. О его игровой, театральной природе много написано [7; 19, с. 135–143; 20].

М. Пушкина изображает метания души Маргариты между тенью и светом, жизнью и смертью как вальсовые движения. Двойственность ситуации, в которую она попала, подчеркивается двойственностью музыкальной композиции, всегда

включающей «две её семантические сферы, – скерцозно-игровую, наследующую традицию прыжкового танца, и лирическую, отражающую господство “легато” в хореографическом рисунке», что «оказывается сродни смене карнавальных масок, во многом определяя атмосферу романтического мироощущения». Наряду с «интимно-лирическим возник вальс, окрашенный в демонические, inferнальные, гротесковые тона. К этому располагала, прежде всего, завораживающая фигура кружения, связанная с магической ритуальностью, колдовским очарованием, многозначной семантикой круга» [6].

В изображенную Булгаковым колдовскую ночь – длящуюся полночь – Маргарита испытала большой комплекс чувств. Эти чувства очень точно определила в своем тексте М. Пушкина: «Жар, бред, пытка надеждой и злость». М. Пушкина вслед за Булгаковым делает вальс голосом души Маргариты, ведь если «галантный менуэт либо бойкая мазурка» только имитируют в разные эпохи «ситуацию куртуазного обхождения» [6], то вальс откровенен, открыто коммуникативен. Он включает в себя все оттенки чувства: «от грезы до демонического наваждения» [6].

По мнению автора стихотворения, Маргарита – женщина, погубившая душу на балу Воланда, и это ее трагическая ошибка. Но гибнет душа героини даже не от близости к Князю тьмы, а от близости к его гостям: «Шабашем ночным / Воздух заражен», «Слишком много зла / Здесь на одного». Да и за собственные метания между светом и тенью приходится платить: целый год Маргарита живет во лжи, причем последние полгода уже отдав себе в этом отчет [2, с. 144, 212]. Повествователь в романе «Мастер и Маргарита» решение героини участвовать в бале ошибкой не считает. М. Пушкина вступает в спор с Булгаковым.

Горечь звучит в строчках: «Вот вам – казнь и прощение, / Все, все, все в восхищении! / Тень... свет... сердце вдруг оборвалось».

В стихотворении нет самой трогательной части булгаковского описания ночи Весеннего бала полнолуния – встречи Маргариты с Мастером. Как обычно, М. Пушкину интересуют исключительно мировоззренческие проблемы, а именно – проблема выбора. По мнению автора, выбор Маргариты ошибочен. Потому «в награду» ей остается только: «Битое стекло... / Теплая зола...» – и смерть, физическая и духовная. По мнению М. Пушкиной, в вальсе, позвавшем Маргариту на бал, было демоническое начало, торжествовало зло. М. Булгаков, как уже указывалось, придерживался другой точки зрения.

Подведем итоги. Общеизвестно, что в романе присутствуют пары – Свет и тень, милосердие и справедливость (Иешуа и Воланд) и Добро и зло (Иешуа и порочный человеческий мир). На музыкальном уровне тема Иешуа не звучит, тема Воланда слита с темами одиночества (мелодия Шуберта) и торжества веры в бессмертие души (полонез). Воланд пытается заставить грешных людей задуматься, сделать выбор между вечным и сиюминутным, бытием и небытием. На музыкальном уровне мир людей, забывших Бога и его заветы, представлен композицией «Аллилуйя!», исполняемой джаз-оркестром, мелодией обезьяньего джаза и белыми медведями, играющими на гармониках «Камаринскую» (героем которой является пьяный мужик-бездельник). Музыкальная тема в романе делает очевидной скрытую идеологическую подоплеку некоторых сцен и переключку произведения с повестью «Собачье сердце».

Тема вальса обогащает образ Маргариты у М. Булгакова и у М. Пушкиной, произведение которой «Бал у Князя Тьмы» пронизано аллюзиями на роман Булгакова. Однако акценты авторы расставляют разные: Булгаков актуализирует романтич-

ность вальса, звучащую в нем жажду любви и надежду на счастье, а М. Пушкина делает акцент на страстности, плотских желаниях, ощущении *абсолютной* свободы, которые вызывает вальс у Маргариты. Именно трактовка музыкальной темы вальса двумя художниками выявляет их авторское отношение к главной героине, превращает диалог М. Пушкиной с М. Булгаковым в столкновение идей, заставляет каждого читателя вслед за героями Булгакова сделать свой мировоззренческий выбор.

Список литературы

1. Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. Таллинн: Арго, 2006. 420 с.
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1992. 734 с.
3. Вольта [Электронный ресурс] // Танцевальные жанры эпохи Возрождения. URL: http://www.balletmusic.ru/dances_4.htm#19. (Дата обращения: 26.03.2016.)
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. 304 с.
5. Зенкин К. В. «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова и музыка [Электронный ресурс] // Израиль XXI. 2010. № 20. URL: http://www.21israel-music.com/Master_i_Margarita.htm. (Дата обращения: 26.03.2016.)
6. Иванова И., Мизитова А. Правда фантазии, или житей вальса [Электронный ресурс] // Національна бібліотека України. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Aim/2010_4/IVANOVA-MIZITOVA.htm. (Дата обращения: 26.03.2016.)
7. Калмыкова М. А., Прохорова Т. Г. Театральность романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Электронный ресурс] // Русская и сопоставительная филология. URL: <http://old.kpfu.ru/fil/kn2/index.php?sod=29>. (Дата обращения: 26.03.2016.)
8. Капрусова М. Н. Булгаковская традиция в авторской песне и рок-поэзии: образы Берлиоза и Аннушки в зеркале современности // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2012. С. 162–167.
9. Капрусова М. Н. Двоение, вариативность, трансформация, стереоскопичность как основополагающие принципы в «Мастере и Маргарите» // Булгаковский сборник. V: Материалы по истории русской литературы XX века. Таллин, 2008. С. 133–144.
10. Капрусова М. Н. Некоторые аспекты музыкальной темы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: образы «другой» культуры // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: Материалы международной научной конференции. Вып. 4. Ч. 2. Смоленск, 2008. С. 51–57.
11. Капрусова М. Н. Рок-композиция «Кровь за кровь» группы «Ария»: диалог с М. Булгаковым // Актуальные проблемы филологии: языкознание, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин. Мариуполь, 2010. С. 151–156.
12. Король З. А. Несколько слов о музыкальных образах и лейтмотивах в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Творчество М. А. Булгакова в мировом культурном контексте: Сборник научных статей. М.: Ярославль, 2010. С. 43–47.
13. Кушлина О., Смирнов Ю. Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей. М., 1988. С. 285–303.

14. Лесскис Г., Атарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Радуга, 2007. 520 с.
15. Лосев В. Комментарии // Булгаков М. А. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 461–540.
16. Магомедова Д. М. «Никому не известный композитор-однофамилец»: (О семантических аллюзиях в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1985. Т. 44 (№ 1). С. 83–86.
17. Пушкина М. Бал у Князя Тьмы // Группа «Ария» Альбом «Крещение огнем»: тексты песен, ноты, аккорды. М.: НОТА-Р, 2006. С. 34–35.
18. Середухина Т. А. Музыкальный миф в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как информационная компрессия художественного текста // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: сборник материалов международной научной конференции. Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. С. 112–116.
19. Сисикин В. Дионисов мастер // Подъем. 1989. № 3. С. 135–143.
20. Смирнов Ю. Театр и театральное пространство в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков: «Этот мир мой...»: Т. 1. СПб., 1993. С. 139–146.

**SOME ASPECTS OF THE MUSICAL THEME IN M. BULGAKOV'S NOVEL
"MASTER AND MARGARITA" AND THEIR REFLECTION
IN RUSSIAN ROCK LYRICS (M. PUSHKINA'S "AT THE PRINCE
OF DARKNESS'S BALL")**

M. N. Kaprusova

*Borisoglebsk Branch of Voronezh State University
the Department of Philological Disciplines and Methods of Teaching*

The article deals with some aspects of the musical theme in M. Bulgakov's novel "Master and Margarita". It examines the relation between the musical phrases and the images of Bulgakov's heroes. Particular attention is given to the theme of the waltz with regard to the image of Margarita. In connection with this aspect of the topic the author comments on the case of an allusion to Bulgakov's solution of the theme of the waltz in Pushkina's poem "At the Prince of Darkness's Ball" is considered.

Keywords: *theme, music, allusion, character, analysis, image, motif, rock lyrics, dialogue.*

Об авторе:

КАПРУСОВА Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета (397160, г. Борисоглебск, Воронежская область, ул. Народная, д. 43), e-mail: kaprusova@mail.ru.

About the author:

KAPRUSOVA Marina – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Disciplines and Methods of Teaching, Borisoglebsk Branch of Voronezh State University (397160, Borisoglebsk, Voronezh region, 43, Narodnaya str.), e-mail: kaprusova@mail.ru.

УДК 002.2(075.2)(091)

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БУКВАРИСТИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: «БУКВАРЬ...» А. А. БРАЙКОВСКОГО

Е. Г. Кирьянова, Д. С. Басаргина

Тверской государственный университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье прослеживается деятельность педагога и публициста Александра Андреевича Брайковского (1856–1914(?)). Книги автора стали первыми в череде букварей, изданных известным просветителем И. Д. Сытиным. Обобщаются разрозненные факты биографии буквариста, предпринимаются попытки выявить специфику его учебников по обучению грамоте.

Ключевые слова. *Азбука, букварь, букваристика, И. Д. Сытин, А. А. Брайковский, В. П. Вахтеров, Н. В. Тулунов.*

Учебная книга как своеобразная информационная модель системы образования, человеческого опыта и процесса коммуникации является достаточно точным индикатором изменений не только в педагогической теории и образовательной практике, но и в обществе в целом. Любой учебник – это и источник учебной информации, и средство обучения, с помощью которого осуществляется организация образовательного процесса и самообразования. Букварь в этом смысле – учебник особенный, и не только потому, что он первый и именно с него начинается познание окружающего мира и процесс социализации, но и потому, что он имеет специфическую организацию содержания и оформления. Базовые видообразующие элементы букваря характеризуются широкой вариативностью, как в линейно-диахроническом (историческом), так и синхроническом аспектах. Техника его производства эволюционирует вместе с прогрессом в книгопечатании, условия реализации изменяются в контексте политических, законодательных, социально-экономических преобразований. Вот почему букварь как никакой другой учебник яснее и чётче отражает особенности мировоззрения, стандарты и стереотипы конкретной эпохи. Достаточно сравнить иллюстрации к одной и той же графеме в букварях, выпущенных в разное время и для разных категорий обучающихся, и мы сможем проследить, как менялись в обществе представления о ценностях.

Неслучайно букваристика – «отрасль методики русского (родного) языка, наука о букварях, их составлении и о методах первоначального обучения чтению и письму» [11, с. 23], привлекает такое пристальное внимание специалистов разных направлений исследовательской деятельности: педагогов, психологов, книговедов, культурологов.

Задачи, поставленные перед собой авторами данной статьи, заключаются в том, чтобы дополнить имеющиеся материалы по истории отечественной букваристики вновь выявленными сведениями об одном из педагогов и букваристов второй половины XIX в. и проанализировать один из его учебников. Сделаем лишь одну оговорку. Речь пойдёт об авторе, с выпуска книг которого началось учебное книгоиздание «Товарищества И. Д. Сытина и К^о» – Александре Андреевиче Брайковском (1856–1914(?)).

Смена в России во второй половине XIX столетия общей культурной парадигмы, реформирование системы образования, совершенствование технологий издательского дела, достижения педагогики и дидактики – все это привело к количественным и качественным изменениям в сфере учебного книгоиздания и такого особого его раздела, как букваристика. С 1864 г. по 1905 г. в России было издано 1909 наименований азбук и букварей, включая переиздания (подсчитано по: [1; 2]).

Весомый вклад в развитие отечественной букваристики в рассматриваемый период внёс И. Д. Сытин. Политику «Товарищества И. Д. Сытина и К^о» в области издания учебной, научно-популярной и детской литературы определяли такие авторитетные педагоги и писатели, убеждённые сторонники коренных изменений в деле народного просвещения, как Н. В. Тулупов, В. П. Вахтеров, Н. А. Рубакин.

Объединив в своём издательстве талантливых педагогов и пытливых исследователей, представлявших разные педагогические школы, И. Д. Сытин и сам стал не только активным участником, но и создателем процессов становления новой системы образования и развития педагогической мысли в России. Созданные ими буквари дают богатейший материал для исследования актуальных проблем педагогики и истории книжной культуры. Широкую известность получили книги для обучения грамоте и первого чтения Н. В. Тулупова и В. П. Вахтерова. Это были увлекательные и познавательные пособия для учащихся, спрос на которые на протяжении многих лет оставался неизменно высоким. «Русский букварь для обучения письму и чтению...» В. П. Вахтерова, например, переиздавался 119 раз [7].

В тени этих видных деятелей народного просвещения почти незамеченной осталась фигура другого педагога и буквариста – А. А. Брайковского. Справедливо ли это, если принять во внимание, что именно с выпуска книг этого автора началось учебное книгоиздание издательской империи И. Д. Сытина, о чём сообщает в своём очерке сотрудник «Товарищества И. Д. Сытина и К^о», активный деятель народного просвещения Н. Н. Иорданский (1863–1941)? В качестве первого учебника, изданного И. Д. Сытиным, Иорданский называет именно «Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковнославянскому чтению в школе и дома...» А. А. Брайковского [10, с. 466].

Кто же этот человек? Сведения о нём малочисленны и разрозненны. Удалось установить, что Александр Андреевич Брайковский родился 13 июня 1856 года. Отец его – Андрей Иванович Брайковский (1820 г. р.) – происходил из солдатских детей, родового имени не имел, владел домом в Бронницах Московской губернии. С 1847 г. служил унтер-офицером. В 1862 г. из-за «нездоровья» по собственной просьбе был уволен от службы и определился младшим помощником акцизного надзирателя 3-го округа Московского акцизного управления в Подольске, затем в Бронницах (до 1866 г.). С 1872 г. начался новый период в жизни Брайковского старшего, он поступил на службу в Дворцовое ведомство. Состоял помощником смотрителя при Императорском Московском Николаевском сиротском доме (с 1872), в 1876–1881 гг., – смотрителем домов (Дома Пашкова и Александринского дворца Московской дворцовой конторы) Дворцового ведомства в Москве. «Проявил себя усердною службою», был награжден бриллиантовым перстнем и в 1881 г. пожалован чином коллежского асессора, который давал право личного дворянства. Свой век А. И. Брайковский-старший доживал на казённой квартире Дворцового ведомства на Зубовском бульваре в Москве [21].

Возможно, именно служба отца помогла Александру Андреевичу Брайковскому определиться с выбором направления профессиональной деятельности.

О том, какой она была и как протекала, нам, к сожалению, мало что известно. На основании косвенных данных можно говорить о том, что Брайковский-младший был педагогом, публицистом, писателем и букваристом. Если внимательно проанализировать библиографию его трудов, то можно составить следующий послужной список: 1868–1871 – преподаватель стенографии при Училище распространения технических знаний; 1878–1887 – учитель Московской 3-й женской гимназии [8], Консерватории и руководитель сельских школ и педагогических курсов.

А. А. Брайковский сотрудничал со многими московскими издателями, отдельными редакциями периодических изданий, в частности, с «Московским листком» (1882, № 234), где печатал свои материалы под псевдонимом «Бр-ский, А. А.» [12]. Краткие сведения о А. А. Брайковском – корреспонденте «Московского листка» – находим у В. А. Гиляровского. Выясняется, что оба были хроникёрами московских пожаров. Гиляровский вспоминает: «Я мог бегать неумоимо, а быстро ездил только на пожарном обозе, что было мне разрешено брандмайором, полковником С. А. Потехиным <...>. Кроме меня, этим же правом в Москве пользовался ещё один человек – это корреспондент «Московского листка», поступивший после меня, А. А. Брайковский, специальность которого была только отчёты о пожарах. А. А. Брайковский поселился рядом с пожарным депо на Пречистенке и провёл к себе в квартиру, через форточку, звонок прямо с каланчи, звонивший одновременно с пожарным звонком, который давал команде часовой при каждом, даже маленьком пожаре» (цит. по: [9, с. 17–18]).

Свою первую, совсем небольшую книжку «Стенография» объёмом всего в одиннадцать страниц А. А. Брайковский напечатал в московской литографии А. И. Стрельцова в 1868 году. Читателю он представился как преподаватель стенографии. Затем последовали «Примеры чистописания по американской методе...» (1870), «Школа русской стенографии» в двух частях (1871), книга для чтения «Четыре времени года...» (1875), «Элементарный курс грамматики» (1876), «Правила при изучении письма» (1878).

В 1875 г. Брайковский опубликовал книгу для чтения «с картинками, для объяснения чтения, списывания, диктанта, разборов и наглядных бесед в школе и дома» под названием «Четыре времени года» [1]. Это уже более объёмное издание в 138 страниц с иллюстрациями. Для его печатания автор выбирал московское печатное заведение наследников братьев Салаевых. Издательство действовало с 1828 г., имело отделения в Москве и в С.-Петербурге, специализировалось на выпуске научной и учебно-педагогической литературы, выпускало качественные издания произведений классиков русской литературы. Широкую известность, например, получили издания произведений И. А. Тургенева, а также трудов Ф. И. Буслаева [13].

Особого внимания заслуживает сотрудничество А. А. Брайковского с Пётром Николаевичем Шараповым (1878–1879). Трудно сказать, кто именно, Сытин или Шарапов, напечатал учебники «Народные прописи...» (1878), «Народная азбука с объяснением...» (1879). Вероятнее всего, знакомство А. А. Брайковского и И. Д. Сытина состоялось не без участия Н. П. Шарапова. Как известно, издатель лубочных картин был наставником И. Д. Сытина, когда тот в 1866 г. поступил к нему на службу, а потом и покровителем, когда Сытин задумал основать собственное дело и 7 декабря 1876 г. открыл литографскую мастерскую. В течение четырёх лет после открытия собственного печатного заведения Сытин выполнял заказы Шарапова по договору и доставлял в его книжную лавку готовые издания. Именно в это время и были напечатаны «Народные прописи...» (1878) и «Народная азбука с объяснением...» (1879).

Начиная с 1887 г. А. А. Брайковский печатал свои учебники исключительно в издательстве И. Д. Сытина. Было ли это желанием самого автора, который открыл для себя какие-то преимущества сотрудничества с предприимчивым издателем-просветителем, или условием особого договора, неизвестно.

Первой, в 1887 г., была выпущена книга под названием «Полный практический курс чистописания и скорописи».

В 1899 г. товарищество напечатало «Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковнославянскому чтению в школе и дома <...> с приложением «Подвижной азбуки»». С 1889 по 1917 г. эта учебная книга переиздавалась 27 раз [1], а в 1915–1916 гг. была выпущена Товариществом И. П. Ладыжникова в Берлине [5]. Основанное в 1905 г. И. П. Ладыжниковым по поручению ЦК РСДРП и при содействии М. А. Горького издательство ставило перед собой задачи ознакомления европейских читателей с творчеством русских авторов и выпуска на русском языке тех произведений, которые по соображениям цензуры не могли печататься в России. Репертуар издательства включал марксистскую литературу, сочинения М. А. Горького и писателей горьковской группы «Знание», а также литературу, предназначенную для русских военнопленных Первой мировой войны [16].

Третьей и последней по счёту учебной книгой Брайковского, которая была выпущена «Товариществом И. Д. Сытина и К^о», стали «Русские прописи с азбуками: французской, немецкой и греческой...» (1890).

Но вернёмся к «Букварю для совместного обучения письму, русскому и церковнославянскому чтению в школе и дома...». Для изучения выбрано 18-е издание 1910 года [6]. На титульном листе, в зоне подзаголовочных сведений, уточняется, что книга предназначена для обучения грамоте и что читатель сможет найти в ней образцы «для первоначального рисования по клеткам» и прописи, тексты для чтения и множество иллюстраций.

Учебник начинается с «наставления» автора, в котором одновременно содержатся и практические советы по обучению чтению, письму, рисованию и поучения нравственного характера. В частности, автор затрагивает такой важный аспект, как мотивация к учению, даёт советы по поводу того, как научить ребёнка чтению и письму и поддержать в нём интерес к дальнейшему обучению. Основным методом составления своего учебника автор называет «звуковой», а для достижения наилучших результатов рекомендует обучаться письму и чтению одновременно, придерживаясь предложенного порядка расположения материала. Насколько такой подход был традиционным?

В рассматриваемое время педагоги искали способы установления наиболее тесного эквивалента между фонетической и графической системами языка. Основным методом обучения грамоте, который позволял достичь этого, во второй половине XIX в. признавался «звуковой», или аналитико-синтетический метод. Он предполагал (и предполагает) следующие последовательные действия в процессе обучения грамоте: деление речи на предложения и слова; выделение в слове звуков; выявление слов с новым звуком; слияние звуков в слове; письмо элементов букв; письмо новой буквы; письмо слов с новой буквой; чтение написанных слов; упражнение в чтении по разрезной азбуке; чтение по букварю со звуковым разбором.

Визуальный ряд учебных пособий, ориентированных на аналитико-синтетический метод, отражал данные этапы обучения и не просто иллюстрировал текст, он являлся необходимым и равноправным функциональным компонентом содержания. Логика процесса была следующей: сначала помещались сюжетные картины

для бесед добукварного периода и фонетического анализа; затем (или параллельно с ними) орнаменты и шаблоны элементов букв – прописи. Далее следовали изображения людей, произносящих те или иные звуки (чаще всего это были звуки «а», «у», «о» и их сочетания); рисунки предметов, начинающихся с того или другого звука и похожих на соответствующую букву (ус, ось и проч.); и, наконец, сюжетные иллюстрации к рассказам для чтения с вопросами и заданиями. [15, с. 38–39].

Впервые систему аналитических и синтетических упражнений со звуками, слогами и словами применил К. Д. Ушинский в опубликованном им в 1864 году «Родном слове» [19]. Дидактические идеи «Родного слова» нашли свое переосмысление и дальнейшее развитие в азбуках других авторов: И.И. Паульсона, Д.И. Тихомирова, В.И. Водовозова, В.П. Вахтерова, Н.Ф. Бунакова и др. [14; 17].

Совершенствование полиграфической техники и технологий позволили воплотить в жизнь передовые образовательные технологии, привели к значительному улучшению качества иллюстраций и к удешевлению процесса их изготовления. Наконец-то появилась возможность размещать в учебных изданиях рисунки, чертежи, схемы в непосредственной близости от соответствующего текста. Визуальные материалы теперь могли нести самостоятельную информационную и эмоциональную нагрузку, они стали выполнять их базовую функцию – иллюстрировать и дополнять текст [15, с. 30].

Что же в нашем случае? Учебник А. А. Брайковского нацелен исключительно на обучение грамоте письма и чтения русских и церковнославянских текстов и, скорее всего, предназначен для церковно-приходских школ. Это видно по тому, как много внимания в нём уделено церковнославянской азбуке и закреплению навыков прочтения текстов церковно-богослужебных книг [4].

Композиционно текст букваря имеет четырёхчастную структуру: по две части (азбука и хрестоматия) в двух разделах: в первом для обучения чтению и письму по русскому языку и во втором – церковнославянскому языку. Начинается учебная книга с изучения азбуки (первый раздел, с. 3–39). Составитель отводит для этого 24 урока. Примечательно, что порядок следования уроков не соответствует порядку следования букв в алфавите. Например, 1-й урок нацелен на изучение сразу трёх гласных букв «о», «а», «у», а 8-ой урок посвящён лишь одной – «к».

По мере продвижения по алфавиту составитель усложняет буквенные схемы: сначала это просто слова, затем предложения, потом небольшие зарисовки и, наконец, целые тексты, которые к концу книги постепенно всё более и более приобретают характер нравоучительных и воспитательных. Таким образом, обучение азбуке строится на основе системы упражнений с постепенным наращиванием сложности и объёма учебного материала. Это, безусловно, говорит о гуманистической позиции (цели) автора-составителя – оказать максимальную педагогическую поддержку ученику на первых, самых трудных этапах его обучения.

Обращает внимание разный объём учебного материала в пределах уроков. В каких-то случаях это всего лишь одна страница, в иных (22-й урок) – целых четыре, но построение каждого урока всегда одинаково. Сначала мы видим графические образы букв в их печатном и скорописном воспроизведении, затем фрагмент прописи с показом образца написания букв и, наконец, обучающемуся предлагаются различные комбинации незамысловатых текстов.

Очевидно, что такие буквенные схемы фактически являлись механизмом формирования конкретных навыков произнесения звуков и чтения букв, слогов, слов, то есть механизмом звукослияния, узнавания буквы и звука. В составе этих

схем присутствуют линии, определяющие для ученика «рабочий путь» с данными визуальными элементами. Линии задают движение глаз по указанному направлению, концентрируют внимание на конкретных связках букв, помогая превращать их в слоги. Помимо прочего данная структура буквенной схемы являлась обоснованной и выгодной с точки зрения типографики: с ее помощью сокращалась площадь пространства, занимаемого одной схемой, без ущерба «размерности» и содержания. И в данном случае А. А. Брайковский при разработке своего букваря следует установившейся традиции. Аналогичное построение и буквенные схемы мы наблюдаем в пособиях, выпущенных ранее, например, в «Азбуке и уроках чтения» Н. Ф. Бунакова [6] и в «Азбуке для начальных военных школ и для обучения взрослых вообще» К. Абазы [3].

Каждый урок содержит собственный визуальный ряд, включающий графические элементы (линии прописей), рисунки и сюжетные иллюстрации. Они чёрно-белые, но выполнены очень реалистично, рождают яркие образы и позволяют соотнести (связать) графический образ буквы с определённой сюжетной картинкой, запоминать форму буквы по аналогии с предметами окружающей действительности. Рассматривая азбуку, начинаешь понимать, что подбор иллюстраций сделан целенаправленно, что это особый педагогический приём автора-составителя.

Первую часть первого раздела автор завершает молитвенным обращением ученика к Богу [4, с. 37].

Вторая часть первого раздела – хрестоматийная, названная «Для первого связного чтения после Азбуки» [Там же, с. 38–46], включает фрагменты небольших рассказов, стихотворений, басен, прибаутки и загадки для закрепления навыка чтения. В большинстве случаев тексты (фрагменты текстов) литературных произведений воспроизводятся без указаний автора.

Второй раздел букваря построен аналогично первому: его первая часть под названием «Церковнославянская грамота» [Там же, с. 47–52] посвящена основам грамматики церковнославянского языка. В целях лучшего усвоения церковнославянской азбуки и формирования представлений о графическом образе её букв А. А. Брайковский применяет способ билингвы: одни и те же фрагменты текста он воспроизводит параллельно на русском гражданском и церковнославянском языках, позволяя тем самым обучающемуся сопоставить их графику.

В хрестоматийной части второго раздела [Там же, с. 53–74] собраны молитвы и заповеди, которые в процессе обучения чтению должны были заучиваться наизусть. Именно это обстоятельство дает основание говорить об использовании в методической системе А. А. Брайковского традиционного в русской букваристике, начиная с первых печатных азбук Ивана Федорова или Кариона Истомина, эффекта «чтения наизусть», то есть чтения предварительно заученных текстов [20].

Что касается визуальных материалов данного раздела, то обратим внимание на их воспитательную функцию. Как уже отмечалось, в результате развития полиграфической техники (появление и распространение литографии, хромолитографии) к 1870-м годам в отечественных азбуках и букварях стали появляться многофигурные сюжетные иллюстрации хорошего полиграфического качества, что актуализировало воспитательную функцию визуального ряда этих пособий. Иллюстрации с потенциально воспитывающим содержанием мы видим и в «Букваре...» Брайковского [4, с. 53]. Один из таких примеров – рисунок, демонстрирующий перстосложение, или изображение молящегося мальчика (рис. 1).

Рис. 1. Брайковский А. А. Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковно-славянскому чтению в школе и дома. М., 1889. С. 53.

В конце букваря приложены образцы для рисования по клеткам и «Подвижная азбука» – не что иное, как расчерченные на квадраты листы бумаги с вписанными в них буквами и прилагаемой рекомендацией: «наклеить на картон и разрезать на квадратики».

Оценим качество типографики «Букваря...» А. А. Брайковского. Небольшой формат и объём, наличие в качестве внешнего покрытия обложки и типичное её оформление, включающее сведения об издании и незатейливую сюжетную иллюстрацию на тему школьного обучения, а также наличие черно-белых иллюстраций в тексте – всё вместе это составляет традиционный набор приёмов художественного оформления букварей рубежа XIX–XX столетий. Достаточно сравнить пособия Н. В. Тулупова, В. П. Вахтерова и А. А. Брайковского, выпущенные «Товариществом И. Д. Сытина и Ко» в 1910 году, чтобы тенденции букварной эстетики и типографики стали очевидными (рис. 2).

Приглядимся пристальнее к обложке пособия А. А. Брайковского. Хорошо подобранные пропорциональные титульные шрифты и ритмичное расположение текстовых групп на плоскости листа, наличие строгой орнаментальной рамки, обрамляющей выходные сведения, организуют восприятие информации, концентрируют внимание читателя и приглашают внутрь книги. Вот только плотная черно-белая иллюстрация в нижней части полосы немного утяжеляет композицию.

I

II

III

Рис. 2. Обложки букварей, изданных «Товариществом И. Д. Сытина и Ко»: I – Тулупов Н. В. Наглядный букварь. М., 1909; II – Брайковский А. А. Букварь... М., 1910; III – Вахтеров В. П. Русский букварь... М., 1910

Открываем книгу и смотрим, как оформлены отдельные полосы. Текст поделён на разделы и части, которые имеют чёткую внутреннюю организацию и единое композиционное решение. Текстовые шрифты подобраны безупречно, они удобочитаемы и образуют на полосе гармоничное сочетание чёрного и белого. Всё это вместе взятое организует читателя, приучает его к определённой дисциплине пользования пособием, порождает эффект привычного восприятия схемы обучения каждой букве: графический образ, прописи, послоговое прочтение слова, визуализация графемы посредством несложной сюжетной картинки. Нетрудно заметить, что композиция полос и разворотов букваря А. А. Брайковского более строгая, чёткая, визуальные элементы встроены в неё лучше, что улучшает восприятие отдельных буквенных схем.

Ещё в большей мере эта чёткость проявляется в разделе церковнославянской азбуки. Мы видим параллельное изложение текстов на русском и церковнославянском языках, что позволяет прочно «связать» графемы этих языков.

Культура издания проявляется и в том, с каким вниманием составитель относится к своему читателю. В подробном наставлении, шаг за шагом, методично он наставляет учащегося на путь постижения грамоты, вводит в ученичество. Постраничное пространство других изданий более размыто, это хорошо видно при сравнении отдельных полос изданий (рис. 3):

I

II

III

Рис. 3. Разделы азбучной части: I – Тулупов Н. В. Наглядный букварь. М., 1909; II – Брайковский А. А. Букварь. М., 1910; III – Вахтеров В. П. Русский букварь... М., 1910

Таким образом, в «Букваре...» А. А. Брайковского представлена целая педагогическая программа по обучению чтению и совершенствованию навыков обучения грамоте русского и церковнославянского языков, основанная на применении аналитико-синтетического метода. Подбор фрагментов текстов составлен так, что автор не только обучает чтению, но и формирует нравственные качества и даже мировоззрение читателя.

Список литературы

1. «Азбуки, буквари и книги для чтения» (1800–1917): Библиографический указатель [Электронный ресурс] // Науч. пед. б-ка им. К. Д. Ушинского. URL: http://www.abc.gnpbu.ru/abc-book_0.htm; http://www.abc.gnpbu.ru/abc-book_1.htm. (Дата обращения: 20.07.2018.)

2. «Пора читать»: буквари и книги для чтения в предреволюционной России, 1900–1917 гг. : Сб. науч. тр. и материалов / Под ред. Т. С. Маркаровой, В. Г. Безрогова. М. : НПБ им. К. Д. Ушинского; Языки славянской культуры, 2010. 400 с.
3. Абаза К. К. Азбука для начальных военных школ и для обучения взрослых вообще. СПб. : В. Березовский, 1888. 68 с.
4. Брайковский А. А. Букварь для совместного обучения письму русскому и церковно-славянскому чтению в школе и дома с наставлением, как учить грамоте по букварю, с образцами для первоначального рисования по клеткам, прописями, статьями для первоначального упражнения в объяснительном чтении и картинами и с приложением «Подвижной азбуки». М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1910. 74 с.
5. Брайковский А. А. Букварь для совместного обучения русскому и церковнославянскому чтению и письму с приложением «Подвижной азбуки». Берлин : Изд. Т-ва И. П. Ладыжников, [б. г.]. 79 с.
6. Бунаков Н. Ф. Азбука и уроки чтения. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1876 : Кн. 1. – 31 с.; Кн. 2. – 27 с.; Кн. 3. – 63 с.
7. Вахтеров В. П. Русский букварь для обучения письму и чтению по новой орфографии. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1917. 70 с.
8. Виноградов П. А. Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии. (1839–1889 г.). М. : Тип. А. Левенсон и К°, 1889. 246 с.
9. Гиляровский В. А. Собрание сочинений : В 4 т. Т. 3. М. : Директ-Медиа, 2014. 410 с.
10. Иорданский Н. Н. Учебная литература в издании И. Д. Сытина // Полвека для книги. 1866–1916 : литературно-художественный сборник, посвящённый пятидесятилетию изд. деятельности И. Д. Сытина. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1916. С. 461–493.
11. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М. : Просвещение, 1988. 240 с.
12. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : В 4 т. Т. 1. М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960. М., 1956. 137 с.
13. Павлова А. А. Книгоиздательство «В. В. Думнов. Наследники братьев Салаевых» в Москве: Библиогр. указатель материалов к истории деятельности и Каталог фирмы. М., 1989.
14. Ромашина Е. Ю. «Новые облегчения к изучению чтения»: звуковой метод в российских азбуках и букварях 1820–40-х гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. № 3. С. 167–184.
15. Ромашина Е. Ю. Динамика визуального ряда в «Азбуке» Н. Ф. Бунакова // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1. С. 30–51.
16. Русские издательства в Берлине в начале XX века: Изд-во И. П. Ладыжникова [Электронный ресурс] // Гос. бюджет. учреждение культуры г. Москвы «Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына» URL: <http://www.domrz.ru/?mod=static&id=870>. (Дата обращения: 17.02.2017.)
17. Тетерин И. И. Дидактические функции визуальных элементов российских азбук и букварей XIX века [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2017. № 6 (октябрь). URL: <http://www.emissia.org/offline/2017/2523.htm>. (Дата обращения: 16.09.2018.)
18. Тулупов Н. В. Наглядный букварь для обучения русской и церковно-славянской грамоте и первоначальному счислению. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. 94 с.

19. Ушинский К. Д. Родное слово: для детей мл. возраста. Год 1-й: азбука и первая после азбуки кн. для чтения, с прописями, образцами для первонач. рисовки и картинками в тексте. СПб.: Тип. Роговского и К^о, 1864. 116 с.
20. Штец А. А. Отечественная букваристика в XI–XVII в. [Электронный ресурс] // Труды Псковского политехнического института. 2006. № 10.1. URL http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt101/wt101_37.pdf. (Дата обращения: 20.06.2018.)
21. Электронная база данных «Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника». Брайковский [Электронный ресурс]. URL: <http://baza.vgdru.com/1/4050/>. (Дата обращения: 20.07.2018.)

**FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN ALPHABET BOOK SCIENCE
OF THE LAST QUARTER OF XIX CENTURY:
“ALPHABET BOOK...” BY A. A. BRAYKOVSKY**

E. G. Kiryanova, D. S. Basargina

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article deals with the activity of an educator and an opinion journalist Alexander Andreevich Braykovsky (1856–1914). The author's books were first in a number of alphabet books published by a famous enlightener I. D. Sytin. Isolated facts of the biography of the alphabet book author are generalized, the attempts are made to identify the specificities of his textbooks on reading training.

Keywords: *ABC book, alphabet book, alphabet book science, I. D. Sytin, A. A. Braykovsky, V. P. Vakhterov, N. V. Tulupov.*

Об авторах:

КИРЬЯНОВА Елена Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Kiryanova.EG@tversu.net.

БАСАРГИНА Дарья Сергеевна – студентка IV курса, кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the authors:

KIRYANOVA Elena Georgievna – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Kiryanova.EG@tversu.net.

BASARGINA Darya Sergeevna – Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

УДК 27-46:811.161.1

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

И. А. Петрушко

Тверской государственный университет
кафедра теологии

Русская православная проповедь рассматривается как организованное целое, построенное по схеме риторической эллипсоиды и включающее ряд функционально-семантических блоков. Анализ текстов позволяет отметить характерные черты и основные современные тенденции развития православной христианской проповеди на русском языке.

Ключевые слова: *Язык и стиль русской православной проповеди; риторическая эллипсоида.*

Проповедь представляет собой жанр церковной коммуникации, в котором наиболее ярко проявляется педагогическая миссия Русской Православной Церкви, основывающаяся на прямой связи и диалоге с широкими слоями населения. Вопросы «доступности», «понятности», «доходчивости» языка Церкви, соотношение общехристианского и особенного, традиционного и инновационного начал в языке православной проповеди относятся к остродискуссионным вопросам современного русского языка и культуры. Лингвистический анализ проповедей позволяет отметить характерные черты и тенденции развития проповеди в живой православной традиции. В настоящей статье освещается риторико-герменевтическая программа текста русской православной проповеди как организованного коммуникативного события религиозного общения; выделяются ключевые элементы риторической структуры христианской проповеди и приводятся образцы характерных языковых маркеров ее внутренних жанров.

I. Стандартная синтагматическая структура проповеди как организации речи проповедника может быть представлена в следующем виде: 1) мотивированное обращение к слушателям и вступление к теме; 2) изложение толкуемых слов и образов Библии; 3) раскрытие ключевых смыслов толкуемого фрагмента; 4) обсуждение истины и нравственного приложения понимания проповеди для собравшихся; 5) духовное напутствие [8, с. 179].

II. В контексте развертывания *макро-стратегии диалогизации* проповеди выделяются следующие модусы и стадии риторической разработки выступления проповедника: 1) представление от лица говорящего исходной точки зрения в статике; 2) риторическая установка текста на динамический сдвиг точки зрения слушающего; 3) риторическая установка текста на динамический сдвиг в душе реципиента слова. Соответственно различаются и типы задаваемых аудитории слушателей вопросы. Вопросы по содержанию, в том числе риторические вопросы характерны для стадии (1). Мета-оператор риторизованного объяснения позиции Церкви: «*Это не для того, чтобы..., это для того, чтобы...*» [10], диалектические вопросы

по смыслу сказанного характерны для стадии (2), тогда как вопросы личностного плана соответствует лингвориторической установке (3). Означенная риторическая установка прямо отражает зов Бога «Адам, где ты?» (Быт 3: 9) [1].

Для решения коммуникативных задач проповеди говорящим применяются специальные риторические мета-коммуникативные операторы, в том числе такие, как мета-операторы (а) заякоривания, (б) мотивирующей беседы, (с) майевтической беседы, (д) смыслового вывода, (е) обогащения понимания, (ф) духовного напутствия и ряд других. Применение соответствующих внутренним микро-жанрам проповеди мета-операторов конструктивно, поскольку вносит вклад в риторическое обеспечение коммуникативного события. Нами выявлены соответствующие языковые маркеры названных выше мета-операторов в русской православной проповеди.

Риторическая суть «*заякоривания*» (англ. *anchoring*) может быть определена как создание говорящим условий для постижения новых идей, явлений, связей и отношений путем помещения их в некоторый уже знакомый для реципиента проповеди контекст [18, с. 29; 5, с. 47]. В означенной связи допустимо отметить следующие языковые маркеры введения в ситуацию общения *мета-оператора заякоривания*: «в прошлое воскресение мы», «вы помните», «мы привыкли», «нам кажется» и другие синонимичные им.

Приведем примеры актуализации *мета-оператора мотивирующей беседы*: «Если мы хотим достичь Царствия Божия, если мы хотим быть не только по крещению, а и по сути, и по своей жизни православными христианами, если мы хотим познать Христа, Сына Божия, а через Него Пресвятую Троицу, то мы должны учиться быть в состоянии мытаря, а всякие гордые, тщеславные, глупые мысли, которые постоянно осаждают и превозносят нас, отвергать, потому что это есть фарисейская мерзость перед Богом» [9]; «Эта притча должна отпечататься в нашей памяти, *если мы хотим* грядущий пост провести так, как подобает православному христианину, *если хотим* еще на один шаг приблизиться к Богу» [12]. Нами выявлен следующий инвариантный языковой маркер мета-оператора мотивирующей беседы: «*Если мы хотим, то...*». В основу полагается желание человека, связываемое с выполнением ряда соответствующих необходимых условий.

Приведем образцы реализации в проповеди *мета-оператора майевтической беседы*: «А *отчего* молитва фарисея оказалась неугодной Богу?» [4]; «Казалось бы, все ясно <...> мытарь, плохой прихожанин, пошел оправданный в дом свой более, нежели тот. А *почему? Разве это справедливо?* Фарисей жертвует на храм, фарисей он не грабитель, не обидчик, не прелюбодей, не какой-нибудь там предатель. А *почему так?*» [10]. «Да, ты не грабитель, *но почему?* <...> Да, ты не прелюбодей. *Почему?*» [Там же]. «*Почему важно не считать себя достойным?*» [14]. Выявлены следующие языковые маркеры мета-оператора: «*Откуда мы это видим?*», «*Почему так?*», «*Отчего?*». Следует отметить ограниченность сугубо формального подхода к определению присутствия мета-оператора майевтической беседы, поскольку в тех же языковых формах могут ставиться вопросы, разрешаемые проповедником в *катехитическом ключе*, который отвечает первой ступени риторической разработки диалектики духовной беседы. На означенной ступени говорящий сам задает вопрос и сам на него отвечает, даже если вопрос представляется весьма диалектичным, например: «Почему дни памяти святых – это дни их смерти?» [15]. Напротив, в майевтической беседе право ответа и ответственность за ответ делегируется слушателю.

Нами также выявлены следующие языковые маркеры *мета-оператора смыслового вывода* («как» видно», «получается / очевидно / «ясно, что...»: «Но од-

ному, видно, этот мытарь научился в той страшной, жестокой жизни» [11]. Приведем примеры актуализации *мета-оператора обогащения понимания*: «Покаяние – это не порыв, это не успокоенность на том, что вместо концертов и рынков ты стал в воскресный день ходить в храм...» [12]. В данном случае выступающая экспонентой *эллипсоиды* понимания *риторическая антитеза*, основанная на противопоставлении покаяния всему тому, чем оно не является, дополняется и обогащается связями с традицией и повседневными жизненными явлениями и состояниями. В мета-операторе обогащения понимания в проповеди демонстрируются взаимосвязи одних смыслов христианской жизни с другими. «Вы знаете, даже поверхностный анализ этой истории показывает, что она обращена к христианам, *причем* будущего, *то есть*, когда она произносилась, она была обращена к христианам будущего» [10]. Нами выявлены следующие языковые маркеры мета-оператора обогащения понимания в православной проповеди: «*причем*»; «*кроме того*», «*более того*», «*то есть, когда...*, *также*», «*не только, но и*». Кроме того в проповедях распространен *нулевой маркер* названного мета-оператора.

Функционально-семантический блок проповеди «*духовное напутствие*» узнаваем по актуализации форм *обязательства* («мы должны...»), использованию *императива* и в особенности *хортатива*: «*Научимся же* от фарисея и от мытаря, чего нам избегать и чем нам становиться; и тогда мы встретим Господа в Его милости, в Его любви» [Там же]; «*Подумаем о* том, способны ли мы встретить Христа...» [Там же]; «*Задумаемся*, каждый из нас, о том, что значит, что он или она когда-то были принесены в храм, отданы Богу любовью материнской; отданы на хранение Тому, Который есть Хранитель младенцев, отданы Тому, Кто есть Господь и Жизнь» [Там же].

III. В качестве ключевого принципа организации языковых средств христианской проповеди рассматривается *принцип риторической эллипсоиды*. Поскольку духовные цели христианской проповеди связаны с решением задачи по преобразованию внутреннего мира человека, необходимым условием ее успешности выступает пробуждение «духовного зрения», обусловленного сменой интерпретационных установок реципиента. Одним из лингвориторических условий означенного рода пробуждения духовной рефлексии выступает *лингвориторический смысловой интервал*, трактуемый как контраст и конфликт альтернативных интерпретаций одного и того же события с учетом фактора глубинного понимания сути христианской религии. Вслед за А. А. Богатырёвым [2; 3] мы можем отнести к лингвориторическим экспонентам смыслового интервала парадоксальные выражения (например, «*греховная молитва*» [6]) и высказывания (например, «*Пост и молитва <...> могут удалять от Бога*» [16]);. Однако в тексте проповеди присутствует более богатая герменевтическая палитра смысловых интервалов, связанная с моделированием «альтернативных и несовместимых смысловых миров», к каковым могут быть сюжетно отнесены молитва мытаря и фарисея. Конструктивная суть смыслового интервала заключается в стимулировании переоценки реципиентом проповеди своих исходных принципов, взглядов, в избавлении от косных стереотипов, в пробуждении «*духовного зрения*».

Риторический интервал выступает филологическим источником и риторическим средством обращения рефлексии реципиента текста проповеди на предельные духовные основания бытия. В риторическую задачу проповедника входит разработка динамических аспектов противоположности образов слушателя как «себя повседневного» и «лучшего Я», вступающих в отношения поляризации [8, с. 176].

Противоположности интерпретационных пресуппозиций альтернативно толкуемого смыслового интервала в тексте образуют *полюсы риторической эллипсоиды*, выступающей в качестве интегративной схемы-конфигуратора возможных пониманий смыслов. При этом осевая эллиптическая конструкция проповеди в конечном итоге всегда мыслится как *вертикаль* в том ее понимании, которое приводит М. Элиаде, когда утверждает, что «никакой мир невозможен без вертикального измерения и само это измерение уже наводит на мысль о Всевышнем» [17, с. 82]. Эта устремленная от земного к небесному вертикаль составляет предельный уровень *интервализации* понимания проповеди, соответствующий жанросообразной глубине ее педагогического послания.

Риторическая эллипсоида связана с *интервализацией* текста сообщения, определяемой как «текстовая установка на конфликтное столкновение нетождественных горизонтов смыслопостроения для интерпретируемого текста» [2, с. 17–18]. Основным текстовым источником интервализации выступает *смысловый интервал*, трактуемый как «явленная реципиенту в усмотрении равновозможность двух и более нетождественных, взаимоисключающих пониманий (интерпретаций) на основе одних и тех же объективных текстовых данных» [3, с. 93]. Ярким формальным маркером интервала выступает *катахреза*, выявляемая на основе усмотрения аномального сочетания номинативных единиц языка: «*греховная молитва*» [6]; «*ложное благочестие*» [16]. В более широком приближении к средствам интервализации могут быть отнесены также и парадоксальные образы («*Ваша праведность, как запачканная одежда*» [10]), парадоксальные высказывания, например: «*Пост и молитва, и добрые наши дела, оказывается, могут не приблизить нас к Богу, а наоборот, удалять от Бога и от людей*» [16]; «*Не будем бояться быть грешниками*» [13]. Встречается также эксплицирующий тип интервала, например: «*Слепота наша в том, что считаем себя зрячими*» [6]. Подчеркнем, что риторический интервал рассматривается здесь не как стилистическое украшение текста проповеди, а как средство демонстрации пропасти между христианским и нехристианским мировоззрением. *Интервализованное слово проповеди* позволяет оценить высоту понимания реципиентом сказанного не в меньшей мере, чем употребление редких церковнославянизмов или маркеров дискурса столичных профессоров. В анализе номинативных средств организации проповеди различаются оба основных вида интервализации – «поляризация» и «сгущение» [2, с. 17–18]. Первый тип связан с выдвиганием в тексте контрастов и антитез, второй – с разработкой поля ассоциации идей и понятий на том или ином полюсе.

Несмотря на тот факт, что все источники возникающих между проповедником и слушателями коммуникативных барьеров удобно рассматривать при помощи метафоры языка и интерпретации, не все из них имеют непосредственно языковую природу в узком ее понимании. Сюда следует отнести также (а) различия теистической и атеистической картин мира, (б) дисбаланс прагматических установок коммуникантов и нарушение «кодекса доверия» между ними, (с) неверно заданный уровень ожиданий, (д) низкий уровень вовлеченности в коммуникативный процесс постижения разделяемых смыслов, (е) неискренность рецепции слова проповеди.

Церковное общение – возвышенное общение: «*В храме стояще славы Твоея, на Небеси стоят мним*» [9]. Однако в языке современной проповеди встречаются и невозвышенные слова и выражения: «*Мы будем падать в грехи, расшибать себе нос*»; «*В вечной жизни не нужно будет ни хлеб сеять, ни в очереди стоять, ни рубашки гладить*»; «*Вася, не лезь в лужу, простудишься*»; «... чтобы они немножко,

так сказать, *очухались*» [Там же]. *Интервализация стиля* высказываний проповедника обусловлена риторической задачей объять великое в ничтожном и открыть пере-выражение прекрасного, возвышенного и бессмертного в сниженном, суетном и земном. Разработка в просторечной и сниженной лексике проповеди элементов приземленной образности не только вскрывает мелочность мира переживаний земного человека, но перевыражает в себе глубинную сложность человеческой природы в свете серьезности темы спасения души, способствует «намагничиванию» смыслового интервала как источника понимания главных смыслов библейского послания.

IV. Риторико-герменевтическая программа русской православной проповеди основывается на реализации говорящим риторической и смысловой доминанты *соборности*. На основе анализа корпуса текстов православных проповедей XX–XXI веков автор приходит к выводу о *полиадресатности* как ведущей (социально обусловленной [8]) стилевой черте современной православной проповеди. Лингвостилистическим следствием и коррелятом риторических установок соборности и полиадресатности выступает *полистилистическая* организация текста проповеди, представляющая собой многослойную структуру, включающую в себя толкуемый образ Священного Писания или Предания, собственно толкование и программу управления вниманием и пониманием слушателей. Церковнославянские выражения поясняются на современном русском языке: «Поэтому в Церкви молятся на неделе о мытаре и фарисее: “*Потщимся* (т.е. постараясь) подражать фарисеевой добродетели и мытареву смирению”» [14]. Слово православной проповеди демократично по форме, оно звучит в возвышенном и бытовом, общелитературном и академическом регистрах русского языка (ср. термины *дискурс*, *постмодерн*, *идентичность* в устах православных иерархов).

Выявленное стилевое (полирегистровое) разнообразие текстов проповеди принадлежит широкой сфере стилевой стратификации русского языка и свидетельствует о реализации в речевой практике множества авторских программ креативного текстопостроения, основанных на эксплуатации эстетического принципа полистилистики и выступающих свидетельством широкой стиле-регистровой дивергенции текстов в рамках единого жанра. Полученные результаты исследования современного языка русской православной позволяют рассматривать проповедь в контексте интегративного филологического подхода, объединяющего аспекты прагматического, структурно-синтагматического, функционально-стилевого и индивидуально-стилистического описания риторико-герменевтической программы текста с учетом ее смысловых доминант, определяемых контекстом православной культуры (принципов соборности и гармоничного риторического баланса рационального и эмоционального начал (ср.: [7, с. 154])).

Стиль русской православной проповеди обусловлен сложившейся филологической традицией и характерными вызовами современности. Проведенное на конкретных предметных образцах исследование показало, что для современного языка РПЦ характерна *широкая стиле-регистровая палитра*, используемая в рамках прагматики и жанра православной проповеди, а также самобытной православной религиозной культуры. В означенной связи критика языка проповеди как трудного для общественного восприятия и понимания эзотерического языка замкнутой в «языковое гетто» социальной группы не выдерживает проверки на достоверность. основополагающие жанрообразующие функции христианской проповеди как *благовествования* Слова-Логоса несовместимы с герметизмом закрытых языковых сообществ.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии, United Bible Societies, 1992. 1372 с.
2. Богатырев А. А. Индивидуация интенционального начала беллетристического текста / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2001. 373 с.
3. Богатырев А. А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1998. 101 с.
4. Кронштадский Иоанн, прот. Беседа в неделю о мытаре и фарисее [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadskij/Velikiy_post/. (Дата обращения: 29.08.2018.)
5. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1998. 200 с.
6. Московский А. (Мечев), св. прав. Слово в неделю о мытаре и фарисее (3 февраля 2012 года) [Электронный ресурс] // Православие.RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/51354.html>. (Дата обращения: 17.09.2018.)
7. Петрушко И. А. Трехединая модель языковой личности и аспекты языковой и коммуникативной подготовки современного православного проповедника // Языковой дискурс в социальной практике: Сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2018. С. 153–157.
8. Петрушко И. А., Богатырёв А. А. Адресатоцентричная лингвистическая модель коммуникативного события православной проповеди // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 2. С. 175–184.
9. Смирнов Димитрий, прот. Проповедь в неделю о мытаре и фарисее // [Электронный ресурс] // Завет.RU. URL: http://www.zavet.ru/a/post_1297402800.html. (Дата обращения: 28.08.2018.)
10. Стеняев Олег, прот. Проповедь в неделю о мытаре и фарисее [Электронный ресурс] // Православные проповеди. URL: <https://azbyka.ru/propovedi/propoved-v-nedelyu-o-mytare-i-farisee-protoierej-oleg-stenyaev.shtml>. (Дата обращения: 31.08.2018.)
11. Сурожский Антоний, митрополит. Во имя Отца и Сына и Святого Духа: Проповеди. М: Вэб-Центр «Омега», 2001. 188 с.
12. Тихон Борисов, игумен. Смирная же себе вознесется. Неделя о мытаре и фарисее [Электронный ресурс] // Оптина пустынь. URL: https://www.optina.ru/sermon/nedelja_o_mytare_i_farisee_2016. (Дата обращения: 29.08.2018.)
13. Уминский Алексей, прот. Проповедь о мытаре и фарисее [Электронный ресурс] // Альфа и Омега. 2017. № 48. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/>. (Дата обращения: 30.08.2018.)
14. Худиев С. Неделя о мытаре и фарисее (28 января 2018 года) [Электронный ресурс] // Фома. URL: <https://foma.ru/nedelya-o-mytare-i-farisee.html>. (Дата обращения: 30.08.2018.)
15. Худиев С. Смерть как начало славы (27 августа 2018) [Электронный ресурс] // Фома. URL: <https://foma.ru/pochemu-myi-praznuem-uspenie-smert-bogorodicyi.html>. (Дата обращения: 30.08.2018.)
16. Шаргунов Александр, прот. Толкование евангелия на каждый день года. Неделя о мытаре и фарисее [Электронный ресурс] // Православие.RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/4009.html>. (Дата обращения: 30.08.2018.)
17. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.

18. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations. Cambridge, 1984. Pp. 3–69.
19. Смирнов Дмитрий, прот. Начало церковного новолетия (14 сентября) [Электронный ресурс] // Православные проповеди. URL: <https://azbyka.ru/propovedi/propovedi-dimitrij-smirnov.shtml>. (Дата обращения: 17.09.2018.)

**LINGUISTIC, RHETORICAL AND STYLISTIC CHARACTERISTICS
OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN ORTHODOX
PREACHING DISCOURSE**

I. A. Petroushko

Tver State University
the Department of Theology

The article elicits the rhetorical principles of Russian Orthodox Sermon, viewed as an organized whole, constructed according to the scheme of ‘rhetorical ellipsoid’. The preaching text is described as an ensemble of functional and semantic blocks, given linguistic and rhetorical description and commentary. Linguistic and Stylistic analysis of sermons uncovers the characteristic features and key tendencies of the development of the Russian Orthodox Preaching in Russian at present.

Keywords: *Language and Style of Russian Orthodox sermon; rhetorical ellipsoid.*

Об авторе:

ПЕТРУШКО Иван Алексеевич – ассистент кафедры теологии Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ivan_petroushko@mail.ru.

About the author:

PETROUSHKO Ivan Alekseevich – Lecturer at the Department of Theology, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ivan_petroushko@mail.ru.

УДК 811.161.1(1-6СНГ)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН СНГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

¹Л. Н. Скаковская, ²Е. В. Ключникова

Тверской государственный университет

¹кафедра международных отношений

²Управление научных исследований

В статье рассмотрены вопросы, связанные со статусом русского языка, использованием в системе образования, мотивацией изучения и интеграцией стран СНГ в российское и международное образовательные пространства.

Ключевые слова: *пространство СНГ, статус русского языка, образование, характеристики русского языка, продвижение русского языка, коммуникация.*

После распада Советского Союза в 90-е годы русский язык стал самым удобным средством коммуникации и связующим звеном на пространстве Содружества Независимых государств (СНГ). Проводимая Россией открытая политика в сфере функционирования и развития русского языка стала основанием современного решения языковых проблем не только внутри страны, но и за ее пределами. При наличии явных трудностей продвижения русского языка набирают силу позитивные тенденции повышения гражданской ответственности за состояние государственного языка и ресурсов его прогрессивных изменений, признания того, что русский язык в многонациональном российском обществе – это проблема государственности, консолидации народов и единства страны, ее мощи и международного авторитета [2].

На пространстве СНГ (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, ассоциированные члены – Украина, Туркменистан) русскому языку принадлежит особая роль: он остается носителем или, как минимум, транслятором тех смыслов, которые взаимопонятны для всех, кто принадлежит к пространству бывшего Советского Союза.

Однако, по мнению фонда «Русский мир», сегодня в странах СНГ в ущерб позициям русского языка продолжается и процесс закрепления преобладающих позиций титульных языков [3].

До распада Советского Союза на русском как основном государственном языке разговаривали 286 млн. человек (из 293 млн. в 1993 году). Им хорошо владели почти все жители союзных республик, и в обязательном порядке знал каждый школьник.

Сегодня население 14 бывших союзных республик насчитывает свыше 140 млн. человек (приблизительно равно по численности населению России). Из них:

- 63,6 млн. человек – активно владеют русским языком (постоянно используют на работе, в процессе обучения, в быту);
- 39,5 млн. человек – пассивно владеют русским языком (понимают его, но не используют как средство коммуникации);
- 38 млн. человек – не владеют русским языком.

Русский язык был не только инструментом проводимой государственной политики, но и выполнял миссию посредника между людьми и странами, оказывая прогрессивное влияние на их развитие. Все слои интеллигенции республик, не говоря уже о научных работниках, через русский язык интегрировались в мировое пространство.

На текущий момент важнейшей задачей министерств образования стран СНГ и отвечающих за развитие образовательного пространства институтов СНГ становится согласование политики государств в отношении русского языка. Если не будет достигнут консенсус по данному вопросу, то все усилия, прилагаемые Россией по сохранению и продвижению русского языка, не принесут ожидаемых результатов.

В условиях современной языковой ситуации для всех стран СНГ актуальными являются следующие проблемы:

- статус русского языка;
- преподавание русского языка в школе;
- мотивация изучения русского языка;
- преодоление конкуренции русского и английского языков в образовательных системах стран СНГ через многовекторное профессиональное образование.

Вопрос о статусе русского языка на пространстве СНГ, который зависит выполняемых им функций, целей и сфер использования, удовлетворяемых потребностей пользователей, является первоочередным. Сведения о статусе русского языка в странах СНГ приведены в табл. 1.

Табл. 1

Статус русского языка в странах СНГ

Страна	Статус русского языка
Россия	Государственный*
Азербайджанская республика	Иностранный
Республика Армения	Иностранный
Республика Беларусь	Государственный
Республика Казахстан	Официально употребляемый**
Киргизская республика	Официальный***
Республика Молдова	Язык межнационального общения, официальный – для Гагаузии и Автономного территориального образования с особым статусом Приднестровье
Республика Таджикистан	Язык межнационального общения, используется в законотворческой деятельности
Республика Узбекистан	Иностранный
Ассоциированные члены	
Украина [4]	Иностранный
Туркменистан	Иностранный

*«Государственный язык» (*national language*) – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства (ЮНЕСКО).

**«Официально употребляемый» – официально употребляется в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с государственным языком.

***«Официальный язык» (*official language*) – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства.

Из табл. 1 видно, что только Республика Беларусь придала русскому языку статус государственного, официальным он является в Киргизской Республике и Республике Казахстан, языком межнационального общения – в Республиках Молдова и Таджикистан, в других странах СНГ – является иностранным языком.

Фактические позиции русского языка позволяют разделить страны СНГ на три категории [6]:

- страны, в которых на русском языке говорит более 1/2 населения. В повседневном общении русский язык используют более 90 % населения Республики Беларусь и более 60 % населения Республики Казахстан и населения Украины;
- страны, в которых при доминировании титульного языка около 1/4 населения считают русский родным. В повседневном общении говорят на русском языке от 20 % до 40 % (Киргизская Республика, Республика Молдова);
- страны, где русским владеют менее 1/3 населения.

Русский язык почти не используется в повседневном общении (республики Армения и Таджикистан, Азербайджанская Республика и Туркменистан).

В большинстве стран СНГ процесс закрепления доминирующих позиций титульных языков происходит в ущерб позициям русского языка, что приводит к ущемлению прав русскоговорящего населения (ср. данные на рис. 1 и рис. 2).

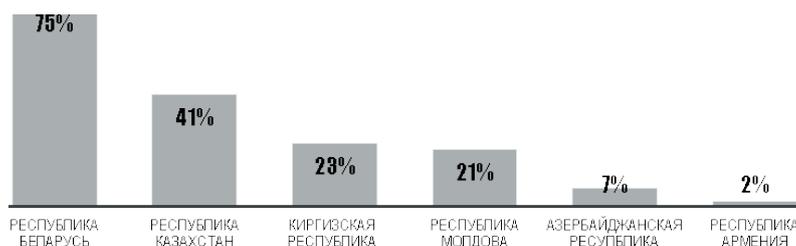

Рис. 1. Доля детей, обучающихся на русском языке (по состоянию на 2014 год)

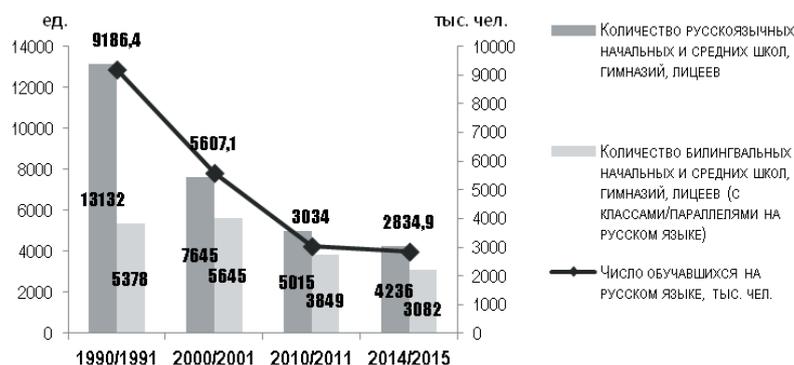

Рис. 2. Динамика русскоязычного школьного образования в странах СНГ и Балтии за период с 1990/1991 по 2014/2015 годы [1]

Примечание. Данные на рис. 2 приводятся по странам СНГ и странам Балтии, которые ранее входили в СССР, но не входят в СНГ. Учет данных вместе со странами Балтии был актуален в 1990 г., но не актуален на сегодняшний день, однако используется для сопоставимости данных.

Русский язык в школах стран СНГ имеет несколько вариантов преподавания: русский как один из иностранных языков, национальные школы с углубленным изучением русского языка, классы с русским языком обучения, русские школы.

Из данных рис. 2 видно, что количество школ и гимназий продолжает сокращаться, но в последние годы темпы замедлились.

В 2000 г. началось выведение русского языка из системы образования по следующей схеме: школы с обучением на русском языке становились сначала билингвальными, затем в первых классах прекращалось обучение на русском языке, а впоследствии школы становились моноязычными.

В большинстве стран СНГ (за исключением республик Беларусь и Казахстан) в школьных учебных планах активно сокращается отведенное на изучение русского языка число часов, не издаются учебные пособия на русском языке. Данные факты снижают возможности изучения русского как для русскоговорящих, так и для носителей титульного языка.

В образовательных заведениях СНГ на русский язык приходится в двадцать раз меньше часов, чем на иностранные языки.

Вопросы мотивации изучения русского языка остаются в центре внимания педагогов всех стран СНГ. Нынешнее поколение значительно уступает старшему как в вопросах грамматики, так и в сформированности навыков речевой коммуникации. Повышению мотивации изучения русского языка способствует прежде всего возможность трудоустроиться или продолжить обучение в российских вузах.

Динамика русскоязычного среднего профессионального и высшего образования в странах СНГ и Балтии представлена на рис. 3.

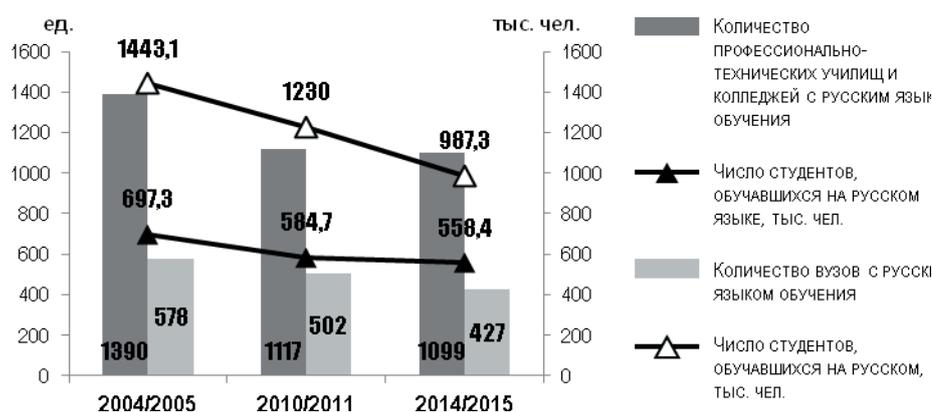

Рис. 3. Тенденции изменения русскоязычного среднего профессионального и высшего образования в странах СНГ и Балтии в 2004/2005–2014/2015 годах [1]

Данные рис. 3 показывают, что уменьшилось количество профессиональных учебных заведений, колледжей с обучением на русском языке, сократилось число студентов СПО, а также количество вузов.

Динамика численности изучавших русский язык в школах, учреждениях СПО и вузах в странах СНГ и Балтии представлено на рис. 4. Сокращение количества образовательных учреждений с обучением на русском привело соответственно к уменьшению числа изучавших русский язык (рис. 4).

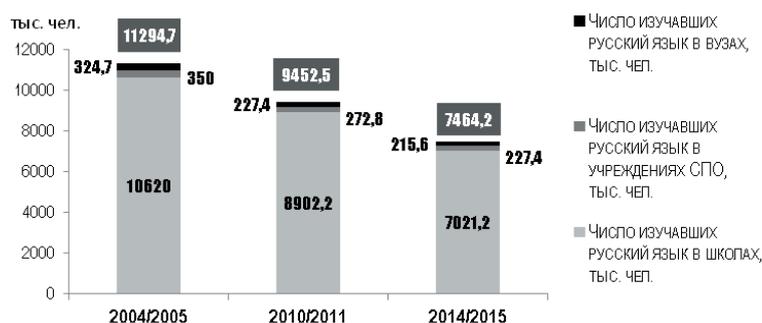

Рис. 4. Изменение численности изучавших русский язык как учебный предмет или иностранный язык в школах, учреждениях СПО и вузах в странах СНГ и Балтии [1]

Языковая ситуация в целом на пространстве СНГ в значительной степени зависит от влияния не только русской культуры, но и западной цивилизации. Следствие данного факта – появившаяся конкуренция русского и английского языков. Это должно стимулировать Россию к более эффективному присутствию в странах СНГ, что в итоге позволит сохранить русский язык и расширить культурное пространство. При этом продвижение русского языка в странах СНГ должно проходить без какого бы то ни было администрирования, важно сохранять разумный баланс национального и инофонного обучения.

Помимо расширения возможностей для обучения в российских вузах студентов из стран СНГ и достижения согласованной позиции о статусе языка с руководством постсоветских республик главные мотивы к сохранению русского языка будут по-прежнему связаны с потребностями поддержания экономических и культурных связей, привлекательности российского коммуникационного пространства.

Особое значение русского языка как «основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве» подчеркнуто и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5], принятой в декабре 2015 г.

Для ускорения процессов интеграции реализуются программы поддержки изучения русского языка и культуры в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. Этим занимаются Совет глав правительств СНГ, Библиотечная Ассамблея Евразии, фонд «Русский мир», фонд «Евразийское содружество», Россотрудничество, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина и др. Деятельность названных структур способствует укреплению и расширению русского языкового, российского культурного, образовательного пространства и пространства научных коммуникаций в государствах СНГ.

В заключение следует сказать, что после распада Советского Союза молодые независимые государства, сделав ставку на вполне объяснимое развитие национальных языков, все-таки осознали необходимость русского языка как инструмента взаимодействия в глобальном пространстве. Русский язык в этом смысле для стран СНГ выполняет информационно-коммуникационную функцию. Через Россию и русский язык страны СНГ вышли в мировое пространство. А без мировых трендов в той же науке или экономике страны могут застрять в истории и изолироваться в национализме.

Список литературы

1. Арефьев А. Л. Русский язык в современном мире [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический журнал «Университетская книга». Языковая политика России и позиционирование русского языка в мире. Ч. 2. URL: <http://>

- www.unkniga.ru/ostraya-tema/6826-yazykovaya-politika-rossii-i-pozitsionirovanie-2.html. (Дата обращения: 16.07.2018.)
2. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом: утв. Президентом РФ 03.11.2015 г. № Пр-2283 [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644>. (Дата обращения: 19.07.2018.)
 3. Нужен ли русский язык в СНГ? [Электронный ресурс] // Россия в Кыргызстане. URL: <http://www.rusinkg.ru/analitika/article/5872-nuzhen-li-russkij-yazyk-v-sng>. (Дата обращения: 19.07.2018.)
 4. Статус Украины в СНГ. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/5118836>. (Дата обращения: 19.07.2018.)
 5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/. (Дата обращения: 16.07.2018.)
 6. Языковая политика стран СНГ: положение русского языка [Электронный ресурс] // Внешняя политика. Журнал о сообществе и профессии. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-yazyka/>. (Дата обращения: 19.07.2018.)

THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CIS COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS

¹L. N. Skakovskaya, ²E. V. Klyushnikova

Tver State University

¹*the Department of International Relations*

²*the Office of Scientific Research*

This article discusses issues related to the status of the Russian language, use in the education system, the motivation for studying and integrating the CIS countries into the Russian and international educational spaces.

Keywords: *CIS space, status of Russian language, education, characteristics of Russian language, promotion of Russian language, communication.*

Об авторах:

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: rector@tversu.ru.

КЛЮШНИКОВА Елена Валерьевна – старший научный сотрудник Управления научных исследований Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: stanislav219@yandex.ru.

About the authors:

SKAKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of International Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: rector@tversu.ru.

KLYUSHNIKOVA Elena Valerievna – Senior Scientific Researcher at the Office of Scientific Research, Tver State University (170100, Tver, Zelyabova str., 33), e-mail: stanislav219@yandex.ru.

УДК 372.881.161.1

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПАКТНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ВЕЛИЧИНА В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Ю. Скаковский, Н. А. Буданова

Тверской государственной медицинской университет
кафедра русского языка

Данная статья посвящена рассмотрению информационной компактности как важнейшей составляющей на уровне оценочно-текстовой деятельности иностранных студентов. Информативная компактность представляет собой стратегическую единицу семантического обрамления познавательного лексико-грамматического пространства и обеспечивает правильность, точность, доступность восприятия и обработки наиболее целесообразных для изучения текстов.

Ключевые слова: *информационная компактность, целесообразность, достаточность, необходимость, компрессия, сокращение, объём, репрезентация.*

Для иностранных студентов изучаемые тексты представляют собой прежде всего информативно-зрительное пространство, что коррелирует с феноменом информативности текста как его важнейшим атрибутом [2, с. 103–104]. Это иноязычное понятийно-знаковое поле, предназначенное для индивидуального усвоения. «При этом интеллектуальные возможности становятся наиболее существенными в силу необходимости всеобъемлющей речемыслительной работы на основе включения в коммуникативное поле наиболее важных, требующих немедленного разрешения проблем» [6, с. 260]. Актуальным становится вопрос об образах человеческого сознания, исходящих из понятийно-оценочной деятельности субъекта на уровне слуховой, зрительной, мыслительной обработки поступающей текстовой информации. «При исследовании семантико-синтаксической структуры текста актуальность рассмотрения приобретают те категории, которые являются необходимыми элементами составляющих текст единиц» [5, с. 170]. Значимыми, несомненно, являются объём, количество приходящих в сознание знаковых единиц, где «...обращение к проблеме реконструкции образов <...> связанных с представлениями о количественной стороне бытия, в сопоставительном аспекте даёт возможность выявить как универсальные содержательные компоненты в структуре глубинного представления о количестве, так и специфические уникальные компоненты, обусловленные этнокультурной маркированностью языкового сознания» [8, с. 1616].

Особенность когнитивной системы человека ориентирована на тонкость чувствования любого «колебания» в сторону изменения объёма поступающей информации до приближения к эталонной составляющей, определяемой нами как категория «меры». Это подразумевает прежде всего языковую, смысловую, коммуникативную достаточность. Скорость преобразования поступающей «необработанной» информации до целесообразной категории «меры» является интенсивностью. «При сопоставлении двух различных предметов или явлений человеческий ум легче схватывает количественные различия, чем специфические признаки. Впрочем, нет ничего более широкого и, надо сказать, более растяжимого, чем категория “меры” или “количественный аспект”» [1, с. 203].

Информативная компактность, полученная на свободно-индивидуальном чувствовании «меры», базирующегося на категориях целесообразности и достаточности, включает зону квантификации, репрезентирующую изменения по пути уменьшения или увеличения количества, и зону оценки скорости распространения информации, регулирования её объёма, что является отражением субъективного отношения индивида к окружающей действительности.

Стремление к информативной компактности может привести к «наслоению» на объективно-количественное и субъективно-оценочное значение чувственной оценки индивида – продуктивного средства усиления экспрессии. Это часто приводит к неопределённости, торможению восприятия и передачи информации, так как «невозможно провести чёткую грань между рассудочным и эмоциональным и часто очень трудно разобраться, что относится к логическому восприятию и что – к области чувств» [Там же, с. 204].

Дифференцированный отбор информативно-понятийных единиц непосредственно связан с принципом целесообразного вхождения определённой знаковой составляющей в сознание индивида, ориентированного на трансформационные процессы обеспечения правильности, необходимости, доступности лексико-грамматического материала, что непосредственно направлено на совершенствование возможностей письма и говорения на языке-посреднике. «Основная задача обучения иноязычной речи заключается в оптимальных способах формирования умений и навыков и коррекция уже имевшихся» [4, с. 146]. Принцип целесообразной правильности на избирательном «впуске» той информации, которая соответствует общепринятым лингвистическим нормам, законам устной и письменной речи, ограничен от возможных ошибок, неточностей, понятийной двусмысленности, представлений в качестве предположения или домысла. Способом превращения в действительность единственной в данных условиях возможности является необходимость – тип модальной связи объектов и высказываний. В отношениях между данными единицами формой существования необходимости выступает объективный закон, репрезентируемый в структуру полученной информации. Именно необходимость является доминирующей особенностью в обработке сигнально- понятийных образов до уровня сжатия и появления языковой, смысловой, то есть информативной компактности. Необходимость становится величиной продуцирования, поддержки правильности речевых процессов.

Большое значение в системе целесообразности представляемой текстовой информации имеет качественная составляющая. Процесс количественно-качественных трансформаций основан на взаимозависимости и взаимосвязанности представляемых сторон. Немаловажным фактом становится лексико-грамматическая, семантическая «готовность» информативных единиц войти в сознание индивида. Доступными для восприятия, осознания, понимания и дальнейших логико-мыслительных процессов должны быть как формально-знаковая, так и смысловая, содержательная, стороны изучаемого и используемого в дальнейшей деятельности текста. Категория доступности, в отличие от простоты, не ориентирована на понимание заложенных на уровне предположения готовых решений в базисной стороне информационных единиц. Доступным становится текст, отвечающий определённым нормам и правилам. Он реален для чтения, восприятия основных лексико-грамматических, понятийных составляющих. Предполагается также его использование в дальнейшей коммуникативной деятельности.

Мыслительная «переработка» текстовых единиц ориентирована на их последовательное «очищение» от вспомогательных лексико-синтаксических компонентов, которые увеличивают объём изучаемого источника, не являющегося рациональным фактором запоминания, в соответствии с закономерностями изучаемого и

смежных видов чтения [3, с. 48–50]. Формально-знаковое сокращение на слуховом, зрительном, понятийном уровнях продолжается до формирования в сознании индивида чётких, точных, однополярных образов, входящих в субъективно-познавательное поле, характерными особенностями которого становятся сжатость, компрессия.

Мыслительная работа иностранных студентов при изучении текстов по медицинским специальностям, находясь в лингвосмысловом пространстве информативной компактности, определяемом целесообразностью подбора по критериям важности, необходимости, доступности, ориентирована на такие задания, как составление плана, краткий пересказ текста, конспектирование и реферирование. Это непосредственно приводит к развитию навыков компрессии текста. Для выполнения предлагаются задания [7], ориентированные на разноуровневое сокращение: 1. Семантический анализ, основанный на выделении фактографической, логико-теоретической и оценочной информации до уровня точности, целесообразной необходимости, например: А. Прочитайте тексты, определите типы информации. Где можно, сократите их, сбросив дублирующую информацию. Б. Сократите микротексты, логико-теоретическую или оценочную информацию. Полученные варианты текстов запишите. В. Определите дублирующую и уточняющую информацию; где возможно, сократите предложения и т. д. 2. Синтаксическое сжатие текста до предела доступности запоминания, восприятия и передачи в предлагаемых вариантах упражнений, например: А. Используя предложенные синтаксические модели-клише, произведите компрессию микротекстов. Б. Измените данные микротексты, включив информацию одного предложения в другое в виде деепричастного оборота. Аргументируйте форму образуемого деепричастия. В. Измените микротексты, используя союзы *и*, *который* и др. 3. Трансформационные процессы уменьшения объёма микро- и макротекстов, определяемые возможностью краткого изложения содержания текста из предложенных рекомендаций, ориентированных на внимательное прочтение текста и определение общей проблемы; выделение композиционно-смысловых частей и составление номинативного плана; анализ типологии представленной информации; сокращение выделенных композиционно-смысловых частей, их запись; проверку письменного варианта текста с учётом необходимых требований: «а) содержание должно быть кратким, но информационно достаточно полным для раскрытия темы текста; б) изложение должно быть логически последовательным с использованием соответствующих языковых средств связи для оформления смысловой целостности текста; в) содержание полученного текста должно объективно опережать содержание текста-источника, сохраняя авторское отношение к рассматриваемой в статье проблеме» [Там же, с. 25–26].

Таким образом, логико-мыслительные процессы в сознании индивида ориентированы прежде всего на целесообразный объём изучаемых текстов. Такие важнейшие интеллектуальные операции, как сокращение, сброс «лишних» знаковых единиц, образуют основополагающую сторону содержательно-знакового поля – информативную компактность.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС Эдиториал, 2001. 392 с.
2. Волков В. В. Филологическая экология: культура речи, языковая, речевая и лингвистическая среда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 103–113.
3. Волков В. В., Гладилина И. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2014. 156 с.
4. Макарова Н. Ф. Типичные ошибки в письменной речи арабговорящих учащихся // Учебно-методические, психолого-педагогические и культурологические

- аспекты обучения иностранных учащихся в вузе: Материалы региональной межвуз. учебно-метод. конф. / Твер. гос. мед. академия. Тверь, 2010. С. 146–150.
5. Мирзоева В.М., Михайлова Н.Д., Кузнецова А.А. Мета-текстовые свойства вводно-модальных связующих средств в аспекте выражения персуазивности научного (медицинского) текста// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 170–174.
 6. Мирзоева В.М., Скаковский В.Ю., Рюшина Н.В. Речемыслительные процессы понимания иностранными студентами диалогического текста// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 260–264.
 7. Скорлуповская Е.В., Суворова Н.В. Обучение компрессии и реферированию текстов по специальности // Учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов-медиков. Тверь, 1999. С. 4–55.
 8. Федяева Е.В. Преуменьшение и преувеличение как две ипостаси количества // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки: сб. статей. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. С. 1615–1630.

INFORMATIVE COMPACTNESS AS THE MOST IMPORTANT SIZE IN THE PROCESS OF COGNITIVE TEXT ACTIVITY

V. Yu. Skakovskiy, N.A. Budanova

Tver State Medical University
the Department of Russian Language

This article is devoted to the consideration of information compactness as the most important component at the level of the estimated text activity of foreign students. Informative compactness is a strategic unit of the semantic framework of the cognitive lexico-grammatical space and ensures the correctness, accuracy, accessibility of perception and processing of the texts most suitable for studying.

Keywords: *informative compactness, expediency, sufficiency, necessity, compression, reduction, volume, representation.*

Об авторах:

СКАКОВСКИЙ Владимир Юрьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, г. Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: skakovskiyv249@mail.ru

БУДАНОВА Наталья Александровна – ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: fraubudanova@yandex.ru.

About the authors:

SKAKOVSKIY Vladimir Yurevich – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Russian Language Department, Tver State Medical University (1700000, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: skakovskiyv249@mail.ru.

BUDANOVA Natalia Alexandrovna – Lecturer at the Department of Russian Language, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: fraubudanova@yandex.ru.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 811.161.1-112

СЛАВЯНИЗМЫ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Ю. Бородина

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

Цель данной статьи – разработка лингвистического и лингвоментального исследовательских аспектов применительно к использованию славянизмов и церковнославянизмов в лирике П. А. Вяземского. Способ анализа – выявление как очевидных, так и неочевидных для современного языкового сознания сакрально-религиозных значений и смыслов славянизмов, выступающих в качестве ключевых слов стихотворений.

Ключевые слова: *П. А. Вяземский, лирика, славянизмы, церковнославянизмы, православное мирозерцание.*

Следуя своим многочисленным предшественникам, начиная с М. В. Ломоносова [10], Г. О. Винокур (1896–1947) еще в работе «О славянизмах в современном русском литературном языке» (1947) отмечал: «...самое понятие “славянизм” может иметь два разных значения: одно – генетическое, другое – стилистическое. В генетическом смысле наименование славянизма приложимо ко всем тем явлениям современной русской речи, которые имеют не русское, а церковнославянское происхождение. <...> Совсем другое дело славянизм в стилистическом смысле. Это есть славянизм не по происхождению, а по употреблению. С первых же дней его существования в русском письменном языке стало обнаруживаться присутствие двух начал: народного русского и церковнославянского книжного» [5, с. 443–444].

В лингвистическом сообществе представлена и иная точка зрения на соотношение церковнославянского и русского начал в древнерусской книжности. Так, Е. С. Яковлева применительно к древнерусскому периоду развития нашего языка делает такое замечание терминологического характера: «“Церковнославянизм” понимается нами расширительно, скорее, как синоним “книжного” слова (в противоположность “бытовому”, “разговорному”) – с акцентом на функциональном, а не на генетическом аспекте значения. В сущности, то, что <...> именуется церковнославянским, с полным основанием могло бы называться древнерусским (или старорусским) литературным языком...» [15, с. 45]. Используемый Е. С. Яковлевой аргумент в пользу названия книжного древнерусского (или старорусского) языка церковнославянским – в том, что эталоном всей древнерусской книжности было Священное Писание [9, с. 61]. Обоснование целесообразности такого терминологического отождествления: «...при сопоставлении старорусского и современного русского литературных языков оно помогает высветить оппозицию “духовное” / “светское”, которая

<...> оказывает существенное влияние на процессы семантических преобразований в ряду церковнославянской – книжной, литературной – лексики» [15, с. 45].

С нашей точки зрения, как бы ни интерпретировать соотношение церковнославянской и народно-разговорной стихий в древнерусской книжности, общая тенденция их эволюционного соотношения в последующие периоды истории русского литературного языка заключается в его последовательной секуляризации. Славянизмы в развивающихся секулярных дискурсах по большей части перестают восприниматься как *церковнославянизмы* и либо полностью осваиваются, либо выступают не в специфической сакрально-религиозной семантике, а лишь как средство стилизации.

По условиям идеологии советских лет, в теоретической разработке понятия «славянизм» и в исследовательской практике нельзя было акцентировать и подробно изучать тот семантический аспект славянизмов, который связан с актуальной церковно-религиозной составляющей, то есть с тем, что некоторая часть славянизмов даже в советские годы выступала вовсе не как архаичные книжные элементы с функционально-стилистически ограниченным употреблением, но как живые *церковнославянизмы*, средства выражения реальностей религиозного сознания и церковной практики, актуальных для живущих здесь-и-сейчас носителей языка. Акцентировалась, изучалась и интерпретировалась *стилистическая* сторона славянизмов – в максимально приемлемом отвлечении от (возможной) сакрально-религиозной основы их семантики.

Советская эпоха ушла в прошлое, и в настоящее время термины *славянизм* и *церковнославянизм* целесообразно разграничивать как общее (родовое) и частное (видовое) именование, а именно: 1) трактовать *славянизмы* как инославянские, в более узком прочтении – старославянские / церковнославянские по происхождению лексемы, выступающие в секулярных и/или сакрально-религиозных значениях и стилистических (функционально-стилистических и/или эмоционально-стилистических) окрасках, 2) церковнославянизмы, соответственно, – трактовать как старославянские / церковнославянские по происхождению лексемы, выступающие не в секулярных, а в сакрально-религиозных значениях и стилистических (функционально-стилистических и/или эмоционально-стилистических) окрасках.

Славянизмы указанного первого рода в целях терминологического уточнения целесообразно также именовать *секулярными / секуляризованными славянизмами* – словами с секулярной семантикой, связанной с языковым опредмечиванием феноменов секулярного («светского», мирского) сознания; славянизмы указанного второго (церковнославянизмы) – именовать *славянизмами с сакрально-религиозной и/или церковной семантикой*, связанной с языковым опредмечиванием феноменов религиозного сознания и/или церковной жизни.

В. В. Виноградов еще в 1935 году, в первом в отечественной науке фундаментальном исследовании языка А. С. Пушкина, отметил безусловную необходимость учета в исследовании славянизмов (церковнославянизмов) факторов социально-исторического характера: «Само понятие церковнославянизма в русском литературном языке – исторически и социологически изменчиво. Оно определяется теми соотношениями, которые устанавливаются в ту или иную эпоху между языком и идеологией господствующих классов и языком религиозного культа. И в пределах разных социальных групп дворянства церковно-книжная культура и генетически связанные с ней формы языка, мифологии и идеологии в начале XIX века имели неодинаковый объем и, следовательно, не вполне однородное содержание, не вполне тождественную структуру» [4, с. 78].

Делая поправку, что церковнославянизмы – это не только и не столько «язык религиозного культа», сколько средство языкового опредмечивания реальностей религиозной составляющей культуры в целом и религиозной составляющей сознания отдельного человека, и применяя это общее положение к творчеству Вяземского, следует добавить: «неодинаковый объем и, следовательно, не вполне однородное содержание» характерны также для разных периодов его жизни и творчества, что связано с неизбежными изменениями на протяжении жизни мировоззренческих, в том числе религиозных, взглядов и внутренней бессознательной позиции, которая – с разной мерой осознанности – находит выражение в поэтическом творчестве.

Эволюцию поэтического языка Вяземского представляется возможным осмыслить как «растянутую во времени» эволюцию языка Пушкина, а следовательно, и в целом как отражение магистральной линии становления современного русского литературного языка, ср. заключение В.В. Виноградова: «Итак, начав свой литературный путь борьбой с церковно-книжной традицией <...> Пушкин затем не только оправдал историческую роль церковнославянизмов, но признал их жизненное значение для последующего развития литературы. Выступив на литературное поприще как “француз”, как европеец, Пушкин скоро понял идеологическую узость и художественный “провинциализм” стилей русских европейцев. <...> Проблема синтеза национальной и европейской стихии привела поэта к разработке “сокровищ живого слова”. В национально-бытовом дворянском просторечии, не зараженном “французской болезнью”, и в простонародном языке, к которому примыкали и “мутные, но кипящие источники” народной поэзии и памятники древнерусской письменности, Пушкин увидел структурную основу русского национально-литературного языка. Синтез этих трех основных языковых категорий – церковнославянской, европейской и национально-русской – по мысли Пушкина должен был опираться на представление о языке “хорошего общества” (т. е. о языке буржуазно-дворянской интеллигенции) как об идеальной норме литературного выражения» [Там же, с. 454].

К этой «идеальной норме литературного выражения» Вяземский приходит в заключительный период своего поэтического творчества, в котором секулярно-«светские» и сакрально-религиозные мотивы оказываются тесно и органически переплетенными.

Первая треть XIX века – период активного становления русского литературного языка, ориентированного в первую очередь на секулярные дискурсы в оппозиции церковно-религиозному. Наиболее очевидные признаки «нового стиля» – освобождение от избыточной «славянщины» (церковнославянских слов и выражений), активные заимствования из французского и демократизация языка за счет использования народно-разговорных слов и выражений. Эти языковые особенности в мировоззренческом отношении перекликались с ориентацией на западную культуру, с политическим вольнодумством и религиозным вольномыслием, которое в период советского государственного атеизма интерпретировалось даже как «богоборчество».

Члены литературного кружка «Арзамас», включая А. С. Пушкина и П. А. Вяземского – звезды «золотого века» русской поэзии, сторонники «карамзинского» направления в литературе и «нового стиля» в языке. По отношению к их поэтическим идиолектам бытует утверждение: «Вопрос о церковнославянском наследии в новом литературном языке был снят, таким образом, ходом развития образования, вставшего на путь обмирщвления с середины XVIII в.» [2, с. 358]. Это утверждение ассоциируется с якобы имевшим у «арзамасцев» тотальный характер исключением традиционной христианской составляющей поэтической семантики, с использованием славянизмов в сугубо секулярных значениях, а в лингвоментальном отношении – с якобы полной безрелигиозностью, доходящей до атеизма.

Указанные крайности оценок, обусловленные спецификой советского периода отечественной истории, в современных условиях нуждаются в существенной корректировке, существо которой, на наш взгляд, сводится к следующему.

«Обмирщение», секуляризация языка – задача, которая в принципе не может быть решена быстро. Это не заставить бояр сбрить бороды и переодеться в европейское платье: два-три десятилетия – и готово, новые бытовые привычки у социальных верхов сформировались. В основе секуляризации языка – мировоззренческие, а затем и вместе с ними лингвоментальные социально-психологические и индивидуально-личностные трансформации, лишь после этого сколько-нибудь широкое изменение узуса дискурсивных практик. В этом контексте, как справедливо отмечают специалисты уже постсоветского периода нашей истории, «...новый язык должен был, обслуживая светскую словесность, служить в конечном счете задачам секуляризации <...> жесткой, разрывающей с традициями церковной культуры, или более мягкой, предполагающей постепенность и сохранение глубоких и интимных связей Церкви и отошедшей от нее обмирщенной литературы» [3, с. 96].

Русский литературный язык пошел, как известно, по карамзинскому пути «жесткой» секуляризации. Однако она не носила и не могла носить сугубо радикального характера. Коль скоро «православный компонент», по оценкам современных исследователей (см., например: [11; 14]), занимает существенное место в лингвокультурном пространстве даже современного русского языка, несмотря на десятилетия государственных атеистических гонений, в том числе в новой литературе «духовного реализма» [6; 7], то что уж и говорить о начале XIX века, когда «некрещеных» и невоцерковленных русских, включая самых европеизированных, попросту не было. Как показывают современные исследования, православный дискурс занимал значительное место в творчестве, например, В. А. Жуковского [1], близкого друга Вяземского на протяжении многих десятилетий, а записные книжки Вяземского в советское время были изданы лишь до 1848 года [8], – то есть до того момента, с которого в его записных книжках появляется множество сакрально-религиозных тем, в том числе связанных с паломничеством по святым местам в 1850 году. Другой вопрос, что сакрально-религиозный публичный и художественный дискурс, основывающийся на церковнославянизмах, маргинализировался, оказывался за пределами не только «салонно-литературных стилей высшего общества» (В. В. Виноградов), но по большей части и за пределами актуального литературного процесса.

Таким образом, обмирщение «контента», содержания печатных произведений и обиходного общения и секуляризацию языка, в том числе применительно к разным периодам творчества Вяземского, не следует интерпретировать как полный уход из русской ментальности религиозной составляющей.

«Общее место» современной филологической русистики – факт «компромисса» «книжной и разговорной языковой стихии» [13, с. 140], то есть стихии «старой», базирующейся на церковнославянской книжности, и «новой», ориентирующейся на «салонно-литературный» язык социальных верхов, эволюционирующей под влиянием европейской культуры и французского языка. В лингвоментальном отношении у «арзамасцев», в том числе у Вяземского, доминантной оказывалась «салонно-литературная» стихия, но вовсе не как единственная.

Отношение Вяземского к христианству в первой трети его творческой жизни, на наш взгляд, удачно сформулировано в обобщении И. Е. Прохоровой: «В целом мироощущение Вяземского этих лет – мироощущение человека рационалистического склада, впитывавшего и продуцировавшего в гораздо большей мере либерально-просветительские идеи, чем религиозно-церковные. <...> В постоянных

сомнениях Вяземского относительно истинности и жизненности христианских догматов, в первую очередь, конечно, проявляется определенная закономерность духовных исканий мыслящего человека первой четверти XIX века. Но проглядывает в них, особенно в ранней молодости, и дань тогдашней моде на вольнодумство, а иногда и своего рода юношеская бравада, даже эпатаж [12, с. 135–136].

В утверждении, что П. А. Вяземский (1792–1878) – поэт «пушкинской поры» (варианты: «пушкинского круга», «пушкинской плеяды»), как бы «выносятся» за скобки», во-первых, что Вяземский существенно старше Пушкина и в начале его творческого пути был по отношению к Пушкину старшим товарищем, во-вторых, что на время жизни Пушкина приходится лишь первый период творчества Вяземского. После кончины Пушкина у Вяземского – еще два периода дальнейшего творческого развития, которые существенно отличаются от начального, биографически совпадающего с пушкинским, и в жанрово-тематическом, и в мировоззренческом, и в лингвопоэтическом отношениях.

Таким образом, в рамках исследования поэтического языка П. А. Вяземского славянизмы могут рассматриваться как своеобразные «лингвоментальные индикаторы» соотношения «салонно-секулярного» и сакрально-религиозного аспектов художественного сознания в их непростом взаимодействии на уровне индивидуального языкового, в том числе индивидуального художественного сознания. Иными словами, славянизмы в поэтическом творчестве Вяземского, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать как своеобразные «индикаторы» религиозного измерения его жизни и поэтического служения, «показания» которого колеблются от крайних точек «мирское (светское, секулярное)» и «церковно-религиозное, сакральное», никогда, впрочем, не достигая собственно края, но оставаясь в некоем континуальном промежутке между этими крайностями. Типовые лингвостилистические (лингвопоэтические) и лингвоментальные (лингвоконцептуальные) функции славянизмов в поэтическом творчестве «раннего» и «позднего» Вяземского существенно различаются – в изоморфном соответствии с основными общеязыковыми функциями славянизмов в русской поэтической речи и в русском литературном языке в целом.

Список литературы

1. Айзикова И. А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В. А. Жуковского // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 169–196.
2. Алексеев А. А. Место П. А. Вяземского в истории русского литературного языка // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петерб. лингв. об-во, 2013. С. 355–362.
3. Бухаркин П. Е. Поэтический язык А. С. Пушкина и проблемы секуляризации русской культуры // Христианство и русская литература: Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 92–104.
4. Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
6. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
7. Волков В. В., Гладилина И. В., Скаковская Л. Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49–54.

8. Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 507 с.
9. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
10. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585–592.
11. Мишланов В. А. О месте церковнославянского языка в русском лингвокультурном пространстве // Филологические заметки. 2014. № 1. С. 1–15.
12. Прохорова И. Е. Христианство в творческом сознании П. А. Вяземского 1810-х годов // Проблемы исторической поэтики: Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во Петр. гос. ун-та, 2005. С. 125–137.
13. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
14. Шишков М. С. Православный компонент в лингвокультурном пространстве современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. С. Шишков; Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2007. 18 с.
15. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 43–73.

**SLAVICISMS AND CHURCH SLAVICISMS
IN P.A. VYAZEMSKY'S LYRICS: THE LINGUISTIC
AND LINGUO-MENTAL ASPECTS**

E. Yu. Borodina

Tver State University
the Department of Russian Language

The purpose of this article is the development of linguistic and linguo-mental research aspects as applied to use of slavisms and Church slavisms in P.A. Vyazemsky's lyrics. The way of analysis is to reveal both the obvious and non-obvious for the modern linguistic consciousness the sacral-religious meanings of slavisms, which act as key words of the verses.

Keywords: *P. A. Vyazemsky, lyrics, slavisms, Church slavisms, Orthodox world outlook.*

Об авторе:

БОРОДИНА Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: amsterdam6989@mail.ru.

About the author:

BORODINA Ekaterina Yurevna – Postgraduate Student at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: amsterdam6989@mail.ru.

УДК 8.882

**ГЕРОЙ-АВТОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУШКИНА,
ГОНЧАРОВА И НАБОКОВА****П. В. Бояркина**

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
отдел пушкиноведения

Характерная для метаромана рефлексия жанра представлена в творчестве Набокова в самых разных вариантах. Статья посвящена тому из них, который связывает писателя XX века с автором, казалось бы, с Набоковым не имеющим ничего общего, – с И. А. Гончаровым. Сближение имен Набокова и Гончарова перестанет казаться странным, если учесть, что одним из центральных творческих ориентиров обоих писателей служил пушкинский «Евгений Онегин».

Ключевые слова: Пушкин, Гончаров, Набоков, метароман, герой-автор.

Герой-автор, чье творчество описано и частично представлено внутри романа, появляется у Набокова многократно: это и Илья Борисович в рассказе «Уста к устам», и Герман в «Отчаянии», и Цинциннат в «Приглашении на казнь», и Федор Константинович Годунов-Чердынцев в «Даре», и В. в «Подлинной жизни Себастьяна Найта», и Гумберт в «Лолите», и Ван Вин в «Аде», и Вадим в «Смотри на арлекинов!».

В статье речь пойдет об одном варианте этих, по определению С. Давыдова, «текстов-матрешек» [7] – о случае, когда произведение Набокова становится реализацией неосуществленного замысла его героя (эта модель наиболее отчетливо представлена в «Даре» и «Подлинной жизни Себастьяна Найта»), а также об истоках приема как такового.

Сюжет «Дара» – становление писателя, его работа над несколькими произведениями, и, в частности, – над автобиографическим романом, который Годуновым-Чердынцевым написан не будет, но именно этим романом становится написанный Набоковым «Дар». В статье «Эпилог русского модернизма» М.Н. Липовецкий писал: «“Дар” – это “зеркальный роман”, рисующий путь художника к тому самому тексту, который мы в данный момент читаем» [9, с. 648]. Герой и автор подчас становятся неотличимы, они подменяют друг друга так же незаметно, как это некогда происходило в байроновском «Чайльд-Гарольде». Повествование плавно переходит от третьего лица к первому и наоборот.

Как подчеркивает М. Липовецкий, плавность подобных переходов «от повествователя к повествователю обеспечена фрагментами, так сказать, субъектно-амбивалентными – то есть в принципе допускающими любого субъекта» [Там же, с. 662]. Такого рода повествовательная техника и обеспечивает возможность в конечном итоге воспринять «Дар» как осуществление ненаписанного автобиографического романа Годунова-Чердынцева.

Структура взаимопроникновения написанного героем и автором усложняется в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» («The Real Life of Sebastian Knight», 1938–1939). В. хочет написать роман об умершем брате, блестящем писа-

теле Себастьяне Найте, однако ему этого сделать не суждено. Роман напишет автор, двойниками которого одновременно становятся и В., и Себастьян, чьи книги содержат мотивы творчества самого Набокова (как поясняет Б.В. Аверин, «Призматический фацет» Найта отсылает к «Машеньке», «Успех» – к «Дару», «Неясный асфодель» – к самой «Подлинной жизни Себастьяна Найта» [1, с. 358]). В финале романа откровенно предьявлено взаимопроникновение героев и автора. Последняя фраза, которую записывает В.: «Я – Себастьян, или Себастьян – это я, или, может быть, оба мы – кто-то другой, кого ни один из нас не знает» [13, с. 191].

В финале последнего романа Набокова «Смотри на арлекинов!» (“Look at the Harlequins!”, 1973–1974), повторяющего некоторые черты «Подлинной жизни Себастьяна Найта» (автор также позволяет герою стать автором своих произведений, причем всех: «Тамара» – «Машенька», «Пешка берет королеву» – «Король, дама, валет», «Камера люцида» – «Камера обскура», «Красный цилиндр» – «Приглашение на казнь», “Ardis” – «Ада, или Радости страсти» и т. д.) обнаруживается практически неотличимое сходство героя и автора, подготовленное предшествующим повествованием, по ходу которого их неоднократно путали. Герой, очнувшись от затяжного обморока, ставшего своего рода сном наяву, пытается вспомнить свое имя. Он помнит, что при крещении был назван Вадимом – по имени отца. Но фамилия все еще неразличима. Ее возможные варианты, начинаясь на «Н», обнаруживают «ненавистное сходство» с фамилией того автора, с которым его «вечно путали рассеянные эмигранты из какой-то другой галактики» [14, с. 309]. Сливаясь с именем этого автора и восстановленное памятью имя: «неудобопроизносимое, длинное, словно ленточный червь, “Владимир Владимирович” приобретает в речевой передаче сходство с “Вадим Вадимычем”» [Там же].

Сама фамилия, однако, остается неназванной. Нарочито подчеркиваемая разность между автором и героем одновременно становится указанием и на их сходство.

Описанные особенности, собственно, и формируют то качество, которое превращает произведение в «роман романа», или «метароман». Но любопытно, что приемы, использованные Набоковым, неожиданно связывают его с писателем, с которым, казалось бы, у Набокова нет ничего общего, – с И. А. Гончаровым.

Упоминания Набоковым Гончарова ограничиваются несколькими нелестными оценками. В книге «Память, говори» переданы сетования гувернера братьев Набоковых: «Он жаловался моей матери, что мы с Сергеем – иностранцы, уродцы, фаты, снобы, “патологически равнодушные” к Гончарову, Григоровичу, Короленко, Станюковичу, Мамину-Сибиряку и другим на диво скучным писателям» [Там же, с. 453]. В «Даре» Гончаров упоминается в общем ряду с Тургеневым, Салиасом, Григоровичем и Боборыкиным [12, с. 515]. В другом месте его имя приведено как пример того, что вся русская литература XIX века «занимает – после самого снисходительного отбора – не более трех-трех с половиной тысяч печатных листов, а из этого числа едва ли половина достойна не только полки, но и стола» [Там же, с. 256].

Тем не менее именно у Гончарова мы встречаем ранний случай введения героя-автора, который работает над романом, остающимся неосуществленным замыслом, но двойником именно этого произведения становится роман Гончарова. Речь идет об «Обрыве». В сознании и бумагах Райского остается лишь «материал», разрозненные фрагменты (портреты, сценки), более всего соответствующие жанру физиологического очерка. Настоящий автор «Обрыва» формирует из этого материала роман, на глазах у читателя демонстрируя, как он вырастает из жанра, разрабо-

танного «натуральной школой», с которой Гончаров был тесно связан. Пишущий герой в определенном смысле становится *alter ego* автора, только если роман Райского остается ненаписанным, то роман Гончарова, собственно, и оказывается тем произведением, которое пытается создать Райский. По мнению Ю. М. Лощица, «подобный композиционный принцип в истории мировой литературы <...> впервые встречается именно у Гончарова» [11, с. 272].

Роман «Обрыв» был прекрасно известен Набокову. В «Даре» он вспоминает, как «у Райского в минуты задумчивости переливается в губах розовая влага» [12, с. 256–257]. Исключено поэтому, чтобы Набоков не осознавал генеалогии столь важного для него приема. Сближение имен Набокова и Гончарова, возможно, перестанет казаться странным и неожиданным, если учесть, что для обоих писателей одним из центральных творческих ориентиров служил «Евгений Онегин». О пушкинских прототипах героев «Обрыва» Гончаров прямо писал в статье «Лучше поздно, чем никогда»: «Намеки на подобные же отношения между лицами, как у меня в “Обломове” и “Обрыве”, частью в “Обыкновенной истории”, есть у нашего великого поэта Пушкина, например в Татьяне и Онегине, Ольге и Ленском» [4, с. 111]. Вероятнее всего, впечатлениями от пушкинского романа в стихах был вдохновлен и предпринятый в «Обрыве» опыт рефлексии жанра. Только если в «Евгении Онегине» параллельно сюжету героев разворачивается сюжет автора, который на глазах читателей создает свой роман [16, с. 15], то в «Обрыве» герой на глазах читателя работает над романом, который в конечном итоге оказывается написанным самим Гончаровым. Значимость темы творчества в «Обрыве» вполне очевидна – не случайно Гончаров первоначально предполагал дать ему заглавие «Художник» [6, с. 439].

Значение Пушкина для Набокова общеизвестно. Свой первый роман «Машенька» он начинает с эпитафии из первой главы «Евгения Онегина»: «Вспомня прежних лет романы, / Вспомня прежнюю любовь...» [15, с. 24]. В контексте XLVII строфы, откуда взят эпитафия, слово «романы» означает «любовные истории». Но у Набокова оно получает дополнительное значение: «“Романы” здесь имеют двойной смысл: это любовные истории, но это и книги о любовных историях». Возникает эффект, близкий к тому, который описал С. Г. Бочаров, анализируя «Евгения Онегина»: «Роман героев изображает их жизнь, и он же изображен как роман» [3, с. 33]. Эпитафия к «Машеньке» служит признанием в том, что «роман о романе» Набоков создает по «онегинскому» образцу. Практически все дальнейшее творчество Набокова можно рассматривать как создание все более и более сложных по своей конструкции вариантов «метаромана» [8].

Согласно концепции С. Давыдова, «Уста к устам», «Отчаяние», «Приглашение на казнь» и «Дар» объединены темой рождения поэта. В двух первых произведениях автор-демиург (*auctor*) наказывает своих героев за их творческую несостоятельность, в третьем представлен «герой-гностики, пытаемый и казненный архонтами на земле, но вознесенный за верность Творцу в вечное “Царство Небесное”», и, наконец, в последнем, достигая вершины мастерства, герой сам отождествляется с творцом [7, с. 138]. В финале «Подлинной жизни Себастьяна Найта» сливается со своим братом и кем-то другим – а именно автором, которым и написан задуманный им роман. В последнем романе «Смотри на арлекинов!» автор становится двойником своего пишущего мемуары героя.

«Едва ли не в каждый момент чтения “вспоминающий читатель” может переживать “радость узнавания”: всего творчества Набокова, отраженного в этом романном тексте; массы биографических подробностей из жизни автора, знакомых

по его автобиографической книге и переданных герою; подробностей биографий других автобиографических героев Набокова, переданных тому же Вадиму Вадимовичу; биографических штрихов великих писателей и их героев, вплетенных в жизнь героя; наконец – узнавания бесчисленных и бесконечно преломляющихся литературных реминисценций», – пишут о последнем набоковском романе Б.В. Аверин и М.Н. Виролайнен [2, с. 623]. Создав автобиографию своего пародийного двойника, Набоков варьирует структуру пушкинского романа, где автор присутствует в тексте как герой, рассказывающий о своей биографии, о поэзии и о том, как создается его произведение, ведь и книга Вадима Вадимовича, по его замечанию, – повествование не только о любви, но и о прозе [14, с. 270].

С учетом общей ориентации на пушкинский роман в стихах соединение текстов Гончарова и Набокова в единую литературную традицию представляется более органичным.

Ю.М. Лотман, исследуя проблему текста в тексте, делает следующее заключение: «Игра на противопоставлении “реального / условного” свойственна любой ситуации “текст в тексте”. Простейшим случаем является включение в текст участка, закодированного тем же самым, но удвоенным кодом, что и все остальное пространство произведения. Это будут картина в картине, театр в театре, фильм в фильме или роман в романе. Двойная закодированность определенных участков текста, отождествляемая с художественной условностью, приводит к тому, что основное пространство текста воспринимается как “реальное”» [10, с. 156].

Райскому форма романа кажется наиболее подходящей для отражения жизни: «...жизнь – роман, и роман – жизнь» [5, с. 41]; «Нет, только роман может охватывать жизнь и отражать человека!» [Там же, с. 209].

Набоков не так доверчиво относится к зеркальному отражению жизни в тексте, он помнит, что зеркало создает лишь иллюзию тождества между отражением и отражаемым. Поэтому возникающую в тексте иллюзию реальности он (в отличие от Гончарова) разрушает. И все же введение в текст «Дара» произведений героя подчеркивает «реальность» романа о нем самом, и все вместе демонстрирует осмысление автором жизни как текста.

Список литературы

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Пальмира, 2016. 399 с.
2. Аверин Б.В., Виролайнен М.Н. В.В. Набоков // Литература русского зарубежья: (1920–1940). СПб.: СПбГУ, 2011. С. 573–631.
3. Бочаров С.Г. «Форма плана» // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 25–53.
4. Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1955. С. 64–113.
5. Гончаров И.А. Обрыв // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. 775 с.
6. Гончаров И.А. Обрыв: [Ч. III–V] // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1954. 456 с.
7. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004. 160 с.
8. Липовецкий М. Из предыстории русского постмодернизма (метапроза Владимира Набокова: от «Дара» до «Лолиты») // Липовецкий М. Русский постмодер-

- низм: (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. С. 44–106.
9. Липовецкий М. Эпилог русского модернизма: Художественная философия творчества в «Даре» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1999. С. 643–666.
 10. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 148–160.
 11. Лошиц Ю. М. Гончаров. М.: Мол. гвардия, 1972. 224 с.
 12. Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 188–541.
 13. Набоков В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 24–191.
 14. Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2004. 700 с.
 15. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 16 т. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 1–205.
 16. Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 1999. 432 с.

**PERSONAGE-AUTHOR IN THE WORKS OF PUSHKIN,
GONCHAROV AND NABOKOV**

P. V. Boyarkina

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
epy Department of Pushkin Studies

Genre reflection typical for metanovel appears in Nabokov's works in various ways. The article is devoted to the one which connects XXth century writer with the author he seems to have nothing in common with – I. A. Goncharov. Their coming together doesn't seem strange anymore, taking in account that one of the most important guidelines for both of them was Pushkin's «Eugene Onegin».

Keywords: *Pushkin, Goncharov, Nabokov, metanovel, personage-author*

Об авторе:

БОЯРКИНА Полина Викторовна – аспирант отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4), e-mail: polina.boyarkina@gmail.com.

About the author:

BOYARKINA Polina Viktorovna – Postgraduate Student at the Department of Pushkin Studies in the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences (199034, Saint-Petersburg, Makarova emb., 4), e-mail: polina.boyarkina@gmail.com.

УДК 882.09: 398

СПЕЦИФИКА ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Е. Ю. Вихрова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье рассмотрены основные периоды творчества Д. С. Мережковского, проанализированы изменения в мировоззрении писателя, которые существенно повлияли на формирование его художественно-философского наследия.

Ключевые слова: позитивизм, символизм, неохристианство, религиозный экзистенциализм.

Д. С. Мережковский – крупный философ Серебряного века, основатель русского символизма, представитель русской религиозной философии, публицист, остро реагирующий на происходящие в то время события. В статье мы постараемся проследить, как разные этапы творчества Мережковского формируют цельную картину его мировосприятия, становясь базой для его своеобразной философии художника и религиозного мыслителя.

Многие исследователи художественно-философского наследия Мережковского, а также его биографы, подробно рассматривают каждый этап творчества писателя (С. П. Бельчевичен, О. В. Кулешова, О. Н. Осьминина, Н. В. Анненкова). Однако исследователи недостаточно детально рассматривают значение каждого этапа в формировании зрелой философской системы Мережковского.

Творческий путь Д. С. Мережковского можно подразделить на два периода: доэмигрантский и эмигрантский. В первом периоде выделяют три этапа.

Первый этап (1885–1893) – увлечение идеями позитивизма, народничества, толстовства. Философия позитивизма была популярной в годы учебы Мережковского в университете. Будущий философ определяет позитивизм как «утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно реального, и отрицание мира сверхчувственного» [7, с. 16]. Такая односторонность учения не могла быть безоговорочно принята Мережковским. Именно с этого времени начинается характерное для творчества писателя раздвоение – попытка примирить христианство с язычеством, учение Вл. Соловьева о Богочеловечестве с антихристианскими воззрениями Ф. Ницше, «плоть» Л. Н. Толстого с «духом» Ф. М. Достоевского и т. д.

Для студенчества того времени было характерно увлечение идеями народничества. «Само слово “народ” вызывало самый неподдельный энтузиазм: стоило среди толпы студентов кому-то крикнуть: “Господа, *народ!*” – как все откликались на это бурными возгласами: “Да здравствует народ!”» [5]. Вслед за Н. К. Михайловским и Г. И. Успенским Мережковский проповедует необходимость сближения интеллигенции с народом как с носителем живой веры в Бога. Писатель много путешествует по Волге и Каме, общается с представителями различных народных сект. Благодаря Г. И. Успенскому он знакомится с «толстовцем до толстовства» крестьянином Тверской губернии Василием Сютяевым, которого навещал сам Л. Н. Толстой. Мережковского очень привлекали идеи толстовства: «опрошение», возвраще-

ние к патриархальности, и самое главное – идеализм. И он, словно идя по стопам Л. Н. Толстого, собирается стать сельским учителем, чтобы иметь возможность быть ближе к народу, лучше понимать его нужды и чаяния, его мировоззрение и жизненный уклад. Однако, осознав, что совершенно не знает народную среду, писатель вскоре разочаровывается в этих идеях. Мережковский отчуждается и от своих «учителей»-народников, стремившихся подчинить искусство исключительно решению злободневных общественных задач.

На наш взгляд, этот этап оказал значительное влияние на последующие творческие искания философа. Неприятие позитивизма привело к разработке Мережковским течения символизма в России, а увлечение народничеством нашло отражение в особенностях символистского творчества писателя, для которого народная жизнь являлась идеальным синтезом земного и небесного, быта и метафизики. Общение с сектантами стало одним из ключевых моментов в разработке неохристианского учения.

Второй этап творческого пути (1893–1905) – увлечение Мережковского символизмом. Он становится одним из родоначальников символизма в России, пишет статью «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» – манифест русского символизма. В статье Мережковский говорит об измельчании современной ему литературы, и одну из причин измельчания видит в распространении позитивистского взгляда на мир. Однако писатель все надежды связывает с зарождающимся символизмом, основная задача которого, по мысли философа, состоит в объединении «в художественном изображении мира явлений с миром божества» [8]. Философ отмечает и такую черту русской литературы как одиночество её представителей, которые творят словно в пустыне, не соприкасаясь друг с другом. Гений в России, по словам Мережковского, никогда не являлся выразителем народного духа, он обособлен и варится в собственном соку. Представители разных литературных полюсов испокон веков находятся в бесконечной вражде. Мережковский отмечает отсутствие и временной преемственности высказанных однажды идей. Мыслитель ратует за обращение к великому литературному наследию золотого века, таким образом «прокладывая мост» не только между миром земным и божественным, но и устанавливая взаимосвязь, диалог между искусством прошлого и современностью. Уже в символизме Мережковского можно заметить ростки неохристианства: «...современная ему критика отмечала некоторую “особость” его трактовки символизма... позиция Мережковского включала в себя и элементы народничества, фрагменты гражданственных мотивов и какую-то особую форму религиозности» [1, с. 309]. Символистская идея о сопряжении земного с небесным стала прочной основой для разрабатываемой писателем теории неохристианского взгляда на культурно-исторический процесс.

Как лидер нового религиозного течения, неохристианства, Мережковский предлагает переосмыслить религиозные ценности с позиций современного человека. В попытке усовершенствовать религию Мережковский обращается к идеям полярных мыслителей.

У Ницше философ воспринял культ Диониса и Аполлона, призыв к переоценке категорий добра и зла, идеал сверхчеловека. По словам Н. А. Бердяева, «весь мир и всю мировую историю Мережковский воспринимает лишь на полюсах, лишь в аспекте Христа и антихриста...» [3, с. 128]. Именно под влиянием Ницше Мережковский разрабатывает учение о культурно-историческом процессе как о постоянной борьбе язычества (антихристианства) и христианства. Как пишет Н. К. Бонеецкая,

««Богочеловек и Человекобог – уже не два, а одно, с того мгновения, как сказано: “Я и Отец одно”. Так Мережковский “нищезирует” одну из главных евангельских истин» [4]. Особенно сильно писатель попадает под обаяние ницшеанского сверхчеловека. Герои его художественных и биографических произведений – сильные, демонические личности (Петр, Наполеон, Леонардо да Винчи...).

Многие идеи для теории культурно-исторического пути у Мережковского появляются под влиянием В.С. Соловьева. «Вл. Соловьев, – пишет Мережковский, – почувствовал, что все историческое христианство <...> только преддверие к религии Троицы» [9]. Он развивает наиболее близкие ему идеи Соловьева о «Третьем Завете» и Богочеловечестве, Вселенской церкви. Так, в «Трех разговорах» В.С. Соловьев обосновывает необходимость объединения Западной (воплощение начала Человекобога) и Восточной (воплощение начала Богочеловека) церквей в одну, где богочеловеческое начало одержит верх [10, с. 91]. Та же идея отражена и у Мережковского: «...все пути ведут к единой церкви Вселенской» [Там же, с. 254]. Практически каждый из главных героев в произведениях Мережковского стремится к достижению Царствия Божьего на Земле. Но его, как полагает писатель, можно достичь только через революцию и Вселенскую Церковь. В отличие от В.С. Соловьева, видевшего взаимосвязь церкви с государством, Мережковский критикует самодержавие и православие, отмечая, что «к новому пониманию христианства нельзя подойти иначе, как отрицая оба начала вместе» [5].

Трактуя учение Христа как учение об освобождении личности, в том числе и от государственного гнёта, Мережковский рассматривает современные ему события через призму евангельской истории. Переосмысливая Евангелие в свете полярных философий Ницше и Соловьева, Мережковский создает оригинальное учение о Царстве Божьем на земле, сближая понятия религии и революции.

Третий этап (1905–1920) – религиозно-революционный. Расстрел мирной демонстрации вызывает у Мережковского резкое неприятие самодержавия и связанного с ним православия. С этого периода монархия становится в его творчестве воплощением начала антихристианского, подавляющего волю личности к самореализации. Мережковский видит в революции своеобразный катализатор событий, который приведет к скорейшему наступлению Царства Божьего на земле.

Философ воодушевленно воспринимает революцию 1917 года, видя в ней исполнения своих пророчеств. Однако вскоре понимает, что вместо долгожданной свободы революция принесла с собой гражданскую войну, смерть, голод, и самое страшное – уничтожение духовной, культурной составляющей России. В 1920-м году чета Мережковских эмигрирует в Польшу.

Мы полагаем, что данный этап в творчестве Мережковского знаменует собой важный рубеж в переломе взглядов писателя: от идеи священной революции Мережковский вновь обратится к противоположной ей идее преемственности, которая была затронута им еще в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы».

В период эмиграции (1920–1941) писатель переживает духовный кризис, связанный с разочарованием в идеях революции. Мережковский вновь возвращается к неохристианской тематике, которая приобретает в этот период особое звучание. Стремясь осознать, что произошло в России, философ обращается к изучению прошлого, пытается найти истоки христианства в язычестве – в античных мистериях и восточных таинствах. Значительно повлияли на взгляды философа в этот период Паскаль, Вейнингер, Бергсон, Унамуно [2, с. 118]. «Идеал будущего, выработанный

ный Д.С. Мережковским, вызван к жизни кризисом гуманистической традиции, явившейся идейным итогом Ренессанса» [6, с. 70] Под влиянием «Агонии христианства» М. де Унамуно, философских работ Вейнингера, Паскаля у Мережковского складывается экзистенциальный вариант прочтения действительности. Герои произведений Мережковского в этот период – Жанна д'Арк, св. Тереза, св. Франциск, св. Иоанн Креста – личности, находящиеся в постоянном борении и, таким образом, становлении себя, следующие за примером Христа, показавшим возможность борьбы со смертью и победы над ней. В эмиграции Мережковский говорит о возможной гибели Запада, рассматривая события в России как знак грядущей катастрофы. Но в то же время он создает свой проект будущего, сообразуясь с установками «нового религиозного сознания».

Неохристианство Мережковского является своеобразной попыткой осмыслить мировую историю как путь Креста. Его учение – оригинальный философский продукт, рожденный в результате переосмысления религиозных истин под углом зрения первостепенных для Мережковского философов Ф. Ницше, В. Соловьева, Ф.М. Достоевского, М. де Унамуно и т. д.

Итак, мировоззрение Д.С. Мережковского проходит определенные этапы в своем развитии. На начальном этапе своего становления как философа Мережковский обращается к идеям позитивизма, народничества, толстовства. В дальнейшем элементы народничества и толстовства будут присутствовать на протяжении всего творчества писателя. Второй этап характеризуется обращением писателя к символизму. Мережковский разрабатывает особый вариант символизма, отличающийся религиозной направленностью. В этот же период мыслитель создает неохристианское учение, основываясь на философских трактатах Ф. Ницше (идея античного человекобога) и В. Соловьева (идея богочеловека и богочеловечества). Д.С. Мережковский пытается соединить в своем философском и художественном наследии два полюса – христианство и язычество. В период «между двух революций» писатель проводит идеи революционного христианства. Но, разочаровавшись в реальных событиях, эмигрирует. В эмиграции он продолжает развивать свои неохристианские воззрения, под влиянием западной традиции отстаивает экзистенциальное прочтение действительности, насыщенное апокалиптическими настроениями.

Специфика художественно-философского наследия Д.С. Мережковского заключается в стремлении к новому взгляду на старые истины, к возобновлению диалога между наследием прошлого и современными реалиями.

Список литературы

1. Бавин С.П., Семибратова И.В. Судьбы поэтов Серебряного века. М.: Книжная палата, 1993. 476 с.
2. Бельчевичен С.П. Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1999. 130 с.
3. Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Н.А. Бердяев о русской философии: В 2 т. Свердловск: Азбука, 1991.
4. Бонецкая Н.К. Русский Ницше [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml. (Дата обращения: 25.04.2017.)
5. Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/zobnin_yuriy/dmitriy_merezhkovskiy_zhizn_i_deyaniya/read/. (Дата обращения: 05.02.2017.)

6. Казанцева И. А., Бельчевичен С. П. Православные ценности в русской прозе XX–XXI веков. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2016. Ч. 1. 188 с.
7. Мережковский Д. С. Большая Россия : Избранное. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. 192 с.
8. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1893_o_prichinah_upadka.shtml. (Дата обращения: 24.04.2017.)
9. Мережковский Д. С. Революция и религия [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0320.shtml. (Дата обращения: 25.04.2017.)
10. Соловьев В. Смысл любви: Избранные произведения. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 352 с.
11. Осьминина Е. А. Образы мировой культуры в прозе Д. С. Мережковского : дис ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Осьминина ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 2010. 694 с.

SPECIFICS OF THE CREATIVE EVOLUTION OF D. S. MEREZHKOVSKY

E. Y. Vikhrova

Tver State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article considers the main periods of D. S. Merezhkovsky and the changes in the writer's worldview, which significantly influenced the formation of his artistic and philosophical heritage.

Keywords: *positivism, symbolism, neo-Christianity, religious existentialism.*

Об авторе:

ВИХРОВА Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: katjalilija24@yandex.ru.

About the author:

VIKHROVA Ekaterina Yurievna – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhel-yabova str., 33), e-mail: katjalilija24@yandex.ru.

УДК 070.19:613.816

**ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ПЬЯНСТВОМ
НА СТРАНИЦАХ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «СВИСТОК»**

Ю. Н. Денисенко

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Проблема пьянства русского народа, повышение акцизов на спиртосодержащую продукцию были актуальны в 1850–1860 гг. В статье анализируется отношение Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова к антиалкогольному бунту в России, нашедшее отражение в «Свистке», сатирическом приложении к журналу «Современник».

Ключевые слова: *«Свисток», антиалкогольный бунт, акцизы, откуп, Добролюбов, Чернышевский.*

«Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» задумывался редакторами журнала «Современник» Н. А. Некрасовым и Н. А. Добролюбовым как самостоятельное издание. Было подготовлено несколько вариантов программы будущего журнала, но цензура не пропустила ни одного из них. Не добившись исполнения задуманного, редакция «Современника» в январе 1859 года выпустила новый номер с сатирическим приложением «Свисток».

Множество публикаций «Свистка» были тематически связаны с заострением существующих в России проблем: критикой социально-политического строя России, борьбой с либерализмом и «чистой поэзией». Одной из актуальнейших проблем, которая неоднократно затрагивалась на страницах сатирического приложения, была борьба с пьянством. Тема эта широко обсуждалась в прессе. «Петербургские ведомости» в № 269 за 1858 год с прискорбием констатировали, что употребление всякого рода спиртных напитков не только негативно отражается на здоровье пьющего, но и губит душу, вылечить которую практически невозможно. В этом же году в № 96 журнала «Экономический указатель» А. Кошелев сообщил о невероятном поступке крестьян Ковенской губернии. Мужское население этой местности дало обещание в церкви перед иконами отказаться от употребления спиртного. Автор пишет, что крестьяне вот уже три месяца держат данное слово, несмотря на понижение цен на водку.

«Свисток» Добролюбова, конечно, не мог остаться в стороне от происходящего. Уже в первом его номере за 1859 год появилась статья Н. Г. Чернышевского «Вредная добродетель». Автор рассказывает о случае, происшедшем с ним во время подряда, который был связан с кровельными работами на одном из административных зданий. Чернышевский стал невольным свидетелем разговора между помещиками. Они говорили о важности строительства железных дорог, о положительных сторонах освобождения крестьян, о злоупотреблениях полномочиями. Собеседники во всем были солидарны, в частности, в вопросе употребления крестьянами спиртного. Все они не одобряли откупов, но были против решения жителей некоторых губерний не пить более водки, считая, что это едва ли не самая главная часть государственного

дохода. Автор статьи осмелился вступить с ними в спор, утверждая, что невозможно заставить людей пить вино. Чернышевский поддерживает отказ от употребления водки, а его собеседники отвечают: «Как же возможно государству своего главного дохода лишиться?» [6, с. 8]. Далее разговор зашел о беспорядках, за которые сторонники непития могут понести наказание. Чернышевский был удивлен: какие же могут быть беспорядки и преступления, если большинство будет вести трезвый образ жизни? Ведь противозаконные действия чаще совершаются под действием спиртного. По мнению помещиков, земская полиция при желании может открыть дело о беспорядках по любому поводу: по жалобе целовальника, по самой незначительной недомимке. Но самое абсурдное, что можно собрать мужиков, найти среди них побойчее и покрупнее и тут же обвинить его в непокорности. И докажи потом, что беспорядков не было. Спорить дальше Чернышевский не стал, и каждый остался при своем мнении. Автор «Вредной добродетели» утверждает, что ни один толковый помещик, желающий сохранить и преумножить хозяйство, не позволит организовать на своей территории кабак. Хороший хозяин заботится о достатке своих крестьян. «Разве от бедности мужиков казна может богатеть?» – спрашивает он [Там же].

1858 стал годом массового отказа от употребления спиртного, который был связан с повышением цен на алкоголь. Мирные действия крестьян все чаще приводили к бунтам, для подавления которых были привлечены даже войска. Бунтовщики сжигали, грабили имения помещиков. К концу года тысячи крестьян, подозреваемых в антиправительственных восстаниях, оказались в тюрьмах и на каторгах. Эти события были спровоцированы отчасти откупщиками. Многие из них просто скрывали от крестьян основные положения правительственных постановлений, в частности законную цену на вино.

Первое Трезвенное движение продолжилось и в 1859 году. Его сторонниками стали государственные, помещичьи, удельные крестьяне, городские низы, оставшие солдаты и другие низшие слои общества. К весне 1859 года «трезвенники» разошлись не на шутку: были сожжены, разгромлены питейные заведения по всей стране. Бунт, начавшийся в Ковенской губернии с мирного обещания, захватил практически всю страну. Действия бунтовщиков заставили правительство пересмотреть систему налогообложения, в 1861 году была упразднена откупная система, ей на смену пришли акцизы.

Н. А. Добролюбов высоко оценил это движение. В статье «Народное дело. Распространение обществ трезвости» он писал: «Сотни тысяч народа в какие-нибудь пять–шесть месяцев без всяких предварительных возбуждений и прокламаций в разных концах обширного царства отказались от водки» [3, с. 285]. Помимо этой статьи, которая была расценена цензурой как призыв народных масс к «доброму делу», был ряд выступлений «Современника» по трезвенному движению. Это статьи Н. Г. Чернышевского «Откупная система» (1858, № 10), «Винный акциз» (1859, № 5), «Вредная добродетель» («Свисток», 1859, № 1), рецензия Добролюбова на брошюру Шипова «О трезвости в России».

В статье «Вредная добродетель» Чернышевский раскрыл общественное зло откупной системы и связанного с ней спаивания народа. По его мнению, села были до тех пор зажиточными, пока в них не появились кабаки. Замена откупной системы акцизной не решит проблемы пьянства, а только заметно ослабит ее, поскольку истоками этой проблемы являются бедность, невежество, безнадежность. Чернышевский отстаивает позицию воздержания крестьян от спиртного, встает на их защиту от насильственного спаивания.

Тема антиалкогольного бунта в России продолжается и в статье Добролюбова «Мотивы современной русской поэзии» (1859, № 1). В ней приводится стихотворение Конрада Лилиеншвагера «Мысли помощника винного откупа», которое начинается строками: «Ещё откуп имеет поборников, / Но могу на него я восстать... <...> Признаюсь, я давненько, действительно, / Злобу к откупу в сердце питал, / Хоть доселе ни слова решительно / Никому про него не сказал» [5, с. 31].

В начале 1859 года в связи с распространением слухов о намерении правительства отменить винные откупы, дававшие частным лицам право монопольной виноторговли в определенной местности, русскую журналистику наводнили статьи, резко критиковавшие откупную систему. В стихотворении «Мысли помощника винного откупа» Конрад Лилиеншвагер выступает против откупов. Он пишет, что генерал Сидор Карлович Дворников дал ему право открыто выражать свое презрение. Имя генерала являлось вымышленным и, по мнению Добролюбова, было нарицательным обозначением начальственного лица, регулирующего «дозволенную смелость» русских либералов, оно привилось в кругах «Современника» и «Искры». Конрад Лилиеншвагер поясняет причины своего отношения к откупам. Он пишет: «В нем для публики всей разорение, / В нем великий ущерб для казны, / В нем и нравов народных растление, / В нем позор и погибель страны». [Там же, с. 32].

Конрад Лилиеншвагер – литературная маска, созданная Добролюбовым для осмеяния псевдогражданского пафоса, общего бессилия поэтов либерального направления. Имя и фамилия этого поэта говорят сами за себя. *Конрад* – католическое немецкое имя. Оно образовалось от сложения слов *kuon* (храбрый, смелый) и *rad* (совет), поэтому его можно перевести как «храбрый советник» или «смелый советник». Фамилия *Лилиеншвагер* является пародией на фамилию *Розенгейм*. На это указал М.К. Лемке: немецкое *rosen* – розы, *oheim* – дядя, *lilien* – лилии, *shwager* – шури́н, зять. По замыслу Добролюбова, *Конрад Лилиеншвагер* должен был показать читателям ничтожность, несостоятельность стихотворений Розенгейма, Бенедиктова, Майкова, незначительность стихов этих поэтов в процессе борьбы с либеральной гласностью.

Отмена откупов и замена их акцизам по времени совпала с принятием крестьянской реформы, которая, естественно, и авторов «Свистка», и их читателей волновала больше. Добролюбов не оставил без пристального внимания вопросы внутригосударственных и сословно-классовых отношений. Он исследовал проблемы социальной дифференциации населения, содержание социально-правовых условий, политики, политической иерархии, типы, формы и принципы государственного устройства и управления общества.

В драматических условиях социальных реалий жизни России «Свисток» отличал не только крепостничество, произвол, власть, но и отдельные стороны бытия, которые мешали общественному прогрессу. Одной из таких проблем была проблема пьянства.

Список литературы

1. Боград В. Журнал «Современник». 1847–1866. Указатель содержания. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 828 с.
2. Васильков С. В. «Бостонское чаепитие» и ретроспектива представлений о нем в американской и английской печати // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 182–185.
3. Добролюбов Н. А. Собр. соч. : В 9 т. Т. 5. М.; Л.: Худож. лит., 1962. 612 с.

4. Панаева А. Я. (Головачева). Воспоминания. М. : Правда, 1986. 496 с.
5. «Свисток». Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. М. : Наука, 1981. 591 с.
6. Якушин Н. И., Овчинникова Л. О. История отечественной журналистики. Вып. 3. Идеиные искания, общественно-литературное движение, журналистика «эпохи реформ» 1856–1866 годов : учеб. пособие. М. : ИМПУ им. Грибоедова, 2009. 71 с.

THE PROBLEM OF COMBATING SPIRITUALITY ON THE PAGES OF THE SATYRIC JOURNAL “SVISTOCK”

Yu. N. Denisenko

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The problem of alcohol abuse, increasing excise taxes on alcohol-containing products at all times interested in different sectors of society. This topic was not ignored by the authors of the satirical application “Svistock”. The purpose of this article is to show the position of N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov in relation to the suppression of the antialcoholic riot in Russia.

Keywords: “Svistock”, anti-alcohol revolt, excise taxes, purchase, Dobrolyubov, Chernyshevsky.

Об авторе:

ДЕНИСЕНКО Юлия Николаевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yuliya_sharova@mail.ru.

About the author:

DENISENKO Yuliya Nikolaevna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: e-mail: yuliya_sharova@mail.ru.

УДК 821.161.1-3((470.331)

ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ АТТРИБУЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Г. ПЕТРОВА

Е. А. Дивакова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье рассматриваются особенности авторской жанровой атрибуции произведений известного тверского прозаика М. Г. Петрова. Показано, как писатель направляет восприятие читателя, задавая те или иные жанровые рамки. Описаны случаи использования М. Г. Петровым нестандартных жанровых форм и стыковки различных жанровых структур

Ключевые слова: М. Г. Петров, жанр, авторская жанровая атрибуция, повесть, рассказ, автобиографическая повесть, хроника, история болезни, сказка, литература для детей.

Существует ряд методологических подходов к изучению проблемы определения литературных жанров. Наиболее заметными точками слома представления о жанрах после Аристотеля (чья теория долгое время понималась как каноническая и была единственной) можно считать эпоху классицизма и разделение во взглядах романтиков и реалистов в XVIII веке. В XX веке отношение к жанровой системе кардинально изменилось, «и на протяжении десятилетий большинство упоминаний о жанровом своеобразии тех или иных литературных произведений сводилось к проблеме размытия жанровых границ и, как следствие, неопределимости, неуловимости и даже разрушения жанров» [1, с. 18]. Этот период жанрологии можно с уверенностью назвать кризисным, переломным. Происходит переосмысление жанров и их типологии, в теориях, возникающих в это время, само понятие жанр и жанровая система зачастую полностью отрицаются, исключаются из процесса литературного анализа. Такое множество теорий создало почву для современной жанрологии, в которой соседствуют генетический, исторический и другие подходы к изучению теории жанров.

В. Б. Томашевский предлагает выстраивать систему жанров на основе выявления повторяющихся приёмов, доминант, используемых в литературных произведениях: «Признаки жанра, т.е. приёмы, организующие композицию произведения, являются приёмами *доминирующими*, т.е. подчиняющими себе все остальные приёмы, необходимые в создании художественного целого. Такой доминирующий, главенствующий приём иногда именуется *доминантой*. Совокупность доминант и является определяющим моментом в образовании жанра» [17, с. 207]. В. Б. Томашевский подчёркивает необходимость описательного подхода, позволяющего распределить материал по соответствующим ячейкам, и выдвигает идею о том, что жёсткой классификации жанров не может существовать. Н. Д. Тмарченко объединяет исторический и типологический подходы к изучению жанра, подчёркивает важность не только традиционной типологизации, но и рассмотрение жанра в потоке времени, как живой и изменяющейся структуры. «*Категория жанра необходима* отнюдь не для “классификации” – как, к сожалению, полагают многие (в противном случае

её значение в поэтике было бы ничтожным), а для адекватного понимания смысла литературных явлений. Принадлежность произведения к определённому жанру указывает на традиционные, исторически устойчивые и, если угодно, *типические аспекты* его смысла» [16, с. 4].

На наш взгляд, жанр – данность, форма, которую выбирает автор для того, чтобы поместить в неё некое содержание. В частности, Чехов вполне осознанно назвал «Вишневый сад» комедией, это подтверждается в одном из новейших исследований: «Импрессионистичность, сиюминутность, эфемерность, иллюзорность, текучесть ценностей и взглядов российской интеллигенции – вот предмет осуждения и осмеяния Чехова, вот основа комедийной жанровой сущности пьесы. Для самого Чехова онтологическая сущность в этой комедии – Россия, показанная не риторически, а вполне реалистически, с помощью символического образа русской женщины – матери Яши, которая пришла повидаться, а потом проститься со своим «европеившимся» сыном, но так и не встретилась с ним» [8, с. 68].

Базовые жанры, как основа, присутствуют в литературе повсеместно, но варьируются внутри своих традиционных рамок и даже образуют новые жанровые структуры на стыках существующих. «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, “вековечные” тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы *архаики*. <...> Жанр живёт настоящим, но он всегда *помнит* своё прошлое, своё начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития. <...> Вот почему для правильного понимания жанра и необходимо подняться к его истокам» [2, с. 314]. Тот же А. П. Чехов обращался к жанрам древнерусской литературы в процессе своих творческих поисков, и С. Ю. Николаева, изучавшая связи чеховского творчества с традициями древнерусской литературы и культуры, писала об этом так: «Жанровый эксперимент молодого художника подготовил черты жанрового новаторства многих поздних его произведений и позволил создать художественную концепцию, в основе которой – утверждение права человека на поиск истины, превосходств живой жизни над любым канонам. Чехов изображал “жизнь, а не житие”» [9, с. 165].

Вопрос о том, насколько целесообразно использовать жанровый подход при анализе художественных произведений, также полемичен. Есть сторонники позиции отказа от жанровой атрибуции текстов, предпочитающие анализировать произведение как обособленное художественное целое, не вписывающееся в систему. Такая позиция, сформировавшаяся в XX веке, легко объяснима. Попытки создать новое искусство, нарушающее привычные границы, привели к накоплению огромного пласта литературных произведений, не соответствующих жанровым канонам. Однако «жанры не умерли, но существенно трансформировались: из канонических они превратились в неканонические» [3, с. 357]. Поэтому полностью отказываться от жанрового подхода при анализе произведений – нерационально. Но, безусловно, необходимо учитывать особенности поэтики, свойственные той или иной эпохе в целом, а также собственные авторские воззрения на жанровую атрибуцию своих произведений, если они прямо или косвенно им заявлены.

Мы придерживаемся жанрового подхода при анализе произведений, так как считаем жанровую атрибуцию текста одним из важнейших условий его прочтения. М. Г. Петров указывает жанровую принадлежность большинства своих произведений и, таким образом, задаёт направление их интерпретации.

Михаил Григорьевич Петров (1938–2015) – прозаик, публицист, литературный критик, журналист, издатель и краевед. Родился в Омской области, но большую

часть жизни провёл в Твери. С 1983 года – член Союза писателей СССР, затем России. Создатель и бессменный редактор журнала «Русская провинция». Авторское наследие М. Г. Петрова насчитывает пять сборников прозы, пять публицистических сборников, а также многочисленные публикации в различных журналах и газетах («Наш современник», «Смена», «Москва», «Новый мир», «Нева», «Волга», «Лепта», «Слово», «Дон», «Роман-газета», «Литературная газета»).

В данной работе мы рассмотрим лишь художественную прозу М. Г. Петрова и, говоря о жанрах, кроме прочего, будем исходить из времени написания и публикации тех или иных произведений. Всё литературно-художественное творчество автора поддаётся условному делению по хронологическому принципу на раннее, это период с 1978 года (первая публикация повести «Сны золотые» в журнале «Наш современник») до 1991 года (год основания журнала «Русская провинция»), и позднее, которое охватывает период с 2003 года (год закрытия журнала «Русская провинция») до 2015 (год смерти автора).

Период между 1991 и 2003 годами – время работы М. Г. Петрова в журнале «Русская провинция» – характеризуется большим количеством публицистических работ, но литературно-художественные произведения автор в этот период почти не создаёт и не публикует. Однако отсутствие литературно-художественных произведений в вышеуказанный период отнюдь не говорит о полном разрыве автора с литературным творчеством. Этот период правильнее охарактеризовать, как время накопления литературного опыта, формирования авторской позиции, в частности, гражданской, политической, социальной, которые потом лягут в основу множества литературно-художественных произведений. Кроме прочего, масштабная редакторская работа позволила автору дополнить свой писательский опыт, так как при работе над «Русской провинцией» М. Г. Петров прочитывал, отбирал, редактировал, рецензировал огромное количество рукописей.

На первый взгляд, жанровый арсенал автора вполне традиционен. Так, все авторские сборники художественной прозы состоят в основном из повестей и рассказов. Но есть и исключения, которые относятся в основном к раннему периоду творчества. Например, в сборнике «На осеннем ветру» (1991) в разделе повестей читатель встречает довольно редкую жанровую разновидность драматической повести.

М. Г. Петров не просто указывает жанровую принадлежность драматической повести «Контора», но и даёт справку, разъясняющую читателю особенности этого непривычного жанрового образования:

«Жанр “драматической” прозы существует давно. К примеру, в немецкой литературе живёт так называемая лезедрама, то есть драма, предназначенная не для сцены, а специально для чтения, и пользуется она у читателей не меньшим успехом, чем проза повествования. Существовал подобный жанр в древнегреческой и средневековой японской литературе. Не чуждалась драматических форм и русская классическая проза. Вспомним хотя бы написанные в форме диалогов очерки Н. С. Лескова или знаменитые сцены из домашней и общественной жизни М. Н. Загоскина, известные нам под названием “Москва и москвичи”. Как писал Загоскин, оправдывая эту форму, “когда разговаривают многие, тогда рассказ решительно не у места. Все эти пояснительные речи: такой-то сказал, такая-то отвечала, тот возразил, этот прервал, та подхватила – только что сбивают и путают читателя, итак, позвольте мне прибегнуть к обыкновенной драматической форме. Это будет яснее и проще...”

Позвольте и мне, художественного впечатления ради, сделать то же самое, очертив лишь для начала место, где происходят события и некоторых лиц, которые в них участвуют»[12, с. 75].

Подобная авторская атрибуция жанра является исчерпывающей: Петров не только указывает на жанровую принадлежность, но и оправдывает её выбор. В данном примере явно прослеживается первенство формы по отношению к содержанию.

В этом же сборнике находим *рассказ газетчика* «Продаётся дом на берегу реки» [Там же, с. 215]. Тема журналистского творчества, свойственная для раннего периода, поднимается и в рассказе «Пыль» [13, с. 220].

Примечательной с жанровой точки зрения является в сборнике «На осеннем ветру» и повесть «Жизнеописание Дмитрия Шелехова». Ставя произведение в раздел повестей, Петров выносит в название ещё один жанроопределяющий маркер – «жизнеописание», то есть документальный, биографический жанр. И действительно, прототипом для главного героя повести Петрова послужил реальный человек – Дмитрий Потапович Шелехов (1792–1854), писатель, автор сельскохозяйственных сочинений. При создании образа Шелехова автор тяготеет к его общественной, трудовой, политической, сельскохозяйственной, просветительской деятельности. В повести нет портрета Дмитрия Потаповича, отсутствуют бытовые и жизненные ситуации. Всё повествование сконцентрировано вокруг его трудов и учений. Текст насыщен рассуждениями о жизни государства и общества, развитии сельского хозяйства и крестьянства, а пейзажные и портретные описания, напротив, отсутствуют. Важной составляющей повести является эпилог, в котором автор, отступая от чисто художественного нарратива, переходит скорее к художественно-публицистическому жанру эссе, реализуя через эту форму свои мысли о проблемах памяти и забвения, исторического наследия.

Спустя девятнадцать лет данное произведение выходит в составе сборника «Жизнеописание Дмитрия Шелехова» в серии «Жизнь замечательных тверитян» [11]. В состав сборника также входят «Молочные реки, кисельные берега» (эссе о трудах и деятельности Н. В. Верещагина), «Отвергнутый камень» (эссе об А. И. Тодорском с письмами С. М. Ухтомского к А. И. Голубеву), «Под спудом» (эссе о В. И. Симакове) и «Иван Иванович» (документальная повесть об И. И. Смирнове).

Повесть «Иван Иванович» по жанровой специфике примыкает к «Жизнеописанию Дмитрия Шелехова». Её героем является реальный человек, основатель краеведческого музея в Пено Иван Иванович Смирнов. Но повествование, несмотря на реальные события, описываемые в произведении, является художественным.

Биографическое направление автор разрабатывает и в своём позднем творчестве, используя такие формы, как эссе, биографический очерк, записанное воспоминание. Но всё же основной массив литературно-художественного наследия Петрова составляют произведения, относящиеся к традиционным повествовательным жанровым формам рассказа и повести.

Ранние произведения автора, примыкающие в деревенской прозе, ещё полны социалистических реалий, современного периода их написания, но общекультурная база явно читается и на их фоне. Так, японская вишня из одноимённого рассказа, вошедшего в сборник «Сны золотые» [13], выступает в рассказе символом красоты, тяги человека к прекрасному (плоды сакуры несъедобны, и она выращивается лишь в декоративных целях) и одновременно символом бренности и быстротечности жизни, переменчивости бытия, недолговечности всего прекрасного. Прослеживается и отсылка к пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Сходство наблюдается не только в том, что центральным образом произведения является сад, но и в том, что автор поднимает проблематику смены поколений, смены жизненных ценностей.

М.Г. Петров указывает на жанровую принадлежность «Японской вишни», включая произведение в раздел рассказов. Есть также ряд формальных признаков, которые указывают на то, что перед нами рассказ: малый объём произведения, одна сюжетная линия, наличие рассказчика, фабульность – эти элементы не всегда, но как правило, характеризуют именно рассказ. Литературоведы отмечают особое значение знаковости, необходимой для того, чтобы сконцентрировать в рассказе, несмотря на его малую форму, множество образов, смысловых линий: «Так, собирая, концентрируя, сокращая мир в одну обозримую каплю, система носителей жанра рассказа одновременно даёт представление о том, что мир не замкнут в этой капле, что она сама скреплена многочисленными, уходящими в бесконечную даль лучами с большим миром» [6, с. 213].

К некоторым рассказам и повестям, написанным в ранний период творчества, Петров возвращается и в позднем периоде, таковы рассказы «Гуси», «Протест», повести «Сны золотые», «Наследники». Он включает их в новые сборники, частично переработав, отредактировав. Наиболее примечательным с точки зрения жанровой атрибуции произведений является сборник «*Cancer* и другие истории» [10]. Это первый после длительного перерыва сборник художественных произведений (2009), в него вошли рассказ «Смёртные ключи» и несколько повестей.

Произведение, давшее название сборнику, – «*Cancer*» отпределяется Петровым как *история одной болезни*. Формально это повесть, но автору важно подчеркнуть, во-первых, сказовость повествования (история): линейный сюжет, некий пересказ событий, сопровождающих этапы болезни; во-вторых, определяя жанр таким образом, автор прибегает к игре слов, используя устойчивое выражение «история болезни». В итоге получается некий синтез медицинского документа, поэтапных сведений о болезни, взятых из медицинской карты, и художественного повествования.

Кроме того, такая формулировка жанра является смысловой контаминацией двух понятий, обозначающих нечто всеобщее («история») и конкретно-единичное («одной болезни»). Таким образом, типическое переводится в разряд индивидуального переживания и обратно. За счёт этого достигается исповедальность повествования и в то же время общность судьбы рассказчика с другими людьми, попавшими или могущими попасть в аналогичную ситуацию. Здесь уместно вспомнить похожие заглавия, подзаглавия, уточняющие заголовки, и жанровые определения из совершенно разных культурных пластов, такие как «История одного города», «Пигмалион, или История одного пари», «Парфюмер. История одного убийцы» и др.

Возвращаясь к теме жизнеописаний и документальных повестей, о которых мы говорили выше, важно отметить, что «*Cancer*» является автобиографической повестью, несмотря на её неоспоримую художественность, и тематически примыкает к некоторым повестям, эссе, воспоминаниям.

В сборнике «*Cancer* и другие истории» мы встречаем новый для автора жанр – хроники. Петров объединяет несколько повестей, связанных единой тематикой, в цикл «Сибирские хроники». Туда входят такие произведения, как «Мытарь пролетариата» и «Год 1954-й». Петров родился и вырос в сибирском посёлке, тема Сибири проходит лейтмотивом во всём его творчестве. Особенно это характерно для позднего периода, когда автор возвращается к детским и юношеским воспоминаниям. В цикл вошли разные истории, их герои – разные люди, но всех их связывает Сибирь.

Помимо повестей, рассчитанных на взрослого читателя, в сборник включена одна детская повесть – «Кока Морока», написанная в 1966 году в Омске. Дру-

гие детские произведения автора выходили отдельным изданием «Цып и цып-цып» [14]. «Кока Морока» – увлекательная повесть о сказочном человечке и мальчике Егошке. Жанровая принадлежность произведения обозначена автором как «невероятная история».

Тема детства объединяет и произведения, включённые автором в его последний сборник «Ярчук» [15]. Концепцию писатель разрабатывал сам, но вышел сборник уже после его смерти. В сборник включены рассказы и повесть «Люди с ветра», которая ранее выходила под названием «Год 1954-й» в составе цикла «Сибирские хроники». Эта последняя книга автора наиболее проста с жанровой точки зрения. Петров, перепробовав различные жанровые формы, в итоге выбирает традиционные жанры рассказа и повести, включая эту атрибуцию в заголовочный комплекс всех произведений сборника. Петров готовил сборник «Ярчук» не только как книгу о детстве, но и как книгу для детей среднего и старшего школьного возраста. Именно поэтому, что характерно для жанра детских рассказов и повестей, издание проиллюстрировано. Детскую литературу условно разделяют на три категории: 1) произведения написанные непосредственно для детей, 2) произведения, адресованные взрослым, но интересные и детской аудитории, 3) произведения, созданные детьми. Сборник Петрова – это произведения, изначально предназначенные для взрослого читателя. Проблематика, поднимаемая в них, – глубокая, обширная, не нацеленная на ребёнка. Но благодаря простому языку и повествовательным формам, близким по духу их героям – детям, эти произведения находят отклик у ребят и подростков. Автор целенаправленно отбирал произведения с линейным сюжетом, простым для восприятия хронотопом. Эти произведения характеризуются яркой образностью, в них отсутствуют сложные лексические и синтаксические конструкции, повествование насыщено действием и диалогами.

Таким образом, М.Г. Петров работал с различными жанровыми формами, в некотором роде экспериментируя, используя нестандартные жанровые подходы. Жанр для автора – одна из составляющих диалога с читателем, предзаданное условие прочтения произведения. Творческое наследие автора – это разнообразные биографические и автобиографические жанры, традиционные художественные повествовательные формы рассказа и повести, произведения для детей и подростков, синтез журналистских и литературно-художественных жанров, вариации драматического жанра, цикл повестей и др. Для М.Г. Петрова атрибуция по жанровому признаку – неотъемлемая составляющая произведения, как и заглавие. Автор изначально задаёт определённые рамки, форма становится первичной, наполняясь содержанием в соответствии с некими условиями. Жанровое разнообразие в целом становится конструктором, элементы которого можно переставлять, меняя вектор восприятия в зависимости от жанровой атрибуции.

Список литературы

1. Баринова Е. Е. Проблема классификации и теории литературных жанров // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 6 (260). Филология. Искусствоведение. Вып. 64. С. 17–25.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев : Next, 1994. 509 с.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: учеб. пособ. М.: Рос. гос. гумм. ун-т, 2001.
4. Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты : Учеб. пособие. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.

5. Ивлева Т. Как «сделан» художественный текст: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2018. 196 с.
6. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010.
7. Литовская М., Савкина И. Читать нельзя изучать. Книга о массовой литературе для учителей и учеников. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 150 с.
8. Николаева С. Ю. Импрессионистический экфрасис в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 59–70.
9. Николаева С. Ю. А. П. Чехов и древнерусская культура: Монография. Тверь, 2000. 168 с.
10. Петров М. Г. *Cancer* и другие истории. Повести. Тверь: Рус. провинция, 2009. 320 с.
11. Петров М. Г. Жизнеописание Дмитрия Шелехова. Тверь: Седьмая буква, 2010. 164 с.
12. Петров М. Г. На осеннем ветру. М.: Молодая гвардия, 1991. 336 с.
13. Петров М. Г. Сны золотые: Повести и рассказы. М.: Современник, 1985. 272 с.
14. Петров М. Г. Цып и цып-цып: Рассказы для дошк. возраста. Новосибирск, 1967. 31 с.
15. Петров М. Г. Ярчук: Рассказы, повесть. Тверь: Волга, 2016. 228 с.
16. Теория литературных жанров: Учеб. пособие / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2012. 256 с.
17. Томашевский В. Б. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.

THE PROBLEM OF GENRE ATTRIBUTION IN THE WORKS OF MICHAEL PETROV

Ye. A. Divakova

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article discusses the features of the author's genre attribution in the works of the famous writer Michael Petrov. It is shown how the writer directs the reader's perception, setting certain genre limits. The cases of Michael Petrov's use of non-standard genre forms and joining of various genre structures are also described.

Keywords: *Michael Petrov, genre, author's genre attribution, novel, short story, autobiographical novel, chronicle, the history of illness, fairy tale, literature for children.*

Об авторе:

ДИВАКОВА Евгения Алексеевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eadivakova@mail.ru.

About the author:

DIVAKOVA Yevgeniya Alekseevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: eadivakova@mail.ru.

УДК 821.161.1-1

МНОГОЛИКИЙ ДОН ЖУАН. ТРАКТОВКИ ОБРАЗА В ПОЭЗИИ СИМВОЛИСТОВ XX ВЕКА

О. А. Каинова

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

В статье дается интертекстуальная характеристика интерпретаций образа Дон Жуана, переработка классического сюжета и переосмысление образа Дон Жуана через художественное видение старших символистов и младосимволистов XX века.

Ключевые слова: «вечный образ»; тип; символ; архетип; мифема.

Попытки отследить легенду Дон Жуана до исторического источника подчеркивают театральность, заложенную в мифе: Н. С. Гумилев утверждал, что легенда драматурга Тирсо де Молина вдохновила одержимого поклонника игры перенять ее в реальной жизни [5, с. 176–177]; в другой предполагаемой оригинальной версии Дон Жуан соблазняет лишь двух дворянок, каждый раз выдавая себя за разных дворян: сначала герцогом Октавио, затем маркизом де ла Моте [9, с. 78]. Он в обоих случаях обманщик: его непрерывное паломничество позволило ему перевоплотиться бесконечное количество раз. Таким образом, уместной выглядит ссылка на занавес в стихотворении Блока, предполагающая, что мы находимся в театре [4, с. 50]:

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан? [1, с. 80]

Фраза «постылая свобода» отсылает нас к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина. Как и Онегин, Дон Жуан Блока – антигерой, который переживает прозрение и начинает осознавать, что его жизнь была бессмысленна. В отличие от Дона Джованни да Понте, Дона Гуана Пушкина или Донов Хуанов Мольера и Бодлера, этому Дон Жуану автор / рассказчик не позволяет переступить порог смерти, доказывая свое мужество. Он остается в лиминальном пространстве – ни жив, ни мертв. Еще один контраст с данными версиями заключается в том, что нам не показано ни единое из преступлений, совершенных Доном Жуаном, лишь констатируется факт предательства блаженства. Таким образом, его предательство берет на себя онтологический аспект: как Фрейд говорит об Эдипе, его преступления могут быть нашими [8, с. 262]:

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.
Что изменнику блаженства звуки?

Миги жизни сочтены.
 Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
 Донна Анна видит сны.

...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
 Черный, тихий, как сова, мотор,
 Тихими, тяжелыми шагами
 В дом вступает Командор...
 Настежь дверь. Из непомерной стужи,
 Словно хриплый бой ночных часов –
 Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
 Я пришел. А ты готов?..»
 На вопрос жестокий нет ответа,
 Нет ответа – тишина.
 В пышной спальне страшно в час рассвета,
 Слуги спят, и ночь бледна.
 В час рассвета холодно и странно,
 В час рассвета – ночь мутна.
 Дева Света! Где ты, донна Анна?
 Анна! Анна! – Тишина.
 Только в грозном утреннем тумане
 Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час [1, с. 80–81].

«А ты готов?» – вопрос, заданный в домашней обстановке посреди ночи, сразу напоминает Евангелие от Матфея, а также Евангелие от Луки: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий. Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24: 42–44); «Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12: 20).

Вопрос о готовности, естественно, напоминает и декларацию Гамлета, акт V, сцена 2 (незадолго до дуэли, которая обрывает его жизнь), что «готовность – это все» [7], в переводе Н.И. Гнедича звучит как «Надо всегда быть готовым». Замечание возникло из ссылки на другой отрывок из Библии – Евангелие от Матфея (10: 29). Пенье петуха во второй строке – еще одно поразительное эхо Священных Писаний, напоминающее тройное отрицание Петром Христа, предсказанное последним в Евангелии от Матфея (26: 33–35), Евангелии от Марка (14: 29–31), Евангелии от Луки (22: 33–34) и Евангелии от Иоанна (13: 36–38); и наставление Христа быть бдительным в Евангелии от Марка (13: 25–37). Любопытно, что три вопроса адресованы Донне Анне, три Дону Жуану, и трижды говорится о холоде, царящем в этот момент, и соответствуют Петру, трижды отрицавшемуся Христа. Предательство Девы Света соответствует тому же предательству, но здесь впервые женская ипостась божественного лишена своего чудовищного аспекта, так как он переходит к Ангелу Отмщения, Командору.

Противоречивая, парадоксальная природа Дона Жуана сделала его очень привлекательным для старшего поколения поэтов-символистов, что подтверждают сонет В.Я. Брюсова и цикл К.Д. Бальмонта на эту тему. Любопытно сравнить стихи Бальмонта (1897) и Брюсова (1900) на тему Дона Жуана со стихотворениями Блока и Гумилева, чтобы увидеть огромную разницу между старшими символистами и младосимволистами. И Бальмонт, и Брюсов вкладывают апологичность в мифическую фигуру как гуманистического пионера, свидетельствуя о величии чувственности («Он видел сон земли, не сон небес») и об огромной множественности человеческих взаимоотношений:

В любви душа вскрывается до дна,
Яснеет в ней святая глубина,
Где всё единственно и неслучайно.
Да! Я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа – то новый мир,
И манит вновь своей безвестной тайной [2, с. 158].

Этот подход, абсолютно брюсовский в своем непереносимом технократическом позитивизме, знаком нам по его стихотворениям на математические и металлургические темы: его Дон Жуан проводит большой научный эксперимент, что будет продвигать человеческие знания. З.Н. Гиппиус позднее (в 1926 г.) написала «Ответ Дон-Жуана», в котором она представляет Дон Жуана как искателя идеала: «Дон-Жуан любил всегда одну» [3, с. 505]. Эта контр-традиция, в которой Дон Жуан по крайней мере частично подтверждается как знатный идеалист, как представляется, началась с рассказа Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан», будучи ответом на оперу Моцарта [6, с. 186–256]. Любопытно, что чтение Гиппиус легенды согласуется по своей сути с психоаналитическими чтениями М. Кляйн и О. Ранка. Как видим, Гумилев применяет аналогичную трактовку в другом стихотворении, хотя и не ссылается на Дона Жуана по имени.

Список литературы

1. Блок А. А. Стихотворения: В 3 кн. Кн. 3. (1905–1914). М.: Мусагет, 1916. 272 с.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения 1892–1909. М.: Худож. лит., 1973. 672 с.
3. Гиппиус З. Н. Живые лица: воспоминания, стихотворения. М.: Рус. книга, 2002. 700 с.
4. Дмитренко С. Ф. О проблематике стихотворения «Шаги командора» // А. А. Блок и мировая культура: мат. науч. конф. (14–17 марта 2000 г.). Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. С. 48–62.
5. Одоевцева И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.
6. Актуальные проблемы современной мифопоэтики: уч. пособие. М.: Флинта, 2011. 530 с.
7. Шекспир У. Гамлет: Антология русских переводов [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet20.txt_with-big-pictures.html. (Дата обращения: 10.12.2017.)
8. Freud S. The Interpretation of Dreams. N.Y.: Basic Books, 2010. 677 p.
9. Pospiszyl K. Tristan i Don Juan czyli Odcienie miłości mężczyzny w kulturze europejskiej. Warszawa: Iskry, 1986. 164 s.

**MULTIFACETED DON JUAN. ARCHETYPE INTERPRETATIONS IN THE
SYMBOLISTS POETRY OF THE XX CENTURY**

O. A. Kainova

Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov
the Department of Journalism History and Literature

In the article the author gives an intertextual description of the interpretations of the image of Don Juan, the remaking of the classical plot and a reinterpretation of the image of Don Juan through the artistic vision of the senior Symbolists and Young Symbolists of the 20th century.

Keywords: *“eternal image”; type; symbol; archetype; mytheme.*

Об авторе:

КАИНОВА Ольга Александровна – аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, 21), e-mail: o.kainova@mail.ru.

About the author:

KAINOVA Olga Aleksandrovna – Postgraduate Student at the Department of Journalism History and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: o.kainova@mail.ru.

УДК 821.161.1-2

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ «ЧАЙКА» Б. АКУНИНА КАК «ТЕКСТ-ПРОДОЛЖЕНИЕ»

А. Ю. Кудина

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В данной статье на материале комедии «Чайка» Б. Акунина рассмотрена проблема «текстов-продолжений», которые получили широкое распространение в эпоху постмодернизма. Для текстов, написанных в данную эпоху, характерны игра, ирония и принцип деконструкции. Исходный текст, комедия «Чайка» А.П. Чехова, и вторичный текст, комедия «Чайка» Б. Акунина, исследуются с позиций теории интертекстуальности, предложенной Ж. Женеттом.

Ключевые слова: теория интертекста, вторичный текст, «текст-продолжение», постмодернистский детектив.

Современное искусство и литературу уже традиционно связывают с постмодернизмом, который осознается сегодня как «транскультурный и мультирелигиозный феномен, предполагающий диалог на основе взаимной информации, открытость, ориентацию на многообразие духовной жизни человечества» [9, с. 94]. Диалог лежит в основе искусства и литературы постмодернизма, взаимопроникновение текстов и их постоянное взаимодействие являются одними из самых важных принципов построения художественных произведений. Постмодернистский текст никогда не скрывает своей цитатной природы, оперируя уже известными языками и моделями.

Именно в эпоху постмодернизма исследователи-литературоведы все чаще начинают обращаться к проблеме вторичных текстов, а также к общей теории интертекстуальности, которая берет свои истоки в работах М.М. Бахтина о первичных и вторичных речевых жанрах [2]. Интертекстуальность, хотя и является одной из самых важных характерных черт постмодернистских текстов, гораздо шире каких-либо периодов в истории литературы, поскольку взаимовлияние и взаимопроникновение характерно для литературы как явления: не существует изолированных от литературного процесса и литературной традиции произведений художественного словесного творчества.

По определению Н. Пьеге-Гро, интертекстуальность – «это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты). Таким образом, интертекстуальность – это общее понятие, охватывающее такие различные формы, как пародия, плагиат, перезапись, коллаж и т. д.» [11, с. 56].

В данном определении исследователь в качестве примеров интертекстуальности приводит такие «формы», как пародия, плагиат, перезапись, коллаж. Большинство ученых, занимающихся проблемами интертекстуальности и вторичных текстов, подвергают теоретическому осмыслению вышеназванные формы вторич-

ных текстов. На периферии исследовательских интересов оказывается такой феномен, как «текст-продолжение» (рабочий термин, который мы будем использовать). Массив «текстов-продолжений» достаточно велик, особенно много подобных текстов в литературе XX века, но до настоящего времени они не вызвали серьезного исследовательского интереса, поэтому оказались практически не изученными.

Под термином «текст-продолжение» мы понимаем текст, который является продолжением известного оригинального произведения, ставшего, как правило, каноническим. Зачастую такие тексты оказываются не только признанными шедеврами национальной литературы, но и прецедентными текстами культуры в целом.

Стоит отметить, что «тексты-продолжения» существовали и до XX века, но в XX веке, когда постмодернизм становится основным направлением в литературе, а принцип деконструкции [4] – основополагающим принципом построения художественных произведений, подобные тексты получают наибольшее распространение. В постмодернизме господствует всеобщее смешение и ирония, одним из главных его принципов стала «культурная опосредованность», или цитата. «Мы живём в эпоху, когда все слова уже сказаны, – обронил как-то Аверинцев, – поэтому каждое слово, даже каждая буква в постмодернистской культуре – это цитата» [12].

Комедия «Чайка», написанная Б. Акуниным в 2000 году, – это текст, созданный в постмодернистской парадигме, совмещающий в себе черты как «диалога с первичным текстом», так и «текста-завершения» (по классификации Л.М. Майдановой [8]).

Чеховская комедия состоит из четырех действий и заканчивается самоубийством Константина Треплева. В основе сюжета «Чайки» Акунина лежит предположение о том, что произошло не самоубийство, а убийство Константина Треплева. Во втором действии Акунин обыгрывает все версии возможного преступления, используя чеховский текст и предзаданность характеров и обстоятельств: «автору новой “Чайки” удается сохранить логику чеховских характеров, речевую манеру и поведенческий репертуар каждого персонажа» [13, с. 33]. Некоторые исследователи, напротив, полагают, что «в тексте нарушена логика чеховского повествования, до неузнаваемости изменены характеры и взаимоотношения персонажей» [10, с. 16].

Противоположность оценок данного текста дает нам возможность рассматривать его и как диалог двух текстов, и как альтернативное продолжение, развивающее детективную линию. Драматический текст Акунина является постмодернистским детективом и не подходит под жанровые критерии детектива в его традиционном понимании, тем более что сам Акунин вслед за Чеховым определяет жанровую принадлежность своего произведения как «комедию». Традиционный детектив направлен на поиск истины. Обязательно «наличие в нем главного героя – сыщика-детектива (как правило, частного), который раскрывает (*detects*) преступление. Главное содержание детектива составляет, таким образом, поиск истины. А именно понятие истины претерпело в начале XX века ряд изменений» [12].

Множественность версий следствия является аналогом идеи ансамблевости [14], являющейся важной особенностью чеховской драматургии. В то же время, вводя фигуру сыщика, характерную для классического детектива, Акунин, возможно, не преследуя данной цели, осуществляет эксперимент с жанрами. Именно фигура Дорна, выходящая на первый план, указывает на то, что в «Чайке» Акунина происходит возвращение от новой драмы с ее ансамблевостью к классической, однопольной драме.

«Чайка» Акунина состоит из двух действий, первое из которых начинается словами из четвертого действия «Чайки» Чехова. Акунин активно использует воз-

возможности претекста, выстраивая детективный сюжет. На самом деле произведение Акунина – это не столько продолжение чеховской «Чайки», сколько один из вариантов финала исходного текста, предложенный Акуниным. Пожалуй, это и является одной из самых важных революционных тенденций, появлению которых способствуют возможности вторичных текстов. Современный автор вступает в диалог с автором канонического текста, спорит с ним и предлагает другой финал известного всем произведения. Благодаря изменению финала произведение приобретает совершенно иную идейную направленность и, используя семантические валентности претекста, превращается из драмы, в основе которой лежит конфликт между художником и обществом, в детективную историю.

У. Эко в комментарии к своему известному роману «Имя розы» рассуждает об особенностях постмодернистского детектива и видит его главное отличие от традиционного детектива в том, что для традиционного детектива важен факт установления истины, а для постмодернистского детектива важна «история догадки»: «...<постмодернистский> детектив любят за другое. За то, что его сюжет – это всегда история догадки... Любая история следствия и догадки открывает нам что-то такое, что мы и раньше «как бы знали» (псевдохайдеггерианская отсылка). Этим объясняется, почему у меня основной вопрос (кто убийца?) раздроблен на множество других вопросов, каждый со своей догадкой, – и все они в сущности являются вопросами о структуре догадки как таковой» [18, с. 54].

Во втором действии «Чайки» Акунина мы как раз и наблюдаем эту «раздробленность на множество вопросов»: второе действие пьесы разбито на восемь «дублей», каждый из которых «проигрывает» одну из возможных версий убийства Константина Треплева. Здесь, безусловно, присутствуют и черты, характерные для традиционного детектива: функцию сыщика выполняет Дорн, который первым говорит о том, что самоубийство главного героя есть вовсе не самоубийство, и предлагает «проработать» каждую из версий. Семантические возможности чеховского текста крайне широки, и благодаря ему выясняется, что мотивы для убийства Константина были у каждого из героев чеховского текста.

Говоря о «Чайке» Акунина как о постмодернистском произведении, следует также отметить, что в основе постмодернистского текста лежит игра. Как одну из наиболее важных черт постмодернистской эстетики В. П. Руднев называет *отказ от серьезности и всеобщий плюрализм*. В. Б. Катаев в отношении «Чайки» Акунина пишет, что «иных целей, кроме игровых, автор, кажется, не преследует» [6, с. 121], что кажется не совсем точным, хотя проявление игры в тексте Акунина мы наблюдаем уже в самом начале: трансформированная ремарка исходного произведения становится началом текста Акунина. В кабинете Треплева появляются новые предметы: «Повсюду – и на шкафу, и на полках, и просто на полу – стоят чучела зверей и птиц: вороны, барсуки, зайцы, кошки, собаки и т.п. На самом видном месте, словно бы во главе всей этой рати – чучело большой чайки с растопыренными крыльями» [1]. Образ чайки в комедии Акунина подвергается ироническому переосмыслению, и не случайно автор помещает в кабинет Треплева чучело чайки. В чеховском тексте упоминание о чучеле чайки возникает только в диалоге Шамраева и Тригорина в конце произведения и предвосхищает ремарку: «Направо за сценой выстрел; все вздрагивают» [16, с. 61].

Одной из версий, которая в итоге и становится, на наш взгляд, «отгадкой», является версия о том, что убийцей Треплева оказывается сам Дорн, инициирующий данное расследование. Большинство исследователей склоняется к тому, что Акунин вовлекает читателя в постмодернистскую игру и ни один из дублей его вер-

сии «Чайки» не является развязкой. Признание финального дубля развязкой позволяет рассматривать «Чайку» Акунина именно как «текст-продолжение». Акунин, по сути, эксплицирует то, что заложено уже в «Чайке» Чехова. На то, что именно эта версия более всех подходит для того, чтобы быть «отгадкой», указывает, во-первых, формальный признак – восьмой дубль находится в конце пьесы, в «сильной» позиции текста. В той же логике решает вопрос об убийстве Константина Треплева Л. Димитров: «В конечном счете, последнее решающее самопризнание приводит к тому, что убийца – именно сам он, Дорн» [5, с. 47].

Во-вторых, данная версия представляет собой характерный для классического детектива пуант: тот, кто является инициатором следствия и ведет расследование, оказывается убийцей. Мотив Дорна преподан иронически (но от этого он не перестает быть мотивом для убийства): врач убивает Константина из-за того, что тот увлекался охотой и был жесток по отношению к животным, а сам Дорн, как оказалось, является секретарем губернского Общества защиты животных. Убийство раскрыто, Дорн признается и произносит слова: «Я отомстил за тебя, бедная чайка!» [1], – а в финальной ремарке отмечено, что стеклянные глаза чучела чайки загораются огоньками и раздаётся ее крик. Этот крик оказывается как бы свидетельством самой убитой, и эта дополнительная улика есть только в дубле, в котором убийцей оказывается Дорн. Все остальные герои, несмотря на то что у каждого из них есть и мотив для убийства, и признание вины, подобного «доказательства» лишены.

Открытый финал чеховского произведения провоцирует на то, чтобы «дописать» его комедию, тем более что сам Чехов упоминал в письме к А.С. Суворину: «Начал её forte и кончил pianissimo – вопреки всем правилам драматического искусства. Вышла повесть. Я более недоволен, чем доволен...» [15, с. 53].

Таким образом, продолжение чеховской «Чайки», написанное Акуниным, является одновременно и альтернативной версией чеховского текста. «Чайка» Акунина совмещает в себе черты как традиционного детектива (наличие фигуры следователя и установление истины в финале), так и постмодернистского, для которого характерны развитие сюжета как развитие истории «догадки», авторская ирония и игра по отношению к каноническому тексту. Кроме того, пьеса Акунина представляет собой эксперимент с жанрами новой и классической драмы. Переключки ситуаций, имеющих отношение к разным героям («гетероперсональная эквивалентность» [17, с. 134]), позволяет воспринимать «Чайку» Акунина как «текст-продолжение»: Дорн убивает Константина Треплева, осуществляя месть за убитую чайку.

Список литературы

1. Акунин Б. Чайка: Комедия в двух действиях. [Электронный ресурс] // Борис Акунин. Сочинения. Полное интерактивное собрание. URL: <http://www.akunin.ru/knigi/prochee/chaika/>. (Дата обращения: 23.08.2018.)
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 220 с.
4. Деррида Ж. Московские лекции. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 90 с.
5. Димитров Л. Ловушка для чаек // Весь мир театр? Весь мир – литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей. М.: Буки Веди, 2016. С. 39–51.
6. Катаев В. Б. Игра в осколки: Судьба русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во МГУ, 2002. 252 с.

7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–475.
8. Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург: Полиграфист, 1994. С. 81–104.
9. Маньковская Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН, 1994. 220 с.
10. Петухова Е. Н. Трансформация «Чайки» // Весь мир театр? Весь мир – литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей. М.: Буки Веди, 2016. С. 14–22.
11. Пьге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
12. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
13. Савельева В. В. Чужое как своё: пересоздание чеховского текста и мира в «Чайке» Б. Акунина // Весь мир театр? Весь мир – литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей. М.: Буки Веди, 2016. С. 29–39.
14. Фадеева Н. И. Новаторство драматургии А. П. Чехова: пособие по спецкурсу. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. 83 с.
15. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1985. 735 с.
16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 13. М.: Наука, 1986. 523 с.
17. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
18. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М.: Corpus, Астрель, 2011. 160 с.

THE “SEA-GULL” BY B. AKUNIN AS AN EXAMPLE OF THE “TEXT-CONTINUATION”

A. Yu. Kudina

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article is devoted to the problem the “text-continuation”, which were widely distributed in the era of postmodernism. The principle of a play, the principle of an irony, the principle of a deconstruction are the specific features of postmodern text. The research is based on the analysis of intertextual communication of the initial text (“The Sea-Gull” by A. Chekhov) and of the “text-continuation” (“The Sea-Gull” by B. Akunin) according to theory by G. Genette.

Keywords: *the general theory of intertext, the secondary text, the “text-continuation”, the postmodern detective.*

Об авторе:

Кудина Анастасия Юрьевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: kudina555@mail.ru.

About the author:

KUDINA Anastasiya Yurevna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: kudina555@mail.ru.

УДК 811.161.1:004.738.5

АЛЛОФРОНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ**З.Г. Кульшарипова**

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
кафедра русского языка

В статье представлены результаты исследования основных видов аллофронии, встречающихся в интернет-комментариях к статьям, посвященным политике и обществу, из электронных изданий «Московский комсомолец» и «Экспресс-газета».

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-комментарий, аллофрония, противоречие.

В современном обществе наряду с традиционными формами общения используется новый тип коммуникации – общение в интернет-среде. Для него характерно сочетание письменной и устной речи; наличие таких жанров, как электронное письмо, блог, комментарий, форум, чат, доска объявлений; использование смайлов и других средств выражения эмоций. В настоящее время многие ученые акцентируют внимание на изучении особенностей интернет-коммуникации [1; 2; 4; 6].

Целью данной статьи является выявление и классификация аллофронных элементов в интернет-комментариях на русском языке. Объектом изучения стали статьи и комментарии к ним из таких электронных периодических изданий, как «Московский комсомолец» и «Экспресс-газета». В качестве материала для исследования были использованы статьи из сферы политики и общества, описывающие наиболее злободневные темы, вызывающие интерес у разных слоев населения. Общее количество проанализированных комментариев, содержащих аллофронные элементы, составило 100 единиц.

Термин *аллофрония* был введен Б. Т. Ганеевым для обозначения «нестандартного, противоречивого, аритмичного аспекта языка с ассиметричной структурой» [3, с. 124]. Признаками аллофронии являются многозначность лексемы, наличие в ней эксплицитного противоречия, наличие имплицитного, латентного противоречия, наличие грамматического противоречия и несоответствие ожидаемому референту [Там же, с. 125]. Б. Т. Ганеев выделяет аллофронию, или противоречия, в грамматике, лексике и стилистике. К грамматическим противоречиям он относит системные противоречия – «строевые противоречия, заложенные в морфемах, и системно-функциональные противоречия – категориальные противоречия, которые относятся как к системе языка, так и к сфере речи» [Там же, с. 133]. Среди лексических противоречий можно выделить примеры использования тавтологии, окказионализмов, омонимии, оксюморонов и т. д. Стилистические противоречия связаны с использованием разнообразных тропов и стилистических фигур, таких как метафора, ирония, парадокс, каламбур, загадка и др.

Ирония – вид аллофронии, представляющий собой скрытую насмешку и основанный на употреблении слова в смысле, обратном буквальному. Ирония является одним из наиболее распространенных стилистических средств, встречающихся в интернет-комментариях и представляющих собой противоречие.

«Слава богу урожая не будет а будет инфляция. А то совсем бы обидно было» (здесь и далее в примерах сохранена авторская орфография и пунктуация. – З. К.). В данном случае фраза *Слава богу* употреблена в противоположном от денотативного значения смысле. Кроме того, лексическая единица *инфляция*, которая обычно используется с негативным смыслом, несет положительное коннотативное значение.

«Нет, определённо, мы не переживём такого горя <...> Что делать? что с нами будет?» Здесь лексическая единица *горе* (скорбь, печаль, несчастье) использована в противоположном значении (радость, счастье) и представляет собой язвительное замечание, подразумевающее «скатертью тебе дорога».

Данный комментарий является примером развернутой иронии: «А ещё прилетали марсиане и так путина нахваливали. Говорят единственная надежда галактики!».

Комментарий с использованием парадоксальной иронии: «А ведь сбываются предсказания Ванги о светом князе Владимире, которые она дала ещё за 200 лет до своего рождения!».

Сарказм. Грань между иронией и сарказмом является очень тонкой, вследствие чего данные виды аллофронии часто пересекаются. Сарказм представляет собой высшую степень иронии, злую насмешку. На наш взгляд, следующие комментарии являются примерами сарказма.

«Назло бабушке отморожу не только уши, но и все выступающие части тела». В данном случае использование фразеологизма, дополненного словами автора, создает эффект преувеличения негативного значения устойчивой единицы и, соответственно, злую насмешку.

Парадокс представляет собой высказывание, которое противоречит общепринятому мнению.

«Мы не так богаты чтобы ездить на наши курорты!» Данная ситуация парадоксальна, поскольку предполагается, что свои курорты являются дешевыми и небогатые слои населения могут их себе позволить, что создает противоречие между высказыванием и его смыслом.

«Лучше бы поговорил о действительном состоянии нашей экономике, казнокрадах, жизни людей, прозябающих в самой богатой стране мира». Противоречие в данном комментарии заключается в сочетании лексической единицы *прозябать* («вести жалкую, бедную или бессодержательную, бесцельную жизнь» [7]) и словосочетания *самая богатая страна*.

Парадокс содержится в комментарии «Грустные выборы без выбора». Выборы – «способ формирования органов государства и местного самоуправления с помощью голосования. Избирательное право является одной из форм участия граждан в управлении государством» [5].

Контаминация – это соединение двух слов в одно. В русских интернет-комментариях случаи использования словотворчества являются довольно частыми, ср.: «смеялась долго, гейропа, что тут еще скажешь...», «гейропейцам и укрожидобандерофоистам!», «и либерастов!!!».

Комический перифраз. Перифраз представляет собой не прямое, описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей. «Сказка ложь, да в ней намек – избирателям урок!» В данном случае фраза из произведения А.С. Пушкина «Сказка о золотом петушке» имеет новое содержание, что создает комический эффект. «Жги глаголом дальше!» – перифраз из стихотворения «Пророк» А.С. Пушкина.

Гипербола – это явное и намеренное преувеличение с целью усиления выразительности и подчёркивания мысли. Случаи использования гиперболы довольно редки, ср.: *«Теперь обязательно посмотрю..хотя уверен *буря в стакане воды*»* – подчеркивается бессмысленность переполюха, поднятого по незначительному происшествию.

Антонимия. Интересный пример антонимии – в следующем комментарии: *«А, вы неуважаемый, сначала вопрос изучите. Оставьте свое обывательски-ПТУшное мнение при себе»*. Здесь общепринятое обращение *уважаемый* заменяется на антоним, что в данном контексте создает противоречие.

Метафора представляет собой слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение неназванного предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака. Обращают внимание следующие случаи употребления метафоры.

1. На основе сходства в способе представления действия: *«В системе мирового правительства каждая страна играет свою роль. Мы много чего не знаем, но о многом догадываемся. А иногда Господь глаза открывает»*. В данном случае метафора *Господь глаза открывает* несет в себе противоречие, так как описанное действие не является фигуральным, но подчеркивает тот факт, что люди неким образом начинают осознавать действительность.

2. На основе сходства производимого впечатления: *«Отдохнуть ему пора, золотой он человек...»*.

3. На основе сходства оценки: *«И только в нашем спорте - что бы не произошло, в какую грязнейшую историю наша страна не попала, – “священную корову” от спорта – нашего Мутко никто не трогает!...»*.

Зевгма – это стилистическая фигура, состоящая в соединении двух слов (или двух предложений), которые по содержанию не подходят друг другу. *«Вулкан Йеулстоун (сохранена авторская орфография. – З.К.) зашевелился. Побежали животные, побежали ученые, побежала ЭЛИТА»*. Собирательное существительное *элита* употреблено в сочетании с конкретными существительными для создания комического эффекта.

Цитаты. В интернет-комментариях часто используются широкоизвестные цитаты из художественной литературы. Например: *«Если звезды зажигаются, то это кому-нибудь очень надо. Что касается благотворительных фондов, то за очень небольшим исключением это просто копилка для учредителей...»*. Здесь автор использует фрагмент из известного стихотворения Маяковского «Послушайте!» как часть своей собственной речи. *«Нет друзья, как ни садитесь, а лучшие садитесь в тюрьму»* – это цитата из басни Крылова «Квартет» («А вы друзья, как ни садитесь, Все в музыканты не годитесь...»).

Тавтология представляет собой повторение одних и тех же или близких по смыслу слов и довольно редко встречается в комментариях. *«Это просто идиотизм в степени, как и лайки под такой удивительно тупой по своему смыслу ахинеей...»*. Известно, что *ахинея* – это вздор, бессмыслица, глупость, поэтому использование данной лексической единицы с определением *тупая по своему смыслу* создает тавтологию.

Юмор. Интернет-комментарии зачастую содержат юмор, который тоже является видом аллофонии. Пример парадоксального юмора: *«Лучше поздно, чем никогда, – подумал Абрамович, приподнявшись с рельсов и глядя вслед огням удаляющегося поезда»*. Примечательно, что подобные примеры не только вызывают

смех у читающих, но и отражают исторические события, климатические и другие характерные для данного времени и общества особенности.

Фразеологизмы по своей структуре представляют собой аллофронию, так как основываются на переносе значения. Можно выделить следующие группы фразеологизмов, встречающихся в интернет-комментариях.

1. Фразеологические сращения: *«Как бы они не старались, шило в мешке не утаишь»*; *«И вбил он последний гвоздь в крышку гроба своей президентской компании»*; *«Александр Мельман белены объелся»*; *«Как говорят чья бы корова мычала, а твоя бы молчала»*; *«Зачем я этот бред сивой кобылы прочитал, мне ктонибудь скажет?»*.

2. Фразеологические единства: *«Автор, снимаю шляпу!»*; *«И эту туфту про кибербезопасность он штатовцам на уши вешает, или это нам вешают в МК»*; *«Свои милые бранятся, только тешатся, поэтому серьёзно судить нельзя, за кулисами братаются»*; *«Теперь всё понятно. Её задача “разворошить спящий улей”»*.

3. Фразеологические сочетания: *«Прекрасная и очень своевременно опубликованная статья! Дуч света в тёмном царстве бандитского капитализма, выстроенного в России»*; *«Самым большим “талантом” толмачей и всякого рода болтунов, является – умение высасывать нужные аргументы из пальца, а, не редко, и из других органов человека, после чего «виртуозно» жонглировать ими перед публикой»*. Последний пример представляет собой видоизменённый фразеологизм.

Перейдем к выводам. Во-первых, аллофония является характерным явлением в интернет-комментариях на русском языке. Во-вторых, чаще всего в интернет-комментариях встречаются фразеологические единицы (26%), ирония и сарказм (22%), парадокс (10%), метафоры и цитаты (по 9 %), контаминация (8%). Такие аллофонные элементы как перифраз, гипербола, зевгма, тавтология и юмор представлены единичными случаями. В-третьих, читатели издания «Московский комсомолец» гораздо больше комментируют статьи, чем читатели «Экспресс-газеты», и использование аллофонии преобладает в комментариях к статьям из «Московского комсомольца».

Список литературы

1. Абдуллина Л. Р. Интернет-комментарии как отражение национального мировосприятия (на материале французского и русского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 5–6.
2. Вежновец Е. Комментарии в социальных сетях: производство и воспроизводство интернет-дискурса [Электронный ресурс] // Научный журнал «Современный дискурс-анализ». URL: <http://discourseanalysis.org/ada15/st101.shtml>. (Дата обращения: 28.01.2018.)
3. Ганеев Б. Т. Противоречия в языке и речи: монография. Уфа: Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2004. 472 с.
4. Иванова С. В., Зубарева В. М. Жанровые особенности коммента как интернет-текста // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1147–1151.
5. Политология: Словарь. [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/politology/>. (Дата обращения: 17.09.2018.)
6. Степанова Л. Н. Комментарий в современном информационно-коммуникативном пространстве: перспективы лингвистического исследования // Современ-

ная филология (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 94–97.

7. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24511>. (Дата обращения: 17.09.2018.)

ALLOPHRONY IN THE RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET-COMMENTS

Z. G. Kulsharipova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
the Department of Russian Language

The article represents the results of the research of the main types of allophony, found in the Internet comments in the articles on politics and society from the electronic publications of “Moskovsky Komsomolets” and “Express-Gazeta”.

Keywords: *Internet communication, Internet comment, allophony, contradiction.*

Об авторе:

КУЛЬШАРИПОВА Зилия Гумеровна – аспирант кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (450008, Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3-а), e-mail: zilya.kulsharipova@mail.ru.

About the author:

KULSHARIPOVA Zilya Gumerovna – Postgraduate Student at the Department of Russian Language, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (450008, Ufa, Oktyabr'skoy Revolyutsii st., 3-a), e-mail: zilya.kulsharipova@mail.ru.

Сведения для авторов

Требования к направляемым материалам

СОДЕРЖАНИЕ статей должно отвечать установленным ВАК РФ требованиям к актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости публикуемых материалов. Авторы статей несут ответственность за точность цитации, наличие должных ссылок на источники и за достоверность приводимых фактов и результатов.

ОФОРМЛЕНИЕ статей должно строго соответствовать шаблону ТвГУ. Текст статьи набирается в текстовом редакторе *MS Word* (версия *Word 2003*) без использования стилей. Требуется указать УДК статьи.

Аннотации (не более 7 строк) и ключевые слова (не более 6) приводятся на русском и английском языках (обязательно указать название статьи и Ф.И.О. автора на обоих языках), располагаются с двусторонней отбивкой в 5 мм без красной строки.

Параметры страницы: зеркальное расположение страниц; верхнее поле 25 мм, нижнее – 57 мм, внутри – 23 мм, снаружи – 55 мм; от верхнего колонтитула – 20 мм, до нижнего колонтитула – 45 мм. Шрифт: *Times New Roman*, кегль 12 пунктов для основного текста, 11 пт. – для аннотаций, списка литературы, а также для таблиц, рисунков, выделенных в отдельный абзац цитат и примеров. Примеры в тексте выделяются курсивом, значение слова обозначается английскими одиночными кавычками (например, ‘слово’). Межстрочный интервал одинарный. Абзацный отступ 12,5 мм устанавливается для всего текста; отступ снимается для расположенных по центру заголовка и подзаголовков, для таблиц и рисунков и подписей под ними.

Ссылки на источники – в квадратных скобках по номеру источника в списке литературы с указанием номера цитируемой страницы: [12, с. 56]. Ссылки на ряд работ разделяются точкой с запятой [12; 15].

Список литературы нумерованный алфавитный (сначала на русском языке); описание источников полное с указанием издательства, количества страниц для монографий и других книг, страниц «от» и «до» для статей. Не допускается замена тире дефисом при указании диапазона страниц и лет «от» и «до». При описании автореферата указываются номер специальности и название организации, в которой проходила защита.

Сведения об авторе (фамилия заглавными буквами, имя и отчество полностью строчными буквами, ученая степень, ученое звание, место работы, должность с указанием названия кафедры) сопровождаются адресом электронной почты.

Электронный вариант статьи (фамилия автора_название файла) направляется по электронной почте на адрес ответственного за соответствующий выпуск журнала; распечатка статьи и лицензионный договор направляются простым письмом на адрес, указанный в контактных данных. Аспирант высылает также заверенную рецензию научного руководителя. Публикация статьи аспиранта является бесплатной.

Редколлегия

Журнал «Вестник Тверского государственного университета, Серия: Филология» решением Президиума ВАК включен включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (в редакции 2015 года).

Контактные данные редакционной коллегии

ВЕСТНИК ТвГУ. Серия: ФИЛОЛОГИЯ

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, каб. 207

Тверской госуниверситет, телефоны: (4822) 34-46-56

Главный редактор – Залевская Александра Александровна,

e-mail: aazalev@mail.ru

Ответственный за выпуски № 1 и № 3 – заместитель главного редактора Гладиллина Ирина Владимировна, e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru. Тематика: литературоведение, лингвистика, журналистика. Адрес для отправки печатных материалов: 170002, Тверь, пр-т Чайковского, д. 70, ТвГУ, филологический ф-т, Гладиллиной И. В.

Ответственный за выпуски № 2 и № 4 – ответственный секретарь Обороина Марина Владимировна, e-mail: mobog@mail.ru. Тематика: лингвистика, межкультурная коммуникация, перевод, двуязычие. Адрес для отправки печатных материалов: 170100, Тверь, ул. Желябова, 33, ТвГУ, ф-т ИЯиМК, Обориной М. В.

Адреса страницы на сайте, где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, включая шаблон, лицензионный договор, примеры оформления библиографического списка: <http://rgf.tversu.ru/node/408>; <http://filologia.tversu.ru/pages/287>.

Вестник Тверского государственного университета
Серия: Филология № 3, 2018

Подписной индекс: 80208 (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 14.09.2018. Выход в свет 28.09.2018.

Формат 70×108/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 500 экз. Заказ № 493.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корп. Б.

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

Цена свободная.

